

ЦС (Бур)
П 526
6348

Попте Н. Н.

Аларский го-
вор./ материалы
по исследованию
Монгольской и Тувин-
ской народных речеви-
д. Бурет-монг.
Журн. В. II. — № 1930.

6348

ч. 1-2.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛЬСКОЙ И ТУВИНСКОЙ
НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК И БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР, в. 11

Н. Н. ПОПЕ

АЛАРСКИЙ ГОВОР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР
ЛЕНИНГРАД 1930

Handwritten notes in the left margin:
1930
- 2159
- 1930
- 2159
- 1930

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Июнь 1930 г.

Непременный Секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания академик Б. Я. Владимиров

Начато набором в апреле 1930 г. — Окончено печатанием в июне 1930 г.

Тит. л. + 4 нен. + 130 стр. (1 фиг.)
Ленинградский Областлит № 55838. — 8⁸/₁₆ печ. л. — Тираж 1000
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	1
Очерк фонетики	7—75
Согласные	
Заднеязычные	7
Переднеязычные смычные и аффрикаты	12
Губные	14
О смычных в конце слога и слова	15
Спиранты с, з, ш, ж	16
Спирант h	22
Спирант j	26
Звуки н, л, р	27
Палатализованные согласные	29
Таблица согласных	33
Гласные	
Задние гласные	34
Передние гласные	38
Отражения старых передних гласных в аларском говоре	43
К истории *i	48
Долгие гласные	54
Сингармонизм и губное притяжение	59
Скользящие гласные	66
Ударение и количество	67
Таблица гласных	75
Материалы для морфологии	76—130
Имя	
Числительные	76
Склонение	79
Местоимения	86
Глагол	
Вспомогательные глаголы	96
Спряжение глаголов	100
Формы обращения	100
Именные формы	104
Изъявительные формы	114
Форма предположения	117
Условные формы	119
Деепричастные формы	121
Частицы	
Частицы подтверждения	128
Отрицание	129
Вопрос с отрицанием	130

Настоящая работа является результатом исследований, предпринятых при деятельном участии Государственного Института культуры Бурят-Монгольской АССР, и ныне издается при поддержке с его же стороны, за что приношу Институту культуры свою искреннюю благодарность.

Н. Поппе

28 IV 1930

ВВЕДЕНИЕ

I

Несмотря на то, что по бурятскому наречию в целом существует литература, количественно превосходящая все то, что было сделано до сих пор в области исследования других монгольских наречий, бурятское наречие не может считаться изученным. Казалось бы, что приступая к исследованию какого-нибудь бурятского говора, исследователь выбирает тему не совсем благодарную, ибо после всего сделанного на долю его не должно было бы выпадать открытие новых по существу фактов. На самом же деле исследование бурятского наречия представляет собою широкое поле деятельности, работы по возделыванию которого могло бы хватить на очень и очень многих исследователей.

Бурятское наречие не представляет собою единого на всем своем протяжении языка, но группу говоров, более или менее существенно отличающихся друг от друга. Отсюда ясно, что результаты исследования одного говора всегда будут иметь лишь частное значение и не могут поэтому исключать необходимость исследования других говоров. И так как бурятское наречие распадается на значительное количество говоров, из которых специальным исследованием представлен только хоринский говор, остальные говоры могут дать обильный материал для всех, кто пожелал бы ими заняться.

Вместе с тем, в этой области, как нигде больше, можно развернуть во всю ширь метод диалектологического исследования. Бурятских говоров много, все они в известной степени отличаются друг от друга, а потому они должны исследоваться более точно, более подробно, чем языки, являющиеся на всей территории своего распространения едиными, во всяком случае более едиными, чем бурятское наречие. Исследователь таких, более единых, единообразных языков может ограничиваться лингвистическим исследованием одного-двух мест всей территории распространения этого языка и обобщить свои выводы на весь язык. Для исследования бурятских говоров такой метод неприемлем. Наоборот, приступая к исследованию бурятского наречия, мы заранее должны разбить территорию его распространения на отдельные клетки и изучать каждую клетку в отдельности,

чтобы по настоящему изучить все существующие говоры, действительных количества которых мы даже не знаем. С другой стороны, когда все говоры будут исследованы, необходимо было бы применить к изучению бурятского наречия методы лингвистической географии и составить своего рода атлас карт распространения отдельных явлений фонетического, морфологического и т. д. порядков. Укажу, в качестве примера, на то, как одно и то же слово в разных говорах представляет собою формы, ходящие к нескольким прототипам: таким словом является слово *молоко* в аларском *уһёң*, в тункинском же *һуң*. Последняя форма, т. е. *һуң* ходит к **sün*, и мы находим ее в халхаском (ср. халх. *сү*), форма же *уһ* восходит к **üsün*, которая является характерной, между прочим, для ойратских говоров (ср. там *үсн*). Таких примеров много и, конечно, было бы необходимо использовать их для целей лингвистической географии.

Имея дело с большим количеством говоров, мы должны применить к ним метод наиболее точного исследования, обращая особенное внимание на явления фонетического порядка, не говоря уже о том, что и морфология и словоупотребление тоже должны найти в таких исследованиях свое отражение. Но я намеренно напеваю на необходимость наиболее точного фонетического исследования этих говоров. Прежде всего, коль скоро бурятские говоры иногда лишь незначительно отличаются друг от друга, можно заранее быть уверенным, что главные различия будут в фонетике. Морфология монгольских наречий вообще более или менее однообразна и, за исключением некоторых суффиксов падежных, образования глагольных форм и т. д., все они будут одинаковы почти во всех наречиях. Другое дело фонетические расхождения отдельных наречий и говоров: они всегда значительно более многочисленны и характерны.

Стоя на точке зрения необходимости точного фонетического исследования отдельных бурятских говоров, я считаю крайне важным отмечать мельчайшие оттенки произношения тех или иных звуков и притом такие оттенки, которые никакого психологического значения не имеют. Если мы будем передавать в нашей транскрипции только фонемы, то различие в говорах сотрется и получится единый язык, которого в действительности нет. Такая транскрипция недалеко уйдет от правописания монгольского письменного языка. И когда бурятские говоры окажутся исследованными в том духе, как это представляется мне желательным, мы сможем установить количество говоров и их взаимные отношения. Нам часто приходится говорить о говорах балаганских, унгинских, боханских и т. д. бурят. Но имеем ли мы дело с действительно существующими отдельными говорами балаганских, унгинских и боханских бурят? Не имеем ли мы здесь дело, может быть, только с двумя или, наоборот, более чем тремя говорами? Ведь говоры эти называем мы говорами, предполагая, что в этих трех прежних ведомствах говорят не на совсем одинаковом всюду диалекте.

место лингвистических критериев мы в данном случае руководствуемся административными делениями. Между тем, границы административные, конечно, не совпадают с лингвистическими. Так напр., нынешний Аларский аймак представляет собою территорию, куда вошло, с одной стороны, прежнее Аларское ведомство, а с другой стороны — Унга, и говоры, распространенные в Алари и Унге, несколько отличаются друг от друга, между тем они одинаково распространены в Аларском аймаке. И так было бы неправильно судить о говорах, руководствуясь административным делением местности, необходимо делить бурятское наречие на говоры, действительно существующие и устанавливаемые по признакам лингвистическим.

Наконец, укажу, что для доведения дела до успешного окончания, необходимо исследовать бурятские говоры стационарно. Необходимо уделять исследованию каждой местности как можно больше времени и внимания. Конечно, можно, казалось бы, описывать тот или иной говор, пользуясь в качестве объекта изучения одним жителем какой-нибудь местности даже не на территории Бурятии, напр., бурятами-учащимися в Ленинграде и др. городах, как это сделал в свое время А. Д. Руднев, но я считаю такое исследование недостаточным. Язык необходимо изучать в его родной обстановке, пользуясь сразу многими объектами изучения, иначе результаты такого исследования будут очень односторонни. К тому же, необходимо на месте посетить как можно больше пунктов данной территории, чтобы установить границы говоров.

II

Под аларским говором, как сказано, нельзя понимать диалект, распространенный в Аларском аймаке вообще, ибо в Унге, входящей в состав этого аймака, распространен уже другой говор. Под аларским говором я понимаю и в качестве такового изучал лишь говор собственно аларский, т. е. распространенный на территории прежнего Аларского ведомства. Территория эта не велика, и количество говорящих на нем тоже не очень значительно. Объяснять точно, где распространен аларский говор, я не буду, ибо границы его распространения даны на приложенной к настоящей работе карте (см. стр. 5). Как видно, аларский говор распространен на территории между р. Голуметью и железной дорогой с юга на север и между 102° и 103° с запада на восток.

Мое первое знакомство с аларским говором относится к 1926 г., когда я имел возможность в Ленинграде заниматься с рядом аларских бурят, слушателей Восточного Института, главным образом, с Г. Д. Сажеевым. На тогдашние свои занятия я смотрел только как на учебные, и потому

своих наблюдений того времени я не использовал для своей работы. Летом 1928 г. мне удалось на средства Академии Наук СССР при поддержке Бурят-Монгольского Ученого Комитета совершить совместно с Г. Д. Санжеевым поездку к аларским бурятам, причем лично я занимался тогда аларским говором, а мой спутник Г. Д. Санжеев — унгинским. В течение лета названного года я занимался стационарно в летнике Элзетуй, совершив несколько поездок в окрестные улусы. Результатом занятий того времени и является настоящая работа.

Что касается моих сведений по говорам бохайских бурят и эхрит-булгатов, особенно бурят Ольхонского края, то почерпнул я их главным образом из материалов А. К. Богданова, собиравшего их в 1928 и 1929 г. на средства Государственного Института Культуры БМАССР.

III

Издавая настоящую работу, я очень далек от того, чтобы считать ее безупречной в каком бы то ни было отношении. Я сознаю, что при всем том, что есть в ней положительного, она неизбежно должна страдать рядом недостатков и, вероятно, очень крупных. Что же касается желательного типа подобных описаний отдельных говоров, на основании которых впоследствии может быть составлен специальный труд о бурятском наречии в целом, с учетом особенностей всех говоров, то я признаю, что таковым является все же тип данной работы. Я полагаю, что для доведения до успешного окончания дела исследования бурятского наречия в целом необходимы работы именно этого типа — монографические описания отдельных говоров, из которых первым является пока работа А. Д. Руднева (Хори-Бурятский говор), по образцу которой составлена и настоящая работа. Заимствовав этот тип, внешнюю сторону, я старался развить отдельные положения более подробно и коснулся ряда вопросов, пока еще никем не затронутых в отношении бурятских говоров. В этом сходство и разница моей работы и прежних.

Обратив внимание, главным образом, на точное фонетическое обследование аларского говора, я даю здесь прежде всего очерк фонетики аларского говора. Записав ряд текстов, которые я предполагаю издать дальше вместе с переводом, я извлек из них все, что могло иметь значение для характеристики аларского говора с морфологической точки зрения. Считая необходимым в будущем дать подробную описательную и сравнительную грамматику всех бурятских говоров, я озаглавил свой морфологический очерк „Материалами для морфологии“, ибо очерк этот очень далек от того, чтобы мог считаться грамматикой. И повторяя, что во многом я, вероятно, неправ, что кое-что мною упущено из виду и представлено,

быть может, в неверном освещении, я все же считаю, что будущие исследования других говоров должны быть построены по этому же типу. Я счел бы себя вполне удовлетворенным, если бы такие работы, дополняющие и исправляющие эту, появились в будущем.

В заключение укажу, что мои переводы и записи текстов были просмотрены Г. Д. Санжеевым, причем он дружески указал мне на некото-

Границы распространения аларского говора.

рые промахи. Точно также он помог мне разобраться во многих непонятных мне местах текстов и перевести их. Многое, о чем речь идет в очерках фонетики и морфологии, было мною обсуждено с ним и дополнено его материалами, в частности его материалами по говору Окинских бурят из его поездки 1929 г. Приношу ему свою самую искреннюю благодарность за занятия со мной в бытность его студентом, за добрую помощь на месте, в Аларе, когда благодаря ему мне удалось познакомиться с рядом полез-

ных для меня людей, за создание для меня обстановки спокойной работы на его родине и, наконец, за дружескую помощь при составлении этой работы. Я не могу не выразить своей благодарности также лицам, сообщившим мне те произведения народной словесности, которые я предполагаю издать впоследствии. И last not least выражаю свою глубокую признательность Б. Я. Владимирцову за те ценные указания, которыми он поделился со мной при просмотре моей работы.

ОЧЕРК ФОНЕТИКИ

СОГЛАСНЫЕ

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ

§ 1. Аларский говор знает следующие заднеязычные: 1) k' , 2) k' , 3) g , 4) g , 5) x , 6) ξ и 7) η .

Подвергая эти звуки более детальному рассмотрению, начнем с x . Этим знаком здесь передается заднеязычный глухой спирант с резким шумом вследствие сильного сужения. В зависимости от того, с какими гласными он сочетается, с задними ли или передними, звук этот подвергается некоторым комбинаторным изменениям: в сочетании с гласными заднего ряда это велярно-заднеязычный, в сочетании с гласными переднего ряда это звук более передний (средне-палатальный). В виду того, что качество этих двух x находится в прямой зависимости от вокализма слова, я не счел необходимым передавать их двумя различными знаками. Палатализованный x , т. е. ξ , является значительно более передним звуком, чем велярно-заднеязычный и даже средне-палатальный x : знак палатализации здесь указывает не только на палатализацию (смягченность), но и на то, что звук этот вообще артикулируется значительно менее глубоко, чем x .

В начале слова x довольно часто чередуется с аффрикатом k^h , напр., k^haxa 'гора', k^haxal 'нога'. Для однообразия, однако, я пишу всегда x .

Как во всех современных бурятских говорах (исключая, впрочем, говор Нижнеудинских бурят) и в большинстве других монгольских наречий, x является здесь закономерным отражением: в словах с вокализмом заднего ряда старого $\chi < *q$, а в словах с вокализмом переднего ряда старого k . Соответствиями аларского x в словах с вокализмом заднего ряда являются в письменном языке χ , а в большинстве живых монгольских наречий x . Соответствиями аларского x в словах с вокализмом переднего ряда являются в письменном языке k , в ойратских наречиях, могольском¹

¹ G. J. Ramstedt. *Mogholica*. JSFOu XXIII, 4. Helsingfors, 1905, S. 43–45. (Дальше цитируется, как *Mogholica*).

и дагурском к, в других же наречиях, как напр., в халхаском, в говорах восточной Монголии¹ и т. д. заместителем старого *k* является уже *x*, только в западно-халхаском *k* в начале слова, в положении после *ŋ* и после глухих слабых отражается как ^к*x*.² Как в аларском говоре совпали старые **χ* и **k*, точно также они совпали и во всех известных бурятских говорах,³ исключая говор Нижнеудинских бурят, где письменному *χ* соответствует в одних положениях *k'* (аспирированный *k*), а в других аффрикат ^к*x*, но письменному *k* — *k*.⁴

Примеры: хусā 'некладеный баран' = мо.⁵ *χuṣa* | хуһаᠨ 'береза' = мо. *χusun* | халуᠨ 'выдра' = мо. *χaliᠦ* | буха 'пороз' = мо. *buχa* | гаха¹ 'свинья' = мо. *γaχai* | хёл 'нога' = мо. *kōl* | хурзэ 'лопата' = мо. *kürje* | техэ 'козел' = мо. *teke*.

§ 2. Палатализованный (смягченный) *x*, т. е. ^х*x*, возник в аларском говоре из *x* в положении перед *i* и гласными, восходящими к **i*. Палатализация этого звука, следовательно, того же происхождения, что и палатализация других согласных в аларском говоре (см. § 22). Палатализованный ^х*x* очень часто чередуется с ^с*s*, при этом можно указать, что в языке старшего поколения аларских бурят преобладает ^х*x*, а в языке более молодого поколения ^с*s*. Можно поэтому полагать, что переход ^с*s* < ^х*x* (< **ki*, **kei* и т. д.) здесь недавнего происхождения. В относительно редких случаях отмечено также чередование ^х*x* ~ ^т*t*, напр., тᠦтᠬᠡхᠡ 'провеять' = мо. *keyiske-* 'развеять'. Это развитие ^х*x* > ^т*t* или ^ш*š* наблюдается также в соседних говорах, напр., в боханском говоре ^х*x* > ^т*t* ~ ^ш*ш*, в унгинском и бур. НУ ^т*t*,⁶ в говоре бурят Ольхонского края ^т*t*.⁷ Действию этого закона ^х*x* > ^с*s* (~ ^т*t*) подверглись не только исконно-монгольские слова, но и некоторые русские заимствования, напр., урмасā ~ армасā 'рубаха' (< **урмаха* < рубаха). Объяснять этот переход ^х*x* > ^с*s* влиянием „малороссийских“ форм дательного падежа ед. ч., как это делает А. Н. Боржонова,⁸ нет никаких осно-

¹ А. Д. Руднев. Материалы по говорам восточной Монголии. С. Петербург, 1911, стр. 175. (Дальше цитируется, как Мат.).

² G. J. Ramstedt. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen. JSFOu XXI, 2. Helsingfors, 1902, § 7. (Дальше цитируется, как SU).

³ Ср. А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. I. Опыт исследования. Петроград, 1913—1914, § 45. (Дальше цитируется, как ХБГ).

⁴ Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора Нижнеудинских бурят. Ленинград, 1930, стр. 1. (Дальше цитируется, как бур. НУ); Кастрен, как известно, в обоих случаях пишет *k*. Ср. M. Alexander Castrén's Versuch einer burjätischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1857. Wörterverzeichnis. (Дальше цитируется, как Castrén).

⁵ Письменно-монгольский язык.

⁶ Г. Санжеев. Песнопения аларских бурят. ЗКВ III, стр. 465. (Дальше цитируется, как ЗКВ III).

⁷ Дальше сокращенно бур. Ольх.

⁸ А. Н. Боржонова. К вопросу о взаимоотношении между бурятами и русскими. Бурятоведческий Сборник. Вып. II. Иркутск, 1926, стр. 31. (Дальше цитируется, как БС II).

ванных, ибо случаи, как армасā 'рубаха', лабса 'лавка' и т. д., входят в общую систему: на это прямо указывают такие формы, как хулүсā ~ сулүсā 'ключ' < русск. и множество исконно-монгольских слов, которые не могут быть объяснены, как появившиеся под влиянием украинских форм.

Примеры $\dot{x} \sim \dot{c}$: дахйн ~ дасийн 'опять' = мо. *dakin* | һасāхā 'сторожить' = мо. *saki* | хālār ~ сālār 'косоглазый' = мо. *kilar* | сāйсар саған 'ослепительно белый' = мо. *čangkir* 'беловатый' | зобсо 'веко' = мо. *jubkis* 'угол' | сүрһаң 'гнида' = мо. *kiḡursun* | сілғаһаң 'обрезки конского хвоста или гривы' = мо. *kilḡasun* 'конский волос, струна' | сохōхō ~ сосōхō 'бить' = мо. *coki-* | сёмхё < **kime-* 'грызть' = мо. *kemeli-* | хī ~ сī 'сухой навоз для подстилки скота' = як.¹ *kī* | өмсё < **ömeki* 'гнилой' = мо. *ömeki* 'вонючий'.

§ 3. Звуки k' — велярно-заднеязычный сильный смычный и k' — заднеязычный сильный смычный, как „самостоятельные“ звуки, в аларском говоре не существуют, и во всех случаях, где они встречаются, они возникают при ассимиляции g (или g) и x или диссимиляции x — x . Обычно эти звуки можно наблюдать в быстрой речи, когда звуки g (g или x) и x , принадлежащие двум соседним слогам и разделенные кратким гласным, сливаются по исчезновению данного гласного. Оба эти звука — сильно аспирированы. Из них k' встречается только в словах с вокализмом заднего ряда, а k' в словах с передними гласными. Нет надобности указывать, что все формы с k' или k' имеют параллельные формы с $g +$ гласн. $+x$, $g +$ гласн. $+x$ или $x +$ гласн. $+x$.

Примеры: хадалак $k'a$ ~ хадалгаха 'схоронить' = мо. *ḡadaḡalaḡu* 'сохранять' | гарак $k'a$ ~ гаргаха 'заставлять выходить' = мо. *ḡarḡaḡu* | о'лок'о ~ о'лог'о 'понимать' = мо. *oyilḡaḡu* | үк'к'ё ~ үхёхё 'умирать' = мо. *ükükü* | мөрөк'к'ё ~ мөргёхё 'кланяться' = мо. *mörgükü* | шеңк'к'ёң ~ шеңгёхёң 'жидкий' = мо. *šinggeken* | нёмк'к'ёң ~ нёмгёхёң 'тоненький' = мо. *nimgeken*.

То же самое наблюдается на стыке двух слов в предложении, напр., *jek' k'ögšeiñ ~ jexexögšeiñ* 'его старшая жена'.

§ 4. Звук g есть велярно-заднеязычный слабый смычный и наблюдается только в сочетаниях с гласными заднего ряда, соответствуя письменно-монгольскому $ḡ$. Звук g есть более передний заднеязычный слабый смычный и наблюдается только в сочетаниях с передними гласными, соответствуя письменно-монгольскому g . Ввиду того, что согласные эти встречаются только в сочетаниях с гласными определенного ряда, их можно было бы передавать одним знаком g с оговоркой, что g в сочетаниях с задними гласными является звуком более задним, чем в сочетаниях с передними гласными, как это делает Руднев.² Однако, ввиду того, что на слух разница между g и g очень велика, такое упрощение транскрипции

¹ Якутский язык.

² ХБГ, § 21.

было бы нецелесообразным. Что касается соответствий в других монгольских наречиях, то там тоже всюду соответствуют им два звука типа г — один более задний, другой более передний.

В положении между гласными вместо г и г (смычных) наблюдается звонкий спирант ɣ, который в сочетаниях с задними гласными является более задним (велярным), а в сочетаниях с передними гласными — более передним. В более точной транскрипции следовало бы знаком ɣ передавать только велярный звонкий спирант, а соответствующий более передний спирант другим знаком, напр. ȝ. Однако, ввиду того, что практически это различие никакого значения не имеет, я оба варианта этого спиранта передаю только одним знаком ɣ.

Таким образом, в аларском говоре существуют три (точнее даже четыре) типа согласного г. В прежних работах по бурятским говорам различались не все звуки типа г. Так напр., Кастрен передает г всех оттенков одним только знаком.¹ Не различает их и Б. Б. Барадин.² Руднев вводит уже два знака, а именно г (для велярно-заднеязычного и другого, менее глубокого) и ɣ (для спиранта заднеязычного и велярно-заднеязычного). Два знака мы встречаем и у Ц. Ж. Жамцарано, который пользуется ими совершенно так же, как Руднев.³ Однако, как выше было уже указано, двух знаков безусловно слишком мало и можно помириться только на трех знаках (и то с оговоркой, что ɣ передает собою два звука — один более задний, другой более передний). Три знака для г необходимы и для транскрипции халхаских форм, хотя Рамстедт и удовольствуется только двумя.⁴ В этом отношении безусловно необходимо отдать предпочтение системе, принятой Б. Я. Владимирцовым, который в транскрипцию халхаских текстов вводит три знака, а именно г, ɣ и г.⁵

С большим удовлетворением укажу, что в новейшем исследовании ордосского наречия Mostaert вводят четыре знака для передачи звуков типа г — два для слабых смычных (велярного и менее глубокого = нашим г и ȝ) и два для звонких спирантов (велярного и менее глубокого = нашим ɣ и г).⁶

Примеры: гал 'огонь' = мо. ɣal | галун 'гусь' = мо. ɣalaɣun | гүдөһөн 'кишки' = мо. gedesün | есэгэ ~ есэгэ 'отец' = мо. едиге | нуғалхă 'согнуть' = мо. нуғул- | баға 'маленький' = мо. баҕа.

¹ Castrén, § 2.

² Б. Барадин. Огрывки из бурятской народной литературы. Санктпетербург, 1910, стр. 4.

³ Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Том I. Петроград, 1918.

⁴ SU, § 15.

⁵ Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Северная Монголия, II. Ленинград, 1927, стр. 1—11. (Дальше цитируется, как Исследования).

⁶ A. Mostaert. Le dialecte des mongols Urdus (Sud). Anthropos, T. XXII, 1927, § 46, 50.

Что касается аларск. г и г, то они восходят закономерно к *γ и *g. Наряду с этим наблюдается переход *γ и *g в положении между гласными > аларск. х, напр. тух^ар^ун 'журавль' = мо. *tuγuriγun* | сах^ар^ак 'кружок, обод колеса' = мо. *caγariγ* 'кружок, обод' | дох^олх^о 'хромать' = мо. *doγula-* и т. д. В ётх^ех^е 'верить' = мо. *itege-* | есх^ее 'своего отца' = мо. *eγige-ben* и т. д. развитие g > х объясняется комбинаторным влиянием соседних т и с, оказавшихся рядом с г после выпадения разделявших их гласных.

Как сказано выше, г и х, оказываясь рядом, дают к', но иногда г в этом положении просто исчезает, напр., ёх^еп 'я дам' = мо. *ögkü bi*.

Замена г звуком б под влиянием губного гласного произошла в уб^е'нет' = халх.¹ уγ^и, мо. *ügei* (ср. тунг.² Баргузинск. уб^е) и туб^ех^е 'раздавать' = мо. *tüge-*. Наоборот, соответствие г = мо. *b* наблюдается в угж^а 'соска' = мо. *ubuji* (~ *uγuji*).

О j < *g см. § 20.

§ 5. Знаком η передается заднеязычный носовой, близкий к немецкому *n* перед *g*, напр., *singen*, но без слышимого *g*.³ Звук этот, как и в письменном языке и во всех живых монгольских наречиях, наблюдается только в конце слога или слова.

В письменном монгольском языке, как известно, существуют в конце слова два звука типа и: это *n* и *ng*. В значительной части монгольских наречий эти два звука совпали и одинаково дали η, напр., в халхаском (в конце двух- и многосложных слов, а также односложных с долгим гласным, он сильно редуцирован и вместо сочетания гласн. + η появляется назооральный гласный.⁴ Очень обычно ослабление конечного η в бур. Ольх., напр., алт^а'золото', дол^о'семь'). Совпали эти два звука и в дагурском и т. д. Во всех известных бурятских говорах эти два звука тоже совпали, и в конце слова, за исключением н (суффикс притяжения третьего лица) < *inu*, наблюдается только η.⁵ Вторым исключением, которое можно привести для аларского говора, является сохранение и в конце слова перед словом, начинающимся на д или т, напр., у^ан д^ер^е 'на воде' или хой т^аж^а 'Хонг Тайджи': такие сочетания образуют уже в такте речи одно неразрывное целое и по существу мало чем отличаются от таких форм, как андалдах^а 'обменяться'. В редких, правда, случаях, конечный η в аларском говоре является редуцированным: мне приходилось, в сущности, наблюдать его только в повелительной форме ёг^ег^т'дайте!', ёд^ег^т'ешьте!' и т. д., где вместо i + η наблюдается уже назооральный j.

¹ Халхаское наречие.

² Тунгусский язык.

³ Ср. ХБГ, § 29.

⁴ СУ, § 32.

⁵ ХБГ, § 54–55.

Примеры: аң 'дичь' = мо. *ang* | уһаң 'вода' = мо. *usun* | гөрөһөң 'козуля, антилопа' = мо. *görügesün* | һуңғаха 'растягивать' = мо. *sunɣa-xuŋgeŋ* 'дешевый' = мо. *könggen* 'легкий' | булаңгар ~ булаңхәр 'мутный' = мо. *bulanggir*.

Любопытно отметить исчезновение *ŋ (ng) в середине слова в форме мала́ 'лоб' = мо. *manglai*.

Сочетанию ңн некоторых монгольских наречий (= мо. *ngn* < *ngl*) соответствует в аларском гн (гн), ср. агна- 'охотиться' = мо. *angla-*, тегне 'вьюк' = мо. *tengnege* и т. д. Такое развитие наблюдается, впрочем, и в хоринском говоре, в халхаском наречии (ср. агна- 'охотиться', магна́ 'лоб' и т. д.).

О чередовании ң ~ ӈ см. § 20.

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СМЫЧНЫЕ И АФФРИКАТЫ

§ 6. Как все бурятские говоры, аларский говор имеет два переднеязычных зазубных смычных — т (сильный) и д (слабый). О произношении их можно только заметить, что т, если и является аспирированным, то в значительно меньшей степени, чем т халхаского наречия¹ или ордосского и других южно-монгольских наречий.² Что касается д, то в халхаском³ и некоторых других наречиях это не звонкий, но глухой. В аларском же говоре, как вообще во всех бурятских говорах, д скорее звонкий, чем глухой и приближается к д ойратских говоров, где и т значительно меньше аспирирован, чем халхаский т.

Письменным *t* и *d* в аларском, за некоторыми редкими исключениями, соответствуют т и д.

Примеры: техэ 'козел' = мо. *teke* | хатаң 'царица' = мо. *ɣatun* | дала́ 'море' = мо. *dalai* | одоң 'звезда' = мо. *odun*.

Озвончение **t* наблюдается в форме адала = мо. *atala* (converbium terminale от глагола *a-* 'быть'). Любопытно отметить, что от всех других глаголов это деепричастие образуется при помощи суфф. -сар (-сор и т. д.). Можно полагать, что -сар является именно закономерным развитием суфф. *-*tara* (> хоринск. -тар, северно-халхаск. -'т'ар)⁴ ~ *-*tala* (> мо. -*tala*, халх. -'т'ала ~ -дала́ и т. д.). Обратное явление **t* > д, т. е. **d* > т наблюдается в таңха́ 'чайник для тарасуна' = халх. даңха́ 'чайник', мо. *dangɣa* 'горшок для варки клея', а также в хобто́ 'сундук' = мо. *ɣobdo*, халх. хобдо́ 'ящик'.

¹ SU, § 5.

² Mostaert, § 58.

³ SU, § 13.

⁴ К северу от города Уланбатора к границе СССР суфф. -'т'ар прослежен мною всюду от верховьев реки Хары до слияния Орхона с Селенгой.

В ряде случаев такое оглушение **d* произошло в бур. Ольх., напр., гутаһаң 'сапог', гутёһең 'желудок', гатаһаң 'кол'.

Под влиянием палатализации *d* дал *j* в формах *jёбёшшё* 'разостлав' = мо. *debiščü* и *јёбтёхё* ~ *дебтёхё* 'намочить' = мо. *debtege-*. Подобное изменение претерпел в говоре эхрит-булгатов в начале слова старый *j* (> ж остальных бурятских говоров), ср. *јада* 'копье', *јил* 'год' и т. д., а также форму яргаланг, приводимую Орловым без указания говора.¹

Наконец, остается упомянуть, что *d* перед *s* или *ш*, как правило, ассимилируется с последними или исчезает, ср. *бошшо* ~ *бошо* от *бод-вставать* = мо. *bosču*, *сасра* 'досыта' от *сад-* = мо. *cadtala* и т. д.²

О чередовании *d* (т) ~ *h* см. § 19.

§ 7. Единственным переднеязычным аффрикатом аларского говора является *ч* или *ч'*, т. е. сильно аспирированный *ч*. Звук этот возникает во всех случаях из *ж* перед глухими, по выпадении разделявшего их гласного, напр., *хāч'хēt*, *хач'хēt*, *хач'хёбё* и т. д. = мо. *χayaju orkiγad*, *χayaju orkiba* 'бросивши', 'бросил'. Такой комбинаторно появляющийся *ч*, между прочим, существует и в хоринском говоре.³ Поэтому утверждение, что бурятский язык не знает звука *ч*,⁴ не совсем точно: *ч* отсутствует как самостоятельный звук, но комбинаторно, а также в заимствованиях все же наблюдается довольно часто. Вообще же, старый **č* дал в аларском говоре, как во всех бурятских говорах, *с* или *ш* (см. § 12 и сл.).

В связи со звуком *ч'* следует заметить, что в некоторых системах транскрипции принято передавать этот звук знаком *tʃ* — так пишут Рамстедт,⁵ Mostaert⁶ и др. Соответственно этому они передают *ц'* знаком *tʃs*, *ɟ* — знаком *dʒ*, *ц* — знаком *dʒ̄*. Другими словами, они один звук передают сочетанием из двух букв. Пока дело касалось исследования халхаского наречия и некоторых южных, в которых существуют только аффрикаты *ч'*, *ц'*, *ц* и *ɟ*, эта система транскрипции была вполне приемлема и к недоразумениям приводить не могла, ибо в этих наречиях отсутствуют сочетания согласных *тш*, *тс*, *дж* и *дз*, произносимых отдельно и не слитно, т. е. не являющихся аффрикатами. В бурятских же говорах такие сочетания наблюдаются, ср. напр., аларск. *ӯлатшхё* 'плакав даже', *садс̄ар* (почти *сатс̄ар*) 'досыта'. Теперь, если приняв латинскую транскрипцию, писать *ūlatʃxɔ* 'плакав даже', *satsɔr* 'досыта', обозначая совершенно правильно знаками *tʃ* и *ts* соче-

¹ А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878, § 4.

² Ср. И. А. Подгорбунский. Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. XLI. Иркутск, 1911, стр. 25.

³ ХБГ, § 36.

⁴ Боржонова, ВС II, стр. 30.

⁵ SU, § 5.

⁶ Op. cit., § 58.

тания тш и тс, произносимые как два звука, а не один (т. е. не как аффрикаты ч и ц), и с другой стороны сохраняя прежнюю систему транскрипции халхаских форм, писать *uʹʃʹsr* 'случай' (читай у'ч'р) и *ūʹʃʹsv* 'крестец' (читай у'ц'а), этим самым может быть внесена путаница. Поэтому теперь, когда будущим исследователям в их работах в области монгольского сравнительного языкознания придется иметь дело и с бурятскими формами, знаки *tʹʃ* и *tʹʃʹ* в значении ч' и ц' должны быть изъяты из употребления и заменены в латинской транскрипции знаками *č*' и *č'*, тем более, что это будет и в других отношениях больше соответствовать требованиям научной транскрипции, построенной на принципе обозначения одного звука одной буквой.

ГУБНЫЕ

§ 8. Из губных аларский говор имеет б и м, а также — в словах заимствованных — п и w и аффрикат пф.

Согласный б является билабиальным слабым смычным. Взрывным он является в начале слова, а в середине слова между гласными это звук с постепенным разжатием.¹ Правильнее всего было бы обозначать его в этом положении знаком β, но для простоты я пишу всегда б. Во многих монгольских наречиях б в положении между гласными дает w, напр., в халхаском,² но здесь в аларском говоре это звук, лишь акустически близкий к w (спиранту), т. е. β (смычный с постепенным разжатием). На ряду с этим β имеется билабиальный спирант w. Этот w в заимствованиях подставляется на место русского в, напр. поwо̄сх̄о < русск. повозка.

Аларский б восходит к *b и соответствует мо. b.

Примеры: баяң 'богатый' = мо. *bayan* | будак 'краска' = мо. *buduy* | абā 'взял' = мо. *abuḡa* (от *ab-*) | албаң 'подать' = мо. *alban* | өбөр 'рог' = мо. *eber*.

§ 9. Звук м является губным носовым и соответствует русскому м. Обычно он восходит в аларском к *m и соответствует письменному m.

Примеры: мал 'скот' = мо. *mal* | манāң 'туман' = мо. *manan* | мёр 'след' = мо. *mör* | ем 'плечо' = мо. *egem* | амаң 'рог' = мо. *aman*.

В монгольских наречиях довольно обычным является развитие *b > м. В аларском отмечены следующие случаи соответствия м звуку b письменного языка: но̄лмо̄но̄ң 'плевок' = мо. *nilbusun* ~ *nilmusun* | намтар 'низкий' = мо. *nabtar* 'малорослый' | нама или намша 'лист' = мо. *nabci* | алāmхāха ~ алāбхāха 'скакать на коне' = мо. *alabki-* | гүлмёр 'ящерица' = мо. *gürbel* и т. д. Сюда же относится үндө- 'ломать': үндө- < *үмдө- < *емдө- = мо. *ebde-* ломать. Такое же развитие б > м наблюдается и в некоторых русских

¹ Ср. ХБГ, § 20.

² СУ, § 15.

заимствованиях, напр., урмаса́ 'рубаха'.¹ В жімбу́ 'нашивка из раковин' наблюдается „лишний“ м: ср. мо. *ibaʒu* 'раковина'. Впрочем, значительно чаще слово это встречается в форме жібуң.

§ 10. Сильный смычный п аларскому говору, как вообще большинству современных монгольских наречий, не свойствен и наблюдается исключительно в заимствованных словах.

Как известно, звук *р, некогда существовавший в древне-монгольском языке, в большинстве современных монгольских наречий исчез, сохранившись в известных положениях как ф в наречии монгор провинции Ганьсу.² Заместителем его в языке XIII и XIV вв. был спирант һ, как об этом свидетельствуют памятники квадратного письма и китайские и мусульманские словари монгольского языка той эпохи.³ Сохранился этот һ теперь в некоторых наречиях Ганьсу и в известных говорах дагурского наречия. В современных наречиях, однако, наблюдается теперь вторичный п в заимствованиях из китайского и тибетского языков.⁴ В аларском, как сказано, он тоже встречается в заимствованиях, ср. палат 'платок' < русск. илат.⁵ Во многих же случаях на место п подставляется б, особенно в середине слова. В форме һүнтэ ~ һүнтэ 'фунт' наблюдается любопытная подставка һ на место ф, обычно воспринимаемого бурятами как п.⁶

В заключение, что касается аффриката пф (точнеее пф), то он замечен мною только в междометии үпфех 'тьфу!'.⁶

О СМЫЧНЫХ В КОНЦЕ СЛОГА И СЛОВА

§ 11. Все, что выше было сказано о смычных, имеет значение только для смычных в начале слова и в положении между гласными. Что касается смычных в конце слога (и слова), то в древнем языке в этом положении встречались только слабые (lenes). Поскольку письменный монгольский язык не различает *t* и *d*, такие написания, как ~~ᠮᠠᠳᠤ~~ могут читаться и как *arat* и как *arad*. Как доказывает, однако, ойратский письменный язык, смычные в этом положении были всегда слабыми, ср. ~~ᠮᠠᠳᠤ~~. Далее, можно указать,

¹ Ср. Боржонова, БС II, стр. 29.

² A. Mostaert et A. de Smedt. Le dialecte Monguor parlé par les mongols du Kansu occidental. Anthropos, t. XXIV, p. 805.

³ Ср. G. J. Ramstedt. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. JSFOu XXXII, 2, S. 8—10; P. Pelliot. Les mots à h initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles. JA Avril — Juin 1925, p. 193 e. s.; N. Poppe. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. ИАН 1928, стр. 1030—1031 (далее цитируется, как Sprachmaterial).

⁴ Ср. SU, § 9.

⁵ Ср. А. Н. Боржонова. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский. Бурятоведческий Сборник. Вып. III—IV. Иркутск, 1927, стр. 27. (Далее цитируется, как БС III—IV).

⁶ Боржонова, I, с.

что конечный смычный во всех живых монгольских наречиях, попадает в положение между гласными, всегда является слабым, ср. халхаск арāt 'арат, человек из народа, простой человек', но genitivus ардī и т. д. Что касается теперь аларского говора, то там, как и в халхаском наречии, в абсолютно-конечных слогах, т. е. перед паузой, имеются глухие звуки т. е. к, к, т, п; в слогах же, за которыми следуют другие слоги, и в слогах где голос, продолжаясь от предшествующего звонкого, через смычный переходит в следующий за ним звонкий, имеем г, г, д и б. Эти слабые в этом последнем положении произносятся безусловно более глухо, чем в начале слова или в положении между гласными и, вернее всего, их можно охарактеризовать, как глухие lenes. Поэтому вместо г, г, д и б я пишу во всех таких случаях г̣, г̣, д̣ и б̣. В абсолютно-конечных слогах, вследствие уменьшения энергии артикуляции, краткий гласный произносится с недостаточным голосом и поэтому инкурсия конечного смычного является глухой. Поэтому, как это принято в отношении халхаского, я пишу в таких случаях к, к, т и п на конце многосложных слов, и г̣, г̣, д̣ и б̣ на конце односложных.²

Примеры: туг̣ 'флаг' = мо. *tuγ* | алāk 'пегий' = мо. *alaγ* | өг̣ 'дай!' = мо. *ög* | беһелёк 'перстень' = мо. *bilčeg* | хад̣ 'хаты, божественные герои' = мо. *χad* (мн. ч. от *χan*) | маңгāt 'русский' = мо. *mangγus* 'злой дух' (к семантике ср. тунг. лұча 'русский' = мандж.³ *loca* 'злой демон') | аб̣ 'колдовство' = мо. *ab* | олоп̣ 'я нашел' = мо. *oluγa bi* (от глагола *ol-*).

В положении перед глухими согласными, напр., х, т, с наблюдают глухие lenes, напр., шудхāхā 'выливать', бодхōхō 'воздвигнуть', аг̣тā 'мерил', хобто̣ 'сундук', абсар̣ 'пока возьмет' и т. д. В общем, к тому, что было сказано выше, здесь прибавить нечего. Можно лишь заметить, что б̣ в халхаском в положении перед или после согласных обычно дает w, но, поскольку выше уже было отмечено, что точно такого звука в аларском не и близким до некоторой степени к нему звуком является β, т. е. б̣ с постепенным разжатием, сочетаниям вроде халх. арwā 'десять' здесь будет соответствовать арβāң ~ арбаң. Как оговорено выше, знак β мною в транскрипцию не вводится.

СПИРАНТЫ с, з, ш, ж

§ 12. Из этих спирантов с является альвеолярным глухим спирантом соответствующим русскому с; з является соответствующим ему звонким т. е. соответствует русскому з; ш и ж являются соответствующими ранее названным шипящими спирантами и соответствуют русским ш и ж.

¹ Ср. SU, § 14.

² Ср. SU, l. с.

³ Манджурский язык.

Все эти спиранты (общие для всех бурятских говоров) восходят к аффрикатам — с < *ц < *с̣, ш < *ч < *с̣,¹ з < *з̣ < *ж̣, ж < *ц̣ < *ж̣. Соответствиями их в письменном языке являются: для с и ш — с̣, для з и ж — ж̣. В халхаском наречии и в ойратских говорах этим спирантам соответствуют:

Бурятский	Халхаский	Ойратский
с		ц
ш		ч
з	з̣	з
ж		ц̣

Это обстоятельство, т. е. наличие в бурятском наречии со всеми его говорами, в том числе и в аларском, двух заместителей каждого из старых аффрикат *с̣ и *ж̣, является весьма важным указанием на то, что наречием-предком современных бурятских говоров было какое то наречие типа нынешнего халхаского или ойратского, где в противоположность южно-монгольским наречиям и говорам восточной Монголии (где имеются только ч и ц),² было два сильных аффриката — *ц̣ (свистящий) и *ч̣ (шипящий) и два слабых аффриката — *з̣ (свистящий) и *ж̣ (шипящий). Таким образом, это двойное соответствие старым *с̣ и *ж̣ звуков с и ш, з и ж в бурятских говорах может послужить еще лишним указанием на северо-монгольское происхождение бурятского наречия, ибо восходи бурятское наречие к наречию типа южномонгольских, в нем заместителями старых *с̣ и *ж̣ были бы только ш и ж.

§ 13. Теперь остается выяснить вопрос, чем объясняется двойное соответствие старым *с̣ и *ж̣ звуков с и ш, з и ж в бурятских говорах.

Если мы обратимся к халхаскому наречию, то увидим, что письменномонгольским формам *ca:an* 'белый', *ca:asun* ~ *ca:alsun* 'бумага', *cad-* 'насытиться', *caγ* 'время', *ceceγ* 'цветок', *cerig* 'войско', *coγo* 'боковые возвышения лба', *coγur* 'пестрый', *colo* 'титул', *cuγ* 'вместе', *cöl* 'тина, грязь, пустыня' и т. д. соответствуют ц̣ага, ц̣ас, ц̣ад-, ц̣аг, ц̣е'ц̣ек, ц̣ерек, ц̣о'хо, ц̣охор, ц̣олло, ц̣уг, ц̣ол. Но таким формам, как *ci* 'ты', *cina-* 'варить', *cinegen* 'величиною с', *cinua* 'волк', *cing:a* 'тугой', *cida-* 'быть в состоянии', *cidür* 'треног',

¹ Кроме того, ш восходит к *s перед *i.

² Mostaert, § 58; Mat., стр. 178.

çila:un 'камень', *çimeg* 'украшение', *çikin* 'ухо', *çigig* 'сырость' и т. д. соответствуют в халхаском *çi*, *çана-*, *çинē*, *çоно*, *çаңга*, *çадда-*, *çоддоор*, *çулū*, *çимек*, *çиххи*, *çиг*. Нетрудно заметить, что свой шипящий характер этот аффрикат сохранил в халхаском в положении перед **i*, развившимся теперь часто в другие гласные, и утратил свой шипящий характер там, где гласный был какой-нибудь другой, но не **i*.

Если мы обратимся теперь к бурятскому наречию и специально к аларскому говору, то увидим, что во всех случаях, где в халхаском наблюдается *ç*, там имеем *с*, а где в халхаском *ç*, там в аларском *ш*: ср. *сагаң* 'белый', *сарһаң* 'бумага', *сад-* 'насытиться', *саг* 'время', *сесек* 'цветок', *серек* 'войско', *сохо* 'боковые возвышения лба', *сохор* 'рябой', *сула* 'титул', *ши* 'ты', *шана-* 'варить', *шененē* 'величиною *с*', *шоно* 'волк', *шаңга* 'тугой', *шадә-* 'мочь', *шөдөр* 'треног', *шулуң* 'камень', *шехен* 'ухо', *шиç* 'сырость'.

§ 14. Если мы обратимся к старому **j*, то увидим, что там, где следующим за ним гласным был **i*, этот аффрикат в халхаском сохранил свой шипящий характер и отражается как *ç*, в остальных же случаях он дал *ж*. Так, письменно-монгольским *jai* 'промежуток', *janu-* 'грозить', *janggila* 'узел', *jaça* 'край', *ja:un* 'сто', *jabsar* 'промежуток', *jasa-* 'исправлять', *jaru-* 'употреблять на службе', *jegün* 'левый', *juça* 'забава', *joba-* 'страдать', *jol:a-* 'встречаться', *joki-* 'приличествовать', *jöb* 'правильный', *jögelen* 'мягкий', и т. д. в халхаском соответствуют *жае*, *жана-*, *жаңгала*, *жахха*, *жу*, *жабсар*, *жасса-*, *жар-*, *жу*, *жуға*, *жowo-*, *жолго-*, *жоххи-*, *жөб*, *жöly*. С другой стороны, письменным формам *jil:a* 'долина', *jil* 'год', *jiluça* 'повода, возжи', *ji:saça-* 'расставлять в ряд', *jiran* 'шестьдесят', *ji:ça-* 'наслаждаться', *jirmaçai* 'малышка' и т. д. в халхаском соответствуют *цалга*, *цил*, *цоло*, *цагса-*, *цара*, *царга-*, *царахә*.

Что касается бурятского наречия, то там в случаях халх. *ç* будет *з*, а в случаях халх. *ç* — *ж*, ср.: *зайжала* 'узел', *заха* 'край, конец', *зуң* 'сто', *забаһар* 'промежуток', *заһа-* 'исправлять', *зара-* 'заставлять', *зуң* 'левый', *зуға* 'беседа', *зобо-* 'страдать', *золго-* 'встретиться', *зосо-* 'подобать', *зөб* 'правильный', *зөлхөн* 'мягенький', *жалга* 'падь', *жил* 'год', *жоло* 'повода', *жорон* 'шестьдесят', *жарга-* 'наслаждаться', *жараха* 'пескарь'.

§ 15. Все, что сказано выше относительно отражений **с* и **j* как *с* и *ш*, *з* и *ж* в бурятских говорах и как *ç* и *ç*, *ж* и *ц* в халхаском, справедливо лишь в общем, в частных же случаях наблюдаются в халхаском иногда формы *с* *ç*, а в аларском со звуком *с*, когда гласным, следующим за старым **с*, был **i*, т. е. обратное тому, что наблюдается как общее правило. То же можно сказать и относительно отражений **j*.

Так например, можно указать на ряд случаев, когда письменному *ç* перед *i* в халхаском соответствует *ç*, а в аларском говоре *с*, ср.: халх. *цад*, аларск. *сада* 'находящийся по ту сторону' от того же корня, что мо. *cinadu*

халх. цугла-, аларск. сугла- 'собираться' = мо. *ciγul-*. Аналогичными случаями развития *j являются: халх. зүрүх, аларск. зүрхөң 'сердце' = мо. *jirüken* | халх. зүс, аларск. зүһөң 'цвет, масть, лицо' = мо. *jisün* | халх. зур-, аларск. зурā- 'рисовать' = мо. *jiru-* | халх. загас, аларск. загаһаң 'рыба' = мо. *jīγasun* | халх. за-, аларск. за- 'указывать' = мо. *jīγa-* и т. д.

С другой стороны, есть случаи, где в халхаском *č дал ч, но в аларском не ш, а с, напр., мо. *čimügen* 'костный мозг' = халх. ч'омуг, аларск. семегөң. Но такие случаи редки и количественно уступают обратным случаям, т. е. случаям закономерного соответствия мо. č перед *i в аларском ш, в то же время, как в халхаском незакономерно появляется ц, ср.: мо. *čisun* 'кровь' = аларск. шуһаң, но халх. цус | мо. *čirai* 'лицо' = аларск. шарā, но халх. ц'ар^ае. Точно также в аларском часто наблюдается ж, закономерно развившийся из *j перед *i, в то время, как в халхаском ему соответствует з, ср. мо. *jirγuγan* 'шесть' = аларск. жоргоң, но халх. зургā (зато ср. мо. *jiran* 'шестьдесят' = аларск. жороң и халх. цара!). Обратными случаями, когда халхаскому ц соответствует незакономерно в аларском з, являются аларск. загса- 'расставлять в ряд, наводить в порядок' = халх. цагса- и мо. *jīγsaγa-* | аларск. шоргобзоң (~шоргобжоң) 'муравей' = халх. шоргобци и мо. *sirγuljin*.

Как объяснить такие случаи ненормального развития *č и *j в положении перед *i? Во многих случаях объяснение возможно очень простое, а именно, что письменно-монгольские формы с *či* и *ji* восходят вовсе не к формам с *či и *ji, но к формам с *č + другой гласный (не *i) и *j + другой гласный (не *i), и что формы халхаские с ц и з и аларские с с и з гораздо лучше и более закономерно отражают старые формы, действительно существовавшие некогда в языке. Так напр., форма мо. *jirüken* 'сердце' восходит не к **jirüken*, но к **jürüken*, как показывают тюркские формы: уйг. *yürek*, осм., тел., леб.¹ *jüräk* 'сердце' от глагола *yür-*, *jür-* 'жить, быть в движении'. Тюркский вокализм во многих случаях гораздо более устойчив, чем монгольский, и сомневаться в том, что *jüräk* действительно восходит к форме с **jür*, не приходится. Укажу еще, что форма *jürke* 'сердце' засвидетельствована в одном старом мусульманском словаре монгольского языка XIII ст., ср. там ^юجورکه.² Теперь остается только объяснить, откуда в письменном монгольском языке появилась форма *jirüken* и все подобные ей формы. Известно, что графемы *či* и *ji* по правилам монгольской письменности ассоциируются с воспроизведением звуков ч и ц, независимо от вокализма слов в произношении.³ Поэтому

¹ Сокращения — уйгурский, османский, теленгитский, лебедичский диалекты.

² Sprachmaterial, ИАН 1928, стр. 1024.

³ Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Петроград, 1921, стр. 53—54. (Дальше цитируется, как Pañcatantra).

пишут *ci* и *ji* вовсе не для того, чтобы произносить *чi* и *цi*, но произносить *ча*, *чу*, *ца*, *цо*, *цу* и т. д. Знак *i* в данном случае вовсе не передает звука *i*, но указывает, что нужно читать *ч* и *ц* независимо от вокализма слова. Так пишут *čilaṗun* и произносят *ч'улү* камень, где *čilaṗun*, однако, действительно восходит к форме с **i*; по аналогии с этим пишут *jiyaṗan*, чтобы читалось *цајә* и где *i* отражает собою не **i*, ибо *jiyaṗan* восходит к **jaṗaṗan* > бур. *зајан*.

Но для чего же, спрашивается, требовалось писать *i*, чтобы *с* читалось как *ч*, а *ј* как *ц*, если *jiyaṗan* восходит к *jaṗaṗan* и в интересующих нас наречиях произносится как *зајә*, *зајан*? Дело в том, что в наречиях южной Монголии в этих и подобных словах письменным *с* и *ј* соответствуют *ч* и *ц* и иначе, как южномонгольским влиянием этого явления объяснить нельзя.¹ С другой стороны, известно, что в большинстве монгольских наречий наблюдается тенденция *ц*, *ч*, *ш* и *ј*, а также некоторых других согласных, стремящаяся превратить в *i* всякий другой последующий согласный независимо от его характера и происхождения.²

Итак, часть этих случаев, но именно часть, но не все, объясняется таким образом. Это объяснение недействительно в частности для случаев, когда в халхаском наблюдается *ц'* (*з*), а в аларском *ш* (*ж*) или наоборот, в халхаском *ч'* (*ц*), а в аларском *с* (*з*). Аномальные развития аффрикат в этих случаях, когда письменно-монгольские формы с **i* действительно восходят к формам с **i*, стоят уже в связи с историей вокализма. Как известно, старый **i* в живых наречиях ассимилировался с гласным следующего слога, т. е. получилось то, что в монгольской диалектологии хорошо известно под названием „переломов“.³ Так вот, можно полагать, что „переломы“ эти произошли всюду не в одну и ту же эпоху и что в известных случаях **i* дал напр., *у* перед тем, как **с* дал, скажем, *ц'*: таким образом, **cisun* дало **cusun* прежде, чем **с* в иных случаях дало *ц'*. Впоследствии, когда *с* дал *ц'*, форма **cusun* закономерно развилась в халх. *ц'ус*. Имели место, повидимому, и обратные случаи, когда „перелом“ произошел после того, как **с* дал *ц'*: такие формы под влиянием сохранившегося дольше „нормального“ *i* удержали свой шипящий аффрикат после того, как шипящий аффрикат в иных положениях уже стал свистящим. Таким образом, можно полагать, что *ц'* и вместе с ним бурятский *с* в случаях, когда следующий за ними гласный восходит к **i*, являются результатом „перелома“ **i*; завершившегося „ранее срока“. Наоборот, сохране-

¹ Ср. Pañcatantra, I. с.

² Б. Я. Владимиров. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград, 1929, § 107. (Дальше цитируется, как Сравнительная грамматика).

³ SU, § 55.

ние ч' > ш свидетельствует о том, что *i удержался дольше „нормального срока“. В отделе о „переломах“ к этому вопросу еще придется вернуться, а пока можно ограничиться этим.

Наконец, в ряде случаев в аларском прежний аффрикат сохранил свой шипящий характер даже тогда, когда гласный определенно восходит к иному гласному, чем *i. Такой формой является, например, аларское жоло 'темя' = халх. зула^ае, мо. julai или жоро 'иноходец' = халх. цоро, мо. jiru^а. Последний пример жоро = мо. jiru^а может подать повод думать, что мы имеем здесь дело с закономерным случаем развития ж < *j перед *i. Однако, как показывает вокализм соответствующих тюркских форм осм., джаг.¹ yorya, алт.² jorɣo 'иноходец' от глагола уйг. yori- 'ходить', алт. jort- 'ехать скоро, рысью', мы имеем здесь форму с *o, а письменномонгольский i здесь только орфографическая особенность и обозначает только, что j должно читаться как ц, т. е. цоруца, а не зоруца. Форма жоро является, таким образом, любопытным примером сохранения шипящего в положении перед другим гласным, чем *i. Такие формы наблюдаются и в других наречиях, ср. вышеприведенное соответствие халх. ч'омүг 'мозговая кость' = аларск. семёгёң = мо. simügen: здесь, как показывают тюркские формы, мо. simügen восходит к форме не с *i, но с другим гласным, ср. орх.³ söñük, тел., алт. сөк, джаг. sönggek 'кость'; на основании этих форм можно заключить, что закономерной является как раз аларская форма семёгёң, а халхаская представляет собою интересный пример незакономерного сохранения шипящего, также как форма мо. simügen являет нам опять i, вовсе не отражающий старого вокализма этого слова.⁴

Выше было сказано (§ 6), что в эхрит-булгатском говоре *j в начале слова в положении перед *i дал j, ср. jarɣalaң 'наслаждение'. Это развитие собственно аларскому говору чуждо, но на периферии района его распространения, как свидетельствует запись Ц. Ж. Жамцарано былины „Алтан Шагай“, сделанная в 1906 г. в улусе Кундулун в 12 км от Черемхова, такое развитие наблюдается, ср. там joloro 'своими поводами' и т. п.⁵ В бур. НУ *j в этих положениях дал д.⁶ Развитие *j > j в эхрит-булгатском наблюдается, насколько можно судить по материалам Богданова, также в положении перед другими гласными, напр., jaħaxa 'исправлять', juħeң 'цвет', juħxexē 'тянуть' и т. д.

¹ Джагатайский.

² Алтайский диалект.

³ Язык орхонской письменности.

⁴ Ср. Сравнительная грамматика, § 107 и сл.

⁵ По устному сообщению Г. Д. Санжеева население улуса Кундулун происходит от эхрит-булгатов.

⁶ Санжеев, бур. НУ, стр. 3.

Под влиянием следующего **n* в слове найшаха 'бить' = мо. *janči-* — **j* дал н.

§ 16. Общебурятский, в том числе аларский, ш восходит, кроме **с* перед **i*, также к **s* перед **i* и соответствует халхаскому ш.

Примеры: шара 'желтый' = мо. *sira* | ша- 'ударять' = мо. *siγa-* | шубун 'птица' = мо. *sibaγun* | шөлёң 'суп' = мо. *silün* | шөлёһөң 'слюни' = мо. *silüsün*.

СПИРАНТ h

§ 17. Знаком h передается гортанный глухой (комбинаторно звонкий) спирант. Этот свойственный из монгольских наречий главным образом бурятским говорам звук совершенно чужд русскому языку, откуда протекает постоянное смешение его русскими с х — велярным или менее глубоким заднеязычным спирантом. В работах по бурятскому языку его обычно различали: так напр., Орлов передавал его знаком х,¹ Подгорбунский знаком гх,² Кастрен же ввел знак h,³ что более правильно, ибо h с х ничего общего не имеет. Вслед за Кастреном стали употреблять этот знак Балнт,⁴ Жамцдарано,⁵ Барадин⁶ и Руднев.⁷ Определение этого звука, даваемое Орловым,⁸ как нечто среднее между „буквами х и г“, т. е. „х с густым (?) придыханием“ (!), конечно, в корне неправильно.

Знак h некоторыми авторами употребляется в значении ɣ, так напр., эта система принята, между прочим, в тунгусском словаре Е. И. Титова, в котором звук h, наоборот, передается знаком ɣ.⁹

Звук h восходит во всех бурятских говорах к **s*.¹⁰ Любопытно отметить, что это же развитие *s* > h между гласными (и нуль в начале слова) наблюдается в якутском языке,¹¹ а также в некоторых тунгусских наречиях

¹ Орлов, § 15.

² Подгорбунский, стр. 16.

³ Castrén, § 2.

⁴ Balint Gabor. Az éjszaki burját-mongol nyelvjárás rövid ismertetése. NyK XIII. Budapest, 1877, p. 207.

⁵ Записи текстов.

⁶ Op. cit., p. 5.

⁷ ХБГ, § 25.

⁸ L. c.

⁹ Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, стр. XII. Ср. мою рецензию в Asia Major, Vol. IV, стр. 477 и сл.

¹⁰ ХБГ, § 49.

¹¹ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk Sprachen. Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. VIIIe Série. Vol. VIII, № 7, St. Pétersbourg, 1908, S. 14—16.

(между гласными).¹ Другими словами, это явление характерно не только для бурятского наречия, самого северного из монгольских, но и для всех языков, территориально примыкающих к бурятскому наречию.

Примеры аларского $h < *s$: $hob\dot{o}h\dot{o}n$ 'жемчуг-бисер' = мо. *subud* | $h\ddot{u}$ 'сиди!' = мо. *saʔu* | $hax\ddot{u}l$ 'борода' = мо. *saʒal* | $hom\dot{o}$ 'стрела' = мо. *sumin* | $hadak$ 'лук' = мо. *saʔadaʔ* 'сайдак' | $h\ddot{a}$ 'доить' = мо. *saʔa-* | $g\ddot{e}r\dot{o}h\dot{e}n$ 'козуля' = мо. *g\ddot{o}r\ddot{u}ges\ddot{u}n* | $uha\dot{n}$ 'вода' = мо. *usun* | $hel\dot{e}h\dot{e}n$ 'желчь' = мо. *s\ddot{u}s\ddot{u}n* | $\dot{e}r\dot{o}h\dot{e}n$ 'один из парных предметов' (напр., $\dot{e}r\dot{o}h\dot{e}n$ хёл 'одна нога') = мо. *\ddot{o}r\ddot{u}ges\ddot{u}n* 'половина' | $hud\dot{a}r$ (зајанё шара́ худар 'судебная книга') = мо. *sudur* 'супра'.

В некоторых случаях h восходит к иным звукам, чем $*s$. Так напр., в $h\ddot{u}nt\dot{e}$ ² 'фунт' h является подстановкой русского ф. В $beh\dot{e}l\dot{e}k$ 'перстень' = мо. *bilceg* (с метатезой) и в суффиксе исходного падежа $-h\ddot{a}$ = мо. $-e\dot{e}$ спирант h восходит к $*\dot{c}$. По поводу этого развития можно заметить, что суффиксом исходного падежа во всех монгольских наречиях является $-as$ ($-e\dot{c}$ и т. д.) и что повидимому $*\dot{c}$ здесь настолько рано развился в s , что суффикс этот мог участвовать в бурятском развитии $s (c) > h$, когда это развитие началось. Возможно, впрочем, что суффикс исходного падежа является одним из примеров очень старого чередования $*\dot{c} \sim *s$, и в таком случае бурятский суфф. $-h\ddot{a}$ входит к $-*sa \sim -*\dot{c}a$.³ Далее, в форме $to\dot{h}\dot{o}t$ ($\sim to\dot{r}\dot{o}t$) $shub\ddot{u}n$ 'павлин' = мо. *toʔus*, халх. $t\dot{o}g\dot{o}s$ h является заместителем старого $*\dot{c}$, а в $h\ddot{u}r\dot{e}k$ 'изображение бурхана' = мо. *k\ddot{o}r\ddot{u}g* 'картина' старого $*k$. По поводу этого развития можно заметить, что ряд слов с $*\dot{c} (*k)$, в которых мы ожидали бы x , теперь в аларском говоре произносятся так, что почти невозможно различить, h ли там или x . На этой почве наблюдаются иногда чередования $h \sim x$.⁴ Интересно отметить, что развитие $\dot{c} > h$ наблюдается в восточно-халхаском.⁵ Далее укажу, что по справедливому замечанию Боржоновой подстановка h на место x наблюдается в аларском часто в русских заимствованиях.⁶ Очень возможно, что и в вышеприведенных случаях соответствия аларского h звукам \dot{c} и x других наречий спирант h является подстановкой названных согласных, что, следовательно, соответствующие формы являются в аларском заимствованиями.

Итак, за некоторыми исключениями, h восходит к $*s$. Когда же произошло это изменение? Если принять во внимание, что $*s$ перед $*i$ отражается

¹ М. А. Castrén's Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1856, § 17.

² По сообщению Г. Д. Санжеева также $h\ddot{u}mt\dot{e}$.

³ Сравнительная грамматика, стр. 406 и 252.

⁴ Санжеев, ЗКВ III, стр. 466.

⁵ Владимирцов, Исследования, стр. 3.

⁶ Боржонова, БС II, стр. 29.

в бурятском как ш, а *с̣ перед иными гласными чем *i, как с, далее, что s перед иными, чем *i гласными дал h, то вопрос этот становится более или менее ясным и относительную (конечно, не абсолютную) хронологию этих развитий дать не трудно. Прежде всего, что произошло раньше: *с̣ > *ц > с или *s > h? Единственным ответом может быть, конечно, только то, что *s, повидимому, раньше начал утрачивать свой первоначальный характер, чем *ц стал изменяться в с, ибо, если бы *ц сперва дал с, а *s потом дал h, то в переходе в h участвовали бы и слова с *с̣. Повидимому, когда *ц еще существовал как таковой, *s или уже дал h или промежуточную стадию развития *i (звук типа английского *th*). С другой стороны, *s перед *i развился в ш раньше, чем *s в иных положениях дал h, ибо в противном случае вместо шара́ 'желтый' в бурятском теперь были бы формы *һара́ и т. п. Отсюда можно полагать, что в наречии-предке современных бурятских говоров существовали звуки *ц, *ш и *h, из которых ш сохранился до нынешнего времени, а *h к моменту, когда *ц начал развиваться в соответствующий спирант, уже успел развиться из *s.¹

Во многих случаях наблюдается исчезновение h, а именно в положении между гласными, преимущественно такими, из которых один долгий. Так, в быстрой речи, вместо тоһо́ 'пыль' (accusativus) можно наблюдать форму то́ или то'о.² Часто в начале слова h является настолько редуцированным звуком, что производит акустически впечатление нуля, напр., һуна́ 'сидит' часто произносится почти как уна́. Наиболее верным обозначением этого редуцированного звука будет ^h, напр., ^hуна́ 'сидит', но для простоты я всегда пишу h.

§ 18. Старый *s, как видно из вышесказанного, в бурятском дал h. Однако, в эпическом языке, как видно по записям Ц. Ж. Жамцарано (ср. гесёр хубуң имя Гесер Хана, метёр гесёң бөјөрө и т. д.), старый s уцелел как с. Это подтвердил устно Г. Д. Санжеев, заметивший это же самое в эпическом языке бурят Унгинского района. В моих записях формы, как са́хаң ~ һа́хаң 'красивый' = мо. *saiḡan* наблюдаются тоже. Затем, книжные заимствования, как гесёр Гесер-Хан, аса́ра 'Асурии' = мо. *asur* и т. д., тоже сохраняют свой s. Кроме того, в положении после согласных s обычно сохраняется или чередуется с h, ср. заḡса́ха 'расставлять в ряд', борсо́гор ~ борһо́гор 'вспученный' и т. д.

§ 19. В конце слога и слова старый *s закономерно развился в д (т), например: алут́ 'мимо, через' = халх. аллас, мо. *alus* | маңгат́ 'русский' = халх. маңгас, мо. *tangus* 'злое чудовище' | бод- 'вставать' = халх. бос-

¹ Бурятское наречие в ту эпоху, повидимому, было на той же стадии развития, что баргузинское наречие тунгусского языка, где сохранился ч, но *s уже дал h в положении между гласными, ср. там ба́йча́ 'скала' но ба́йтаһун́ 'яловая'.

² Ср. Санжеев, ЗКВ III, стр. 465.

мо. *bos-* | дуд- 'кончать' = халх. дус-, мо. *da;us-* | улат 'народ' = халх. уллус, мо. *ulus* и т. д.

В некоторых, редких случаях, *s* удержался, ср. еске- 'кроить' = мо. *eske-*.

Такое развитие $-s > д$ (т) известно во всех бурятских говорах.¹ Это развитие наблюдается в некоторых частных случаях в разных говорах восточной Монголии,² в ордосском наречии.³ Чередование $s \sim д$ наблюдается и в халхаском наречии, ср. *наs- \sim над-* 'играть', *dellēs- \sim dellēd-* 'ударять' и даже в письменном языке.⁴ Ср. также такие развития в тюркских наречиях: каз.⁵ *нарат сосна* = халх. *нарас* < *parasun* и развитие конечного **s* > т в якутском языке, напр., *отут* 'тридцать' < **отус* < **otuz* и т. д.⁶ В ряде бурятских говоров конечный *д* (т) при наращении суффиксов, начинающихся на гласный, сохраняется, ср. у Орлова *тэмэт* — *тэмеди*,⁷ в хоринском *модот* — *мододор*⁸ и т. д. Что же касается аларского говора, то в этом положении старый *s* дает закономерно *h*, как во всех случаях, где **s* был в положении между гласными: ср. *улат* 'народ' — *улаhа* (*genitivus*), *маңгат* 'русский' — *маңгаhар* (*instrumentalis*), *етхехе* 'квасить' ~ *ehехе* 'заставить киснуть' (мо. *iske-* ~ **isege-*) и т. д.

В общую систему входят и такие слова, конечный *д* (т) которых восходит не к **s*, но к **d*, и даже русские заимствования, ср. *ед* 'имущество' — *ehе* (*accusativus* с притяжением), *булат* 'сталь' — *булаhије* (*accusativus*), *палат* 'плат' — *палаhар* (*instrumentalis*) и т. д.

Наблюдаются, конечно, и чередования, ср. *бодобо* 'встал' ~ *боhоң* 'вставая' от *бод-*, *тудаң* ~ *туhаң* 'попадая в точку' и т. д. Но в общем, в положении между гласными чаще наблюдается в именах *h*, чем *д*, но от глаголов как *бод-* и т. д., преобладают формы с *д*. Это в аларском говоре, в унгинском же и от глаголов преобладают формы с *h*, напр., *боhот* 'вставши' от *бод-* 'вставать'. Частично это явление чередования наблюдается и в хоринском, ср. *хубут* ~ *хубушиң* и т. д. По собственному признанию Руднева это явление ему осталось непонятным,⁹ но теперь, после сделанного выше разъяснения относительно отражения **s* как *h* в положении между гласными и как *д* (т) в конце слога и слова, все неясности устраниются.

¹ Ср. ХБГ, § 46, 49; Подгорбунский, стр. 27.

² Ср. Мат., стр. 181.

³ Mostaert, § 80.

⁴ SU, § 16.

⁵ Казанско-татарский диалект.

⁶ O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg, 1851, § 185.

⁷ Op. cit., § 14.

⁸ ХБГ, § 129.

⁹ ХБГ, § 46.

СПИРАНТ j

§ 20. Знаком j передается среднеязычный звонкий спирант, соответствующий немецкому j. Звук этот в современных монгольских наречиях разного происхождения. В аларском говоре он восходит к *y, *d, *g перед *i, далее в начале слова он обычно является протетическим при *i, или в комбинации с любым гласным кроме i, восходит к *i, подвергнувшемуся ассимиляции со стороны гласного следующего слога.

Рассмотрим все эти случаи отдельно.

Старый *y отражается как j, ср.: *јабат* 'пошедши' = мо. *yabuγad* | *јоһоң* 'обычай' = мо. *yosun* | *бајан* 'богатый' = мо. *bayan* | *хојор* 'два' = мо. *хоуар* и т. д.

Как j в аларском отражается *g в положении перед *i (везде кроме начала слова), ср.: *дејё-* 'махать руками' = мо. *degigür* 'опахало' | *ёрјё* 'берег' = мо. *ergi* 'яр' | *долјоң* 'волна' = мо. *dolgiyan* | *залјаха* 'проглотить' = мо. *jalgi-* | *булјабаш* 'ты брыкнул' = мо. *bulgiba (ci)* | *болдојё* genitivus от *болдок* 'сопка' = мо. *boldaγ* 'кочка'.

В некоторых случаях такое развитие *g получил и перед *e, напр. *серјё* ~ *сергё* 'коновязь' = мо. *čerge* | *ёрјё* 'кладеный баран' = мо. *irge* | *хејё* 'войлок' = мо. *isigei* и т. д. Точно также иногда удерживается и г, напр. *залгә-* ~ *залја-* 'проглотить'.

Когда перед *g был *ŋ (= мо. *ng*), то под влиянием j < *g он дал н, напр., *анјар* 'турпан' = мо. *anggir* | *анјё* genitivus от *аң* 'дичь' = мо. *ang* | *тенјёр* < *тенгүри* 'небо' = мо. *tengri* | *манјаһаң* 'лук' = мо. *manggir* | *занјала* 'узел' = мо. *janggila* | *даланјём* 'мой загривочный жир' < **далаңгim* = мо. *dalangi minu* и т. д.

Это развитие *g > j наблюдается не только в одном аларском говоре, но отмечено также в хоринском.¹ В бур. НУ в этом положении наблюдается д.²

О d > j см. § 6.

Если сопоставление правильно, то в *һобо* 'клык' наблюдается б || у, ср. мо. *soyγa*.

Что касается протетического j при *i-, то примером такового могут служить *јілаһаң* 'муха' = мо. *ilaγa* | *јёр-* 'приходить' = мо. *ire-* и т. д. (см. § 37).

Далее, к j + гласн. восходящему к *i- и образовавшемуся в результате перелома, ср. *јамаң* 'коза' = халх. *јама*, мо. *imaγan*.

Наконец, в качестве примера отпадения начального *y ср. *ёхе дала* 'великое море' = мо. *yeke dalai*. Это отпадение, впрочем, наблюдается

¹ ХБГ, § 45.

² Санжеев, бур. НУ, стр. 3.

только в этом примере и возможно, что тут сыграла роль контаминация с ехэ 'мать' ('мать море' *eke dalai*).

ЗВУКИ н, л, р

§ 21. Знаками н, л и р передаются соответствующие русским н, л и р звуки. Из них л вполне соответствует русскому твердому л в сочетании с гласными заднего ряда. Обычно в монгольских наречиях наблюдается два звука л — один вполне соответствующий русскому л в словах *лапа*, *алкать* и т. д., а другой (1) звуку *l* немецкого или французского языков. Первый встречается при гласных заднего ряда, а второй при гласных переднего ряда и перед ч и ц. В бурятских говорах этому *l* халхаского и др. наречий соответствует или л, ср. аларск. хёл 'нога' = халх. хёл, или л, т. е. палатализованный л, напр., лэ ~ ёлэ 'коршун' = халх. елэ. Помимо того, в аларском наблюдается перед ш <*ç и ж <*j непалатализованный звук л, но более передний, для которого ввожу знак *l*, напр., *жабулжа* 'заставляя итти' = халх. *jawūlci*, мо. *yabuylju*.

Таким образом, для аларского говора я устанавливаю три звука типа л — 1) л, 2) *l* и 3) *l*.

Примеры: жи́л 'год' = мо. *jil* | ну́гел 'грех' = мо. *nigül* | ба́ла- 'отнимать' = мо. *buliya-* | гула́мта́ 'очаг' = мо. *γolumta* | дала́ң 'загривок' = мо. *dalang* | бу́лжа́мүр 'жаворонок' = мо. *boljimur*.

В а́шаң (~ а́лшаң) 'гость' = мо. *ayilcin* наблюдается выпадение л.

Что касается р, то он восходит к *r, ср. бара́ң 'правый' = халх. бара́, мо. *baraγun* | оро́ⁱ 'макушка' = халх. оро́^e, мо. *oroi* | ере́ 'мужчина' = халх. ере́, мо. *ere*.

Наблюдаются случаи чередования р ~ л, ср. аларск. еме́лшең 'ветер с востока' = унгинск. еме́ршең (= мо. *emegelji* 'лоскутки, вешаемые с лицевой стороны юрты', к семантике ср. 'лицевая сторона' — 'перед' — 'восток', ср. мо. *emüne* 'спереди'); аларск. гу́рамша́ 'нищий' = мо. *γuyirinci* ~ *γuyilinci*, ср. халх. гу́ла́г'ч'и́ 'нищий' и т. д.

Выпадение р наблюдается в охит 'бросьте!' = мо. *orki*- 'бросать' и ута́ 'длинный' = дэрб. Астр.¹ ут^a, халх. ур'т'у́, мо. *urtu*. Иногда р и л меняются своими местами в слове, ср. гу́лме́р 'ящерица' = мо. *gürbel*.

В заключение о л и р необходимо заметить, что, как и в халхаском, наречии рекурсия л и р в положении перед сильными смычными глухая.² Точно так же и на конце слова голос обрывается раньше, а выдыхание еще продолжается, и надставная труба сохраняет отчасти свое прежнее

¹ Дэрбетский говор Астраханской губ.

² SU, § 28.

положение. Для простоты я, однако, этих глухих *л* и *р* не обозначаю особыми знаками.

Относительно **n* можно заметить, что он отражается как *н*, *н* в конце слова, как сказано, как *ң*, совпад с *ng* (см. § 5). Здесь можно заметить, что чередование на конце слова *ң* с нулем в ряде монгольских наречий играет роль морфологического показателя: так напр., в ойратских говорах именные формы образуют *accusativus* путем отбрасывания конечного *н*, то же самое наблюдается и в бурятских говорах,¹ в том числе в аларском, ср. *уһаң* 'вода' — асс. *уһа*, *хубуң* 'сын' — асс. *хубу*.

В халхаском, как известно, формы с конечным *ң* или назооральным гласным играют роль прилагательных, а формы без него — существительных, ср. мод 'дерево' — моддо 'деревянный', ус 'вода' — уссу 'водяной' и т. д., причем иногда по аналогии с конечным *ң* образуются прилагательные от основ, никогда не имевших в конце *н*, напр., *шил* 'стекло' — *шилэ* 'стеклянный'.

Здесь можно высказать предположение, что в халхаском формы, как ус, утвердились в значении существительных именно в результате образования от старых основ типа *usun accusativ'a* путем отбрасывания *-н*. Прилагательные же сохранили *н*, ибо *accusativus* от форм, вроде *usun*, употребляемых атрибутивно, будет равняться старому *nominativ'u*, т. к. атрибутив, как известно, не склоняется, ср. уссу дал^аэг 'водяное море' (*accusativus*). Очевидно, по аналогии со случаями уссу дал^аэг 'водяное море' (где уссу атрибут) и *би ус уи waen* (где ус объект в винительном падеже, т. е. существительное) формы без *н* распространились в именительном падеже, тоже без *н* в значении существительных, а формы с *н* распространились в том же падеже уже в значении прилагательных.

Отпадение конечного **n > ң* наблюдается в аларском лишь в немногих словах, ср. *нара* 'солнце' (реже *нараң*, но *genitivus* всегда *нариэ*) = *мо. naran* 'ноль' 'стрела' = *мо. sumin* и т. д. Как правило, отпадает конечный *ң < *n*, если слово является определением к другому, начинающемуся на гласный, напр., *бараң гара* 'свою правую руку', но *бар аман* 'его правый угол рта'.

В монгольском языке, как известно, нет согласования в падежных формах, и показатель того или иного падежа получает из нескольких имен лишь последнее. В аларском говоре действует это же правило, при этом, однако, первая из форм, если она представляет собою основу на *-*n > ң*, теряет свой **n*, напр., *модо шулуңар* 'деревом и камнем', *алта мөнгөнһө* 'из своего золота и серебра' и т. д. В случаях, однако, когда первое именованное в таких сочетаниях играет роль прилагательного, т. е. является определением второго, оно сохраняет свой конечный *ң*. Так напр., *алтан шулуңһа* значит 'из золотого камня', но *алта шулуңһа* 'из золота и камня'.

¹ Ср. ХБГ, § 115.

Таким образом и в аларском говоре различие существительных (без *н*) и прилагательных (с *н*) тоже наблюдается, но оно выражено только в слабой степени и сводится лишь к нескольким определенным случаям.

Письменному *п* в положении в начале слова и в середине соответствует в аларском *н*, напр., нох^о_и 'собака' = мо. *noχai* | нараһаң 'сосна' = мо. *parasun* | ене 'этот' = мо. *ene* | һең 'корова' = мо. *üniye* и т. д.

В положении перед ж звук *н* является часто церебральным, напр., в таких случаях, как ёнжехе 'проводить две ночи' = мо. *önji*-. Простоты ради такой церебральный *н* здесь особым знаком не отмечается.

В редких, сравнительно, случаях, **n* перед **i* через **н* дает *ј*, ср. зоң 'народ' — з^об^о < *зојіго < *зоніго < *јон-ууған 'свой народ' (асс. с притяжением). Наоборот, изредка *ј*, назализуясь, дает *һ*, ср. хоһулаң ~ хојулаң 'вдвоем' = мо. *χoyaγula* | һамаң ~ јамаң 'коза' = мо. *imaγan*.¹ Изредка наблюдается появление лишнего *н* в начале слова, ср. ајага ~ најага 'чашка' = мо. *ayara* и т. д. или на конце основы в косвенных падежах, ср. ёгло 'утро', но ёглоһе (genit.), удёше 'вечер' — удёһше (genit.) и т. д.

В положении перед б следующего слова конечный **n* > *н* дает часто *м*, напр., бајам-бі < бајаң-бі 'я богат'.

ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ

§ 22. Палатализация является обычно результатом следовавшего за данным согласным **i*. Теперь этот **i* дал в аларском часто другие гласные, но следом его является палатализация. Как можно установить, палатализация обычно появляется под влиянием непосредственно следовавшего за согласным **i*, а также **i*, непосредственно следовавшего за ним. В ряде случаев роль **i*, как палатализующего фактора, по данным письменного языка не может быть установлена. Палатализация играет в бурятском наречии и во всех его говорах, в том числе и в аларском, большую роль. Палатализованные и непалатализованные согласные, как правильно отметил Руднев,² являются фонемами, ср. напр., болот 'став' — болот 'перестав' | ала 'убей!' — ала 'который' | елехең 'изношенный' — елехең 'песок' и т. д.

§ 23. В связи с палатализованными согласными считаю необходимым сделать несколько указаний в области транскрипции. Знаком палатализации является и у Руднева³ и здесь одинаково *˘*. Очень часто в записях народных произведений бурят и других текстах палатализация остается вовсе не обозначенной. Так напр., Жамцарано в разных местах т. I Образцов Народной Словесности Монгольских Племен пишет уранай

¹ Санжеев, ЗКВ III, стр. 497.

² ХБГ, § 15.

³ ХБГ, I. с.

уриндо́ло с̄арһоң ј̄үнеі н̄імеҗендү и т. д., но с другой стороны шаҗа-бартай, іне́лҗежі и т. д. Из приведенных примеров видно, что им не обозначается палатализация перед *i*. Здесь, несомненно, сыграли роль ассоциации с русским произношением и письмом. Знак *i* в значении не только гласного *i*, но и знака палатализации употребляется и Барадиным, который пишет *niuur* 'лицо' (вместо н̄үр).¹ Действительно, если писать в таких случаях, как морің 'конь', после *p* — *i*, то можно было бы обойтись во многих случаях без знака палатализации. Однако, написание морің не вполне приемлемо по другой причине. Дело в том, что, как мы дальше увидим, в таких случаях нет никакого *i*, но очень неясно произносимый редуцированный гласный качества гласного первого слога, т. е. *ö*, почему написанию морің следует предпочесть написание мороң. Руднев совершенно основательно всюду ставит знак палатализации, хотя вместо морон и т. д. он всегда пишет морің. Ставит же он знак палатализации в таких случаях не только потому, что в точной транскрипции должны найти свое отражение все качества звуков, но и для того, чтобы отличать такие формы, как харің 'черного' и харің 'чужого', из которых первая содержит непалатализованный, а вторая палатализованный *p*. При этом он говорит: „*i* в *p* и в *p̄* (т. е. собств. *p̄*) не вполне равнозначущи, но разница значения зависит не от оттенков *i* и *ī*, а от палатальности или непалатальности предшествующего согласного и, при невозможности для бурята (да и для русского) произнести харің, как харің, такая натяжка на мой взгляд вполне допустима. Эти то соображения и привели меня к значительному упрощению транскрипции (без маленьких букв для glide'ов) с приближением вместе с тем к более точному обозначению звуков живой речи; но они же вызывают с другой стороны необходимость пользоваться знаком палатализации, если согласный смягчен, хотя бы за ним следовал передний гласный, который по русской психике, в силу одного этого, вынужден был бы произноситься „мягко“. Жамцарано (ОНС МП I) вынужден писать харайн и харің, т. е. вводит русские ассоциации, жертвуя точностью, желая избежать надстрочного знака палатализации; но избежать его ему все же не удалось“.²

По поводу этого замечу, что различия харің 'черного' и харің 'чужого', Руднев поступает вполне правильно. Однако, ввиду того, что харің 'черного' произносится в хоринском в действительности как хар^aің, я склоняюсь к системе передачи glide'ов особыми знаками (надстрочными маленькими буквами). Конечно, имея в виду оговорку, сделанную Рудневым, можно было бы писать харің 'черного' и харің 'чужого'. Однако, ввиду того, что в аларском, по крайней мере, говоре, кроме случаев с *i* без палатали-

¹ Op. cit., p. 3.

² ХБГ, § 16—17.

зации предшествующего согласного, с которым он соединяется glide'ом, Рудневым не обозначаемым, существуют еще случаи с *i*, соединяющимся с предшествующим согласным, не палатализуя его, непосредственно, без посредства glide'а, я считаю необходимым различать три рода случаев:

1) *i* с палатализацией предшествующего согласного, напр., аларск. харің 'чужого';

2) *i* без палатализации предшествующего согласного, соединяющегося с *i*, при помощи скользящего гласного, напр., аларск. ар^aиң 'тенево́й стороны';

3) *i* без палатализации предшествующего согласного, соединяющегося с *i* без посредства скользящего гласного, напр., аларск. јабахдiмнe когда я ходил.

Но если бы и не требовалось различать три рода случаев, я все равно был бы более склонен различать ар^aиң и харің, стоя на той точке зрения, что транскрипция на службе у диалектологии, особенно когда имеешь дело иногда с рядом несущественно отличающихся друг от друга говоров, когда приходится предусматривать все, чтобы система транскрипции, принятая в первом исследовании, не находилась в противоречии с фактами говора, который будет исследован еще только через многие годы, должна быть точной и без упрощений там, где это не требуется настоятельно.

§ 24. Переходя к рассмотрению отдельных случаев, когда наблюдаются палатализованные согласные, начнем с тех, в которых палатализация появилась под влиянием непосредственно следовавшего за согласным **i*. Ср. следующие примеры: нүдeң 'глаз' = мо. *nidün* | нүр 'лицо' = мо. *ni'ur* | нуһаң 'сопли, нагар на свече' = мо. *nisun* 'сопли' | нeхe 'смеяться' = мо. *iniye-* | нүдүр 'пестик' = мо. *nidügür* | нургаң 'спина' = мо. *niru'un* | нутақ 'родина' < **nitu* | ~ мо. *nutu* | ниде- 'летать' = мо. *nis-* | һeбүр 'опахало' = мо. *sebügür* 'веер' | делүң 'селезенка' = мо. *deligün* | бала- 'отнимать' = мо. *buliya-* | тух^aруң 'журавль' = мо. *to'uri'un* | ну- 'прятать' = мо. *ni'u-* | һодоһоң жи́л 'прошлый год' = мо. *nidunan jil* и т. д.

В ряде случаев, однако, **i* не оказал своего палатализирующего влияния на предыдущий согласный, и наблюдаются чередования, ср. нүсeгeң (~ нүсeгeң) 'голый' = мо. *ni'ügün* | нара́ла- < *nirayila-* < **n'arayila-* 'родить' = мо. *nirayila-* | һoлмoһoң (~ һoлмoһoң) 'плевков' = мо. *nilmusun* ~ *nilbusun*.

Такие колебания между палатализованными и непалатализованными согласными наблюдаются и в халхаском,¹ ср. нүр ~ нүр 'лицо', нус ~ нус 'сопли', нүд ~ нүд 'глаз' и т. д. Вероятно, отсутствие палатализации в таких случаях в аларском объясняется тем, что перелом произошел раньше,

¹ Вернее, там палатализованных согласных нет, и вместо них наблюдаются сочетания согласного + скользящий гласный.

чем согласные начали палатализироваться, т. е. то же, что при $c < *ц < *с + *$ (см. § 15). Любопытно отметить, что в отношении палатализованных согласных даже отдельные бурятские говоры часто не соответствуют друг другу, ср. напр., бур. НУ *идёлкэ* 'кормить' = бур. Алар. *ёделёхэ*, бур. НУ *унён* 'корова' = бур. Алар. *нён* и т. д.¹

С другой стороны, наблюдаются палатализованные согласные там, где мы их не ожидаем, напр., *хураҕаң* 'палец' = мо. *хуруун*. Здесь, однако, мы имеем дело с очень распространенным чередованием $*u \sim *i$, ср. мо. *doluҕa- \sim doliya-* 'лизать' и т. д.²

Можно указать также на случаи появления палатализации под влиянием предыдущего $*i$, напр., *хотоҕо* 'нож' = мо. *kituҕa | одоҕоң* 'шаманка' < $*идоҕоң$ (ср. тунг. *идокои*) = мо. *udaҕan | ёдэ-* 'есть' = мо. *иде-* и т. д.

В ряде случаев палатализованным оказывается не тот согласный, за которым следовал $*i$, но соседний, напр., *булаңхәр* 'мутный' = мо. *bulang-gir | сабар* 'игривый' = мо. *ṣabidar* и т. д.

К случаям, когда палатализация является результатом влияния следующего $*i$, можно прибавить еще такие, когда палатализация совсем иного происхождения. Сюда относятся, напр., такие случаи, как *нударга* 'кулак' = мо. *nidurҕa*, где казалось бы, все обстоит вполне благополучно, т. е. где палатализация и может быть объяснена влиянием $*i$, давшего *y* в результате перелома (см. § 39). Однако, как показывают тюркские формы *јудрук || цудрук || нумзурук* 'кулак' здесь никогда не было $*i$. Здесь *i* в письменном языке является вторичным, развившимся под влиянием $*n$,³ т. е. палатализованного *n*, ибо несомненно, что в *нударга* и некоторых подобных этому случаю примерах мы имеем дело с отражением старого палатализованного *n*, т. е. $*n$.⁴

Далее, имеются такие случаи, в которых согласный оказывается палатализованным под влиянием $*i$ — второго компонента старого дифтонга, напр., *харалга-* 'заставить скакать' = мо. *zarayilҕa- | орö \sim орöi* 'макушка' = мо. *oroi* и т. д.

В ряде случаев палатализация является результатом влияния не $*i$, но *i* нового происхождения, ср. напр., *тимэ* < $*teyimü$ 'такой', *сідхэхэ* < $*keyisekëü$ 'развезть' и т. д. Это доказывает, что палатализация в аларском говоре более позднего происхождения, чем развитие $*eyi > i$.

Наконец, палатализация иногда появляется под влиянием следующего $*e$, напр., *хелён* 'язык' = мо. *kelen* или шипящих согласных, напр., *хоңшор* 'морда' = мо. *ḡongsiyar*.

¹ Санжеев, бур. НУ, стр. 4.

² Сравнительная грамматика, стр. 320.

³ Сравнительная грамматика, стр. 185.

⁴ N. Poppe. Altaisch und Urtürkisch. Ungarische Jahrbücher. Bd. VI, Heft 1—2, S. 119.

Что касается особых развитий $*k > \dot{c}$, $*g > j$, $*\eta > \dot{n}$ под влиянием следующего $*i$, то о них см. § 2 и 20.

§ 25.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХ

По характеру			По органу					
			Гортанные	Задне-язычные		Средне-язычные	Передне-язычные	Губные
				Велярные	Задне-язычные			
Шумные	Аффрикаты	Сильные	—	[k _x]	[k ^x]	—	[ч ^ʼ]	[пф]
		Слабые	—	—	—	—	—	—
	Смычные	Сильные	—	[k ^ʼ]	[k ^ʼ]	—	т	п
		Слабые	—	г [g ^ʼ к]	г [g ^ʼ к]	—	д [d _ʼ]	б [b _ʼ β]
	Проточные	Глухие	h	х	—	ш с	—	
		Звонкие	[h]	б	j	ж з	[w]	
Плавные	Боковые	Глухие	—	—	—	[л _ʼ]	—	
		Звонкие	—	—	—	л l	—	
	Дрожащие	Глухие	—	—	—	[р _ʼ]	—	
		Звонкие	—	—	—	р	—	
	Носовые		—	ң	—	н	м	

В качестве палатализованных появляются: \dot{h} , \dot{x} , \dot{g} , \dot{r} , \dot{d} , (\dot{d}), \dot{c} , \dot{z} , $\dot{ш}$, $\dot{ж}$, $\dot{\lambda}$, \dot{p} , \dot{n} , $\dot{п}$, $\dot{б}$, $\dot{м}$. Заднеязычные соответственным образом артикулируются ближе к передней части полости рта.

ГЛАСНЫЕ

ЗАДНИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 26. В аларском говоре имеются следующие задние гласные: а, о, у.

Знаком а обозначается здесь гласный low-back-wide, артикулируемый со значительно более назад отодвинутым (языком, чем русский нормальный а. По сравнению с халхаским а — делаю это сравнение потому, что халхаское наречие мне лучше известно, чем другие монгольские наречия — гласный а аларского говора представляет собою гласный еще более задний. Рамстедт, как известно, в своей характеристике этого гласного сравнивает его с итальянским а в слове *padre*.¹ Для аларского а это сравнение безусловно не подходит и ближе всего к нему, пожалуй, будет а казанско-татарского наречия, с той только разницей, что казанско-татарский а производит впечатление несколько более лабиализованного гласного.² Подобный звук, между прочим, существует и в некоторых других тюркских наречиях, напр., в башкирском.³ Что же касается сверхдольного а, т. е. â, то этот звук в аларском говоре почти не отличается от татарского и башкирского а и на слух производит часто впечатление слегка лабиализованного гласного. Как бы то ни было, было бы правильнее аларск. а и â передавать не этими знаками, но какиминибудь другими, однако, поскольку в этом говоре делать разницу между „чистым“ а типа русского и другими близкими звуками не приходится, ввиду наличия только этого последнего гласного, я с вышеприведенными оговорками передаю этот гласный знаком а (соответствующий долгий знаком а и сверхдольгий знаком â).

Знаком о я передаю гласный mid-back-wide. Гласный этот в отличие от халхаского о характеризуется большей вялостью артикуляции. Как и в хоринском говоре, и здесь, при произнесении этого гласного, губы играют очень незначительную роль.⁴ Насколько вяло артикулируется этот гласный в аларском, показывает то обстоятельство, что краткий о первого слога, за которым следует слог с долгими гласными (напр., у), производит часто впечатление гласного, близкого к а: на этой почве в моих первых записях, когда я только начинал заниматься аларским говором, я мог наблюдать смешение а и о. Зато долгий о, т. е. õ, представляет собою, по

¹ SU, § 38. Ср. Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика письменного монгольского языка и халхаско-ургинского говора. С.-Петербург, 1908, § 38.

² Ср. Галимжан Шараф. Палатограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. Казань, 1927, стр. 33.

³ N. K. Dmitriev. Étude sur la phonétique bachkire. JA Avril—Juin 1927, p. 204 e. s.

⁴ ХБГ, § 3.

моему мнению, в аларском говоре такой же сильно лабиализованный гласный, как и халхаский *о*. Более того, аларский \bar{o} во многих случаях производит акустически впечатление более закрытого гласного, чем халхаский \bar{o} , занимает место приблизительно между халхаским \bar{o} и \bar{y} (такой „средний“ между \bar{o} и \bar{y} звук в халхаском мне приходилось наблюдать в произношении форм письменного языка, напр., халх. $\text{ar}^i\text{g}^i\text{uxa}$ — почти как $\text{ar}^i\text{g}^i\text{oxa}$ ‘чистый, святой’), другими словами, это звук, приближающийся к тому, который принято в работах по монголоведению передавать знаком \bar{o} . Ввиду того, что это качество долготу \bar{o} отнюдь не всегда присуще, я обозначаю долгий *о* знаком \bar{o} . С другой стороны, однако, ввиду того, что *о* и \bar{o} отличаются друг от друга в аларском говоре не только количественно, но и качественно, было бы, пожалуй, правильнее вместо *о* писать \bar{o} , с каким знаком в то же самое время могло бы ассоциироваться представление о вялой артикуляции этого гласного. Ввиду того, однако, что различать *о* типа русского *о* и вышеохарактеризованный звук в аларском говоре не приходится, я всегда пишу *о* и \bar{o} , с оговоркой, что \bar{o} звук действительно лабиализованный и более или менее соответствующий долгим \bar{o} других монгольских наречий, а *о* — гласный с вялой артикуляцией и почти не лабиализованный.

Знаком *у* передается здесь гласный, лишь относительно близкий к русскому *у*, но ненапряженный, знаком \bar{y} тот же самый, но долгий и напряженный. Гласный *у* аларского говора, как всюду в бурятском,¹ а также и в халхаском наречии,² представляет собою звук, значительно более задний, чем русский *у*, и точнее может быть охарактеризован, как полужкий. Руднев сравнивает *у* хоринского говора со шведским *о*.³ Звук у монгольских наречий нередко путают с *о*, но все же *у* настолько отличается от монгольского *о*, что это смешение безусловно не допустимо. Правильнее всего было бы передавать аларский *у* знаком \bar{y} , но для простоты я пишу всюду *у*, тем более, что другого звука, близкого к нему, который следовало бы от этого *у* отличать, здесь нет.

Как правило, старые **a*, **o* и **u* отражаются в аларском говоре как *a*, *o*, *u*.

Примеры: халх. axa^n ‘плешина у коня’ = мо. xal^njan | $\text{ar}^n\text{g}^n\text{axa}^n$ ‘аргал, князь’ = мо. ar^ngal , лэрб. Астр. ar^nc^n | xolo ‘далеко’ = мо. xola | oltr^nok ‘остров’ = мо. oltur^niq < тюркск. | hogon ‘самка оленя’ = мо. soyu | urak ‘родня’ = мо. uru | ugja ‘соска’ = мо. $\text{ubuji} \sim \text{u}^n\text{uji}$.

Соответствия эти, однако, наблюдаются лишь как общее правило. В частности, имеются и другие. Так иапр., довольно обычным является

¹ ХБГ, § 9.

² СУ, § 38.

³ ХБГ, I. с.

развитие **u* > *o*, ср. номо 'лук' = мо. *nutun*, халх. нум | номо 'стрела' = мо. *sumun*, халх. сум | одогоң 'шаманка' = мо. *udaγan*, халх. уддага. С другой стороны, соответствие аларск. *y* = мо. *o* и халх. *o* наблюдается в гуламта 'очаг' = мо. *γolumta* и халх. голломт'о.

Соответствие аларск. *a* письменному *u* и халх. *y* наблюдается в бала- 'отнимать' = мо. *buliya-*, халх. була-. Обратное явление *y* = мо. *a* наблюдается в булгаһаң 'балаган' = мо. *balγasun* 'город', в старом языке 'дворец', а также в дурһаң 'тарасун, молочное вино' = мо. *darasun*. По поводу этих последних форм можно заметить, что здесь мы имеем дело не с развитием **a* > *y*, но с одним из очень старых чередований: ср. форму *bolγan* 'город', засвидетельствованную еще в языке квадратной письменности = мо. *balγasun*, халх. балгас 'город'.¹

§ 27. В слогах неударенных, т. е. в не-первых, задние гласные утратили свою специфическую артикуляцию и, как в халхаском² и других монгольских наречиях, заместителями старого гласного в этом положении являются в аларском гласные неполного образования.

В более упрощенной транскрипции можно было бы условиться обозначать эти редуцированные гласные знаками ь (задние) и ы (передние), но в более точную транскрипцию необходимо ввести большее количество знаков, которыми можно было бы передавать гласные неполного образования всех качеств.

Что касается задних гласных неполного образования, то ясно различаются ä и ö, т. е. один гласный качества а, а другой качества о. Последний, т. е. ö, производит акустически впечатление гласного среднего между а и о и, может быть, правильнее было бы передавать его знаком ö, но для простоты я передаю его знаком õ, который в таком случае остался бы неиспользованным. Кроме того, я стою на той точке зрения, что лучше всего передавать гласные неполного образования тем же знаком, что и гласный первого слога, как это принято в русских работах по монголоведению, с той лишь разницей, что я избегаю знака ү. Дело в том, что гласный неполного образования, следующий за у ударенного слога, по качеству своему, скорее напоминает а неполного образования, чем у. В слогах, следующих за ö, гласный неполного образования тоже часто качества а, т. е. ä, но иногда и õ.

Таким образом, я пишу:

после а — ä
 „ у — ä
 „ о — õ

¹ Сравнительная грамматика, стр. 146 и сл.

² SU, § 39.

Примеры: аха 'старший брат' = мо. *aḡa* | заха 'воротник' = мо. *jaḡa* | уһаң 'вода' = мо. *usun* | хулаһаң 'тростник' = мо. *ḡulusun* | холо 'далеко' = мо. *ḡola* | боро 'серый' = мо. *boro*.

Этой системы обозначения редуцированных гласных я придерживаюсь довольно последовательно и исключение делаю только для гласных в суффиксах, когда они восходят к **i*, следом которого является палатализация конечного согласного основы: тут вместо *ä* и *ö* я нередко пишу *ë*, напр., гарё 'руки' (genitivus), голё 'долины' (genitivus) и т. д., так как редуцированный гласный в этих положениях имеет качество *e* (лучше было бы, быть может, писать в таких случаях *э*). Необходимо отметить, что в ряде монгольских наречий до сего времени прекрасно сохранился вокализм первого слога, ср. напр., ордосское наречие, где гласные перерывов слогов целиком сохранили свою первоначальную артикуляцию.¹ Интересно упомянуть явление перестановки гласных двух смежных слогов из числа перерывов, наблюдаемое в бур. Ольх., с сохранением первоначального качества этих гласных, напр., саруһаң 'бумага' = мо. *saḡasun* | адуһаң 'скот' = **adasun*, ср. мо. *adaḡusun* | зағуһаң 'рыба' = мо. *jiḡasun* и т. д. Аналогичное явление мною наблюдалось в баргу-бурятском наречии (Хайларский округ).

§ 28. В тех случаях, когда за *a*, *o* и *y* следовал **i*, гласные эти передвинулись несколько вперед, и получился ряд более или менее палатализованных гласных. При этом можно заметить, что на слух легко различимы лишь *a* в положении перед **i* и *a* в других положениях. Также различаются и *o* обоих качеств и почти не различимы лишь *y* в обоих положениях. Поэтому я в своей транскрипции различаю лишь *a* и *o* обоих качеств. Соответствующими знаками являются — *ä* и *ö*.

Примеры: барат 'схватив' = мо. *bariḡad* | забала- 'сидеть с поджатыми ногами' = мо. *jabila-* | хара- 'возвращаться' = мо. *ḡari-* | мороң 'конь' = мо. *morin* | боло- 'перестать' = мо. *boli-*.

В заключение прибавлю, что *ö* от *o* отличается значительно более энергичной артикуляцией, почему я не счел возможным оставить этот звук без особого обозначения. Таким образом, задние гласные аларского говора можно подразделить на два ряда — более задний *a*, *o*, *y* и более передний — *ä*, *ö*. Что касается других монгольских наречий, то аналогичное развитие получили в положении перед **i* задние гласные в халхаском,² в говорах восточной Монголии,³ в ордосском,⁴ в ойратских говорах (ср. морн 'конь') и т. д.

¹ Mostaert, op. cit., § 28.

² SU, § 39.

³ Mat., стр. 188, 191.

⁴ Mostaert, § 45.

ПЕРЕДНИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 29. Качественно различных передних гласных в аларском говоре можно насчитать тринадцать: \bar{a} , е, \bar{e} , \bar{e} , \bar{e} , \bar{e} , \bar{i} , \bar{i} , \bar{o} , \bar{o} , \bar{e} , \bar{y} , \bar{y} .

Начнем с \bar{a} . Этим знаком передается широкий (открытый) гласный — low-front-narrow, несколько более задний, чем соответствующий звук халхаского наречия (а тем более финского языка), а также \bar{a} говора астраханских дэрбетов. По сравнению с \bar{a} говора астраханских дэрбетов гласный \bar{a} аларского говора оказывается значительно менее открытым гласным. Правильнее всего было бы его передавать знаком \bar{e}_{\leftarrow} , но по соображениям технического характера я пишу всегда \bar{a} . Гласный этот встречается только в качестве долгого и восходит к дифтонгу * ai , соответствуя письменномонгольским ayi , ai (см. § 43), напр., $\bar{a}l$ 'сосед' = мо. $ayil$. Акустически близким к \bar{a} гласным является \bar{e} , который в качестве краткого не встречается. Этот \bar{e} — звук менее открытый, чем \bar{a} и в то же время значительно более передний и занимает промежуточное между \bar{a} и \bar{e} место. Так как я его наблюдал только в суффиксе - $\bar{t}\bar{e}$ при основах с а или у (напр., $a\bar{x}\bar{a}\bar{t}\bar{e}$ 'со старшим братом', $u\bar{h}\bar{a}\bar{t}\bar{e}$ 'с водой' и т. д.), то в транскрипции можно было бы не различать \bar{e} и \bar{e} и писать всегда одинаково \bar{e} .

То же только в качестве долгого встречается \bar{o} . Он точно так же дифтонгического происхождения, напр., \bar{o} 'лес' = мо. oi .

Гласный \bar{o} есть mid-front-narrow и акустически производит впечатление очень узкого долгого \bar{o} приблизительно как французский eu в *deux*.

Дифтонгического же происхождения и \bar{y} , т. е. долгий \bar{y} . О последнем см. дальше (§ 43). Любопытно отметить, что старые задние гласные в роли первого компонента прежних дифтонгов в аларском говоре передвинулись значительно дальше в передний ряд, чем старые передние гласные, особенно, если взять такие пары, как \bar{o} и \bar{o} или \bar{y} и \bar{y} .

§ 30. Рассмотрим теперь все гласные типа е. Их всего четыре, а именно е, \bar{e} , \bar{e} и \bar{e} .

Знаком е обозначается $\frac{\text{high}}{\text{mid}}$ -out back-wide. Встречается он только в качестве нормального или редуцированного (в последнем случае \bar{e}) и никогда не бывает долгим.¹ Этот звук, не что иное, как более задний е. Его часто пытались передавать знаком y , но в действительности это совсем другой звук. Он является общим для всех бурятских говоров, а также для дагурского наречия, где он часто произносится с легкой лабиализацией (т. е. \bar{e}). Из родственных монгольскому языкам этот гласный встречается еще в тунгусских говорах.

¹ В качестве долгого гласный е, т. е. \bar{e} , наблюдается в бур. НУ, см. Санжеев, op. cit., p. 6.

Как правило, аларский е восходит к **e*, в известных случаях к **i*, а также к **ï*. Ввиду того, что история **e* будет ниже подвергнута более детальному рассмотрению, привожу пока только следующие примеры: есхё- 'кроить' = мо. *eske-* | ендё 'здесь' = мо. *ende* | гер 'юрта' = мо. *ger* | техё 'козел' = мо. *teke*.

Гласный е никогда не встречается при палатализованных согласных и при *j*. Вместо него в таких положениях наблюдается только ё (см. ниже).

Соответствующим е долгим гласным является ē (mid-front-narrow). Как е не бывает долгим, так е никогда не встречается кратким в ударенном слоге, но в неударенных слогах после палатализованных согласных и *j* мы находим вместо ё всегда только ё̇. Долгий ē такого же происхождения, как вообще все долгие гласные аларского говора: в известных случаях он восходит к комбинациям **ege*, **eβe* и т. д., в других случаях к дифтонгам. Так как эти случаи подлежат рассмотрению дальше, то ограничиваюсь пока приведением лишь одного примера — аларск. дёрё 'наверху' = мо. *degere*.

Знаком ё̇ я обозначаю закрытый (узкий) е, соответствующий халхаскому е¹. Этот гласный никогда не встречается в качестве долгого, равно как и редуцированного. Долгим его эквивалентом является ē, а кратким ё̇. Наблюдается этот гласный только в ударенном слоге. Восходит он к **e* в положении перед **i*, напр., ёжён 'хозяин' < **ejin* = мо. *ejen*.

Знаком ё̇ передается гласный, находящийся на грани между ё̇ и *i*, т. е. между закрытым узким ё̇ и *i* (high-front-narrow), и вернее всего этот звук может быть охарактеризован как high-front-wide. Он встречается только в ударенном слоге и никогда не бывает долгим (долгий эквивалент его *i*). Руднев этот звук обозначает знаком *i*, но это обозначение неприемлемо для нас, так как знаком *i*, как дальше будет видно, нам придется передавать звук high-front-narrow, который в аларском говоре существует, как долгий и как краткий. Всего нам приходится различать три звука — ё̇ (high-front-wide) и *i* (high-front-narrow) передний и более задний *i* (т. е. *i*). Эти три звука в применявшихся до сих пор транскрипциях не различались. |

Руднев совершенно правильно говорит в отношении нашего ё̇ (в его транскрипции *i*) следующее: „особенный характер бур. *i* (понимай ё̇)² вызывает очень разнообразную запись у лиц, незнакомых с языком... Сами буряты часто затрудняются сказать, как нужно писать какое-нибудь слово — с *i* (т. е. ё̇)² или с е. Русские е, которые в неударенных слогах заменены везде *i*, конечно и бур. Хор. воспринимают как *i*... С акустической стороны замена всех *i* посредством е (кроме случаев *ji* и *Si*) не

¹ SU, § 42.

² Скобка со всем заключенным в ней — моя.

представила бы собою несоответствия с действительностью¹. Действительно, решить, писать-ли шенё 'новый' или шёнё иногда бывает затруднительно, но я все же нахожу, что различие это отнюдь не представляет собою чего-либо особенно трудного. С другой стороны *i* (high-front-narrow), однако, так сильно отличается на слух и от *e* и от нашего *ё*, что спутать их невозможно. Дальше мы увидим, что *i* (high-front-narrow) встречается только в словах с вокализмом заднего ряда, а также в односложных словах, во всех же остальных случаях наблюдается только *ё*. Последний является заместителем **i* в словах двух- и многосложных с вокализмом переднего ряда, напр., шёхён 'ухо' = мо. *cikin*, а таже гласного **e* в положении после *j*, напр., jёхё 'большой' = мо. *yeke*.

Подробнее об этом придется поговорить в связи с развитием старого **i* (см. § 37).

В заключение считаю необходимым в оправдание введения нового знака *ё* в транскрипцию прибавить, что знак *ё* и именно этот знак, а не какой-нибудь другой, которым я мог бы воспользоваться для передачи звука *ё*, я ввел совершенно сознательно, считая, что знак *ё*, т. е. *e* с двумя точками, более всего подойдет к нашей транскрипции, в которой находим ряд аналогичных знаков без точки, с одной точкой и двумя, ср. *a* — *á* — *ä*. С этой точки зрения *ё* вполне входит в нашу систему транскрипции, в которой находим еще знаки *e* и *è*. Мне могут возразить, что я мог бы ввести знак *i* для этого звука, но, ввиду того, что *ё* отнюдь не передает собою звука качества *i*, но очень узкий *e*, это было бы нецелесообразно. Кроме того, знак *i* мне нужен для передачи звука high-front-narrow, кроме которого имеется еще *i*, т. е. более задний *i*. Конечно, мне могли бы предложить вместо *ё* писать *i*, вместо моего *i* ввести знак *ï* и т. д., но это привело бы опять-таки к введению нового знака, на этот раз *ï*.

§ 31. Знаком *i*, как уже сказано выше, передается гласный high-front-narrow. Это, если можно так выразиться, „чистый“ *i* без оттенка какого бы то ни было другого гласного. Наряду с ним имеется еще другой гласный *i*, а именно несколько более задний *i*, артикулируемый с оттянутым назад языком и широко раздвинутым отверстием рта. Акустически он производит впечатление звука близкого к *y*, но все же не такого заднего и русскому *y* не тождественного.

Что касается *i* и *ï*, то первый наблюдается только в словах односложных, напр., ши (~ ши) 'ты' = мо. *ci*, а также в словах с вокализмом заднего ряда при палатализованных согласных, напр., мина 'плеть' = мо. *milaʒa*. Звук *ï* наблюдается в немногих тоже односложных словах, напр., жил 'год' = мо. *jil*. Подробнее о происхождении этих звуков см. § 37.

Долгим эквивалентом этих двух звуков является *i*, т. е. *high-front-narrow* долгий, напр., *hix̄e* 'серьга' = мо. *süikü*. Этот долгий *i* разного происхождения, и о нем речь будет впереди еще неоднократно.

§ 32. Остается рассмотреть еще звуки *ö*, *ë*, *ü*, и *ÿ*.

Знаком *ö* передается звук, промежуточный между *low-front-wide-round* и *low-mixed-wide-round*. Он встречается только в качестве долгого и восходит всегда к сочетаниям **öge*, **öže* и т. д. или **üge*, **üže* и т. д., ср. *tö* 'пядь' = мо. *töge* и т. д. Подробнее о происхождении этого звука см. § 42. Звук этот является долгим эквивалентом *ë*. Этим звуком мною передается гласный, средний между *high-mixed-wide-round* и *mid-mixed-wide-round*, относительно близкий к аналогичному звуку халхаского наречия.¹

Что касается артикуляции этого звука, то аналогично артикуляции *o*, она очень вялая. Эта индифферентность органов речи при воспроизведении этого гласного и ненапряженность его несколько отличает этот звук от халхаского *ö*. Тот, кому приходилось слышать речь казанских татар или башкиров, открыл бы некоторое сходство этого *ë* с казанско-татарским (и башкирским) *ë*,² являющимся несколько более задним, чем халхаский *ö*. Как бы то ни было, аларск. гласный *ë* можно охарактеризовать как звук, несколько более задний, чем халхаский *ö* и артикулируемый более вяло. Что касается происхождения этого гласного, то он восходит, как правило, к **ö*, ср. *xëxë* 'синий' = мо. *köke* (об этом подробнее в § 35). Звук *ë* никогда не встречается в качестве долгого.

Знаком *ü* передается гласный *high-mixed-narrow-round*. Встречается как в качестве краткого, так и долгого. Он вполне соответствует халхаскому *ü*³ и норвежскому *u* в слове *hus* 'дом'. Восходит этот гласный, как правило, к **ü*, напр., *hüneheñ* 'душа' = мо. *sünesün*. Отношение *ü* к *ö* такое же, как *u* к *o*, т. е. *ü:ö* = *u:o*.

Наконец, знаком *ÿ* передается звук, тождественный французскому *ü* или немецкому *ü*. Этот гласный встречается так же в качестве долгого, т. е. *ÿ*. Краткий *ÿ* того же происхождения, что *ü* и наблюдается после *j* и палатализованных согласных, напр., *jühëñ* 'девять' = мо. *yisün*. Долгий *ÿ* восходит к дифтонгам **uyi* и **üi*, напр., *ÿläxä* ~ *ÿläxä* 'плакать' = мо. *uyila-tümer* ~ *tümer* 'лесной пожар' = мо. *tüimer* 'пожар'.

§ 33. Рассмотрим теперь передние гласные редуцированные.

Передних редуцированных гласных можно различить всего два. Это — *e* и *ë*.

Когда гласными первого слога являются гласные оттенка *e* (т. е. *e*, *ë*, *e* и т. д.) или *ü*, то в следующих слогах редуцированными гласными являются

¹ SU, § 40.

² Ша ра ф, стр. 32; Dmitriev, p. 211.

³ SU, l. c.

ё при j и при палатализованных согласных и ё в остальных случаях. По поводу этого можно заметить, что y первого слога никакого прогрессивного влияния на редуцированный гласный не оказывает, т. е. не влечет за собой появления y , каковой знак поэтому в нашей транскрипции отсутствует. Что касается качества ё и ё, то первый есть редуцированный задний е, а второй редуцированный эквивалент нашего е. Если гласными первого слога являются ё или \bar{o} , то в следующем за ними слоге часто наблюдается редуцированный гласный типа ё, при шипящих же наблюдается ё, а при палатализованных согласных и j — ё. Простоты ради я, однако, пишу в непервых слогах всегда только ё и ё и редуцированный гласный качества ё передаю тем же знаком ё. Сопоставляя это с аналогичными явлениями в словах с вокализмом заднего ряда, мы легко можем установить, что таким же образом, как за а или у следует \bar{a} , за е или y следует ё или ё.

Для большей наглядности здесь дается таблица редуцированных гласных с указанием, после какого гласного первого слога они встречаются. В таблицу включены и задние гласные.

Гласные первого слога	Гласные следующих слогов
а (\bar{a}), у (\bar{y})	\bar{a}
е (\bar{e}), ё, ё, y (\bar{y}), y	ё или ё ¹
о (\bar{o})	о̆
ё, \bar{o}	ё, ё ¹

В таблицу не включены i и i . Из них i , как сказано выше, из многосложных основ наблюдается лишь в основах с задним вокализмом. За ним в следующих слогах следует \bar{a} . Что касается односложных основ, то при наращении к ним суффиксов, за i (i) первого слога следует ё или ё.¹ Знак \bar{i} в нашей транскрипции отсутствует, так как редуцированного гласного качества i нет.

Так же в таблицу не включены \bar{y} , \bar{a} и \bar{o} . Последние два, как сказано выше (см. § 29) восходят к дифтонгам $*ai$ и $*oi$. Гласным следующего за \bar{o} слога является \bar{a} или \bar{o} (см. § 27). Что касается \bar{y} , то в зависимости от того, восходит ли он к $*uyi$, или к $*yi$ (см. § 32), гласным следующего за ним слога является \bar{a} или ё.

¹ При j или палатализованных согласных.

Что касается происхождения редуцированных гласных, не только передних, но и задних, то восходят они к гласным любого качества, утратившим свою специфическую артикуляцию.

Примеры: *jaḥaṅ* 'кость' = мо. *yasun* | *daḡaṅ* ~ *daḡahaṅ* 'жеребенок по второму году' = мо. *dayan* | *xuḥaṅ* 'береза' = мо. *xusun* | *ūla* 'трут' = мо. *ula* | *ūlaḥa* 'плакать' = мо. *uyila-* | *tūmer* ~ *tūmer* 'лесной пожар' = мо. *tūmer* 'пожар' | *ōmaḥaṅ* 'чулок' = мо. *oyimusun* | *beḥeṅ* 'пояс' = мо. *büse* | *dere* 'яа, выше' = мо. *degere* | *erje* 'берег' = мо. *ergi* 'яр' | *šene* 'новый' = мо. *sine* | *üneshexe* 'верить' = мо. *ünemsiye-* | *zuxe* 'привесить, прицепить' = мо. *jegü-* | *jüheṅ* 'девять' = мо. *yisün* | *soḥoḥo* 'бить' = мо. *ḥoki-* | *doḥo* 'нижний' = мо. **doḡodu* | *xetelxe* 'привязать коня за телегой и вести за собой' = мо. *kotel-* | *xөгшeṅ* 'жена' = мо. *kögsin* 'старый' | *ōde* 'наверху, поверху' = мо. *ōgede*.

ОТРАЖЕНИЯ СТАРЫХ ПЕРЕДНИХ ГЛАСНЫХ В АЛАРСКОМ ГОВОРЕ

§ 34. Старый **e* в аларском отражается обычно как *e*, в положении же перед **i* и часто при палатализованных согласных он дал *e̊*, после **y* нередко и *ë*.

Примеры: *heḥür* 'опахало' = мо. *sebigür* 'веер' | *degel* 'шуба' = мо. *degel* ~ *debel* | *tendek* 'признак' = мо. *temdeg* | *edḡexe* 'выздороветь' = мо. *edege-* | *gemte* 'вдруг' = мо. *genedte* | *delün* ~ *délün* 'селезенка' = мо. *deliḡün* | *erje* 'берег' = мо. *ergi* 'яр' | *tēñjer* 'небо' < **tēñgir* = мо. *tngrī* ~ *tengri* < **tenggeri* | *elbek* 'изобилие' = мо. *elbeg* | *exe* ~ *jexe* 'большой' = мо. *yeke* и т. д.

Под влиянием губных согласных **e* дал *ü* в *ündexe* 'ломать' < **emde* < **ebde* = мо. *ebde-*, чаще же *ë*, напр., *ëber* ~ *eber* 'рог' = мо. *eber* | *tēmür* 'железо' = мо. *temür* и т. д. Развитие **e* > *ü* наблюдается еще в *güdeheṅ* 'кишки' = мо. *gedesün*. Под влиянием следующего *ü* гласный *e* первого слога дал *ü*, ср. *übsün* 'грудь' = мо. *ebcigün*. Ср. также **ö* > *ü* в этих же условиях — *xübün* 'сын' = мо. *köbegün*.

§ 35. Старые **ö* и **ü* отражаются в ойратском письменном языке как *ö* и *ü*, в живых ойратских говорах как *ö* и *ÿ*, в халхаском как *ö* и *ÿ*,¹ в ордосском как *ö* и *ÿ*,² в монгольском (довольно непоследовательно) как *ö* и *ÿ*.³ В аларском говоре **ö* отражается последовательно как *ë*, а **ü* как *ü*.

По поводу *ë* и *ü* следует заметить, что никакие другие звуки не доставляли еще таких трудностей, в смысле их различения, исследователям бурятских говоров, как именно *ë* и *ü*. По словам Руднева, письменным

¹ Сравнительная грамматика, стр. 162 и сл.

² Ср. Mostaert, § 19 и 24.

³ Mogholica, S. 51.

ö и ü в хоринском соответствуют ö (= нашему ё) и ú, но довольно непоследовательно.¹ Не будучи практически знаком с хоринским говором, воздерживаюсь от каких-бы то ни было суждений, но думаю, что ё и ü записывателями не всегда достаточно различались. Дело в том, что оба эти звука часто путают и вместо ё обычно пишут ú, хотя это совсем другой звук. На этой почве могло случиться, что на основании не совсем точных записей, в которых ё и ú не различаются, было сделано заключение, что *ö в бурятских говорах вообще совпал с *ü: скорее всего совпали эти звуки не в действительном их произношении, но в записях текстов.

Кастрен, повидимому, довольно хорошо различал ё и ú (в его транскрипции вместо ё знак ö, что повидимому совершенно верно, так как согласно Санжееву в бур. НУ в таких случаях имеем ö, т. е. такой же гласный, как ойратск. ö, немецк. ö или французск. eu), ср. такие формы как ökeŋ 'дочь', ögönäm 'давать', öhögö 'пятка', ölöŋ 'голод', önder 'высокий' с одной стороны и ükel 'смерть', üje 'сустав', üteger 'сказка' и т. д. Судя по ним, можно себе составить представление, что в нижнеудинском и ряде других говоров старые *ö и *ü отнюдь не совпали, но различаются довольно последовательно. Различает эти звуки ё и ú также и Välinä. О наличии двух гласных — одного ё и другого ú в бурятских говорах говорит и Орлов (он обозначает их знаками ö и ü), но рекомендует писать всегда только ú (в его транскрипции ü), так как ö в наречиях забайкальских бурят будто бы редко встречается. Главным же аргументом Орлова является, повидимому, то, что в письменном языке ö и ü графически не различаются;⁴ ясно, однако, что графическое неразличение этих звуков в письменном языке для исследователей живых наречий не может служить критерием. Наконец, Подгорбунский тоже говорит о существовании в бурятских говорах одного гласного, близкого к немецкому (т. е. ú) и другого, близкого к немецкому ö (т. е. ё),⁵ но в словаре он не всегда их различает и смешивает их.⁶ Совершенно не различает гласных ú и ё Жамцарано, пишущий в первом слоге только ú и пользующийся знаком ö только для передачи соответствующего ú редуцированного гласного, напр., зүгтлө, түрүбөдэ и т. д.⁷ Не различает ú и ё и Барадин в алфавите которого знак для ё даже вовсе отсутствует.⁸

¹ ХБГ, § 63.

² См. в разных местах его словаря.

³ Op. cit., отдел Szójegezék, стр. 233 и след.

⁴ Op. cit., § 4.

⁵ Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов, стр. 15.

⁶ И. А. Подгорбунский. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909, passim.

⁷ Образцы народной словесности монгольских племен. Том I, passim.

⁸ Op. cit., p. 4.

Из вышесказанного видно, что большинство исследователей признавали факт наличия в бурятских говорах двух гласных ё и ү, но никто из них последовательно их не различал и все, за исключением одного Кастрена, писали часто невпопад то ү, то ё. На самом же деле ё и ү в большинстве бурятских говоров различаются довольно последовательно, отражая старые *ö и *ü почти так же идеально, как ойратские говоры или халхаское наречие, где никаких колебаний между ү (ү) и ö (ö) нет.

Примеры аларск. ё < *ö: ёрём 'буравчик' = мо. örüm | дөлёң 'жар от огня' = мо. dölü 'пламя' | хөдөмөр 'работа' = мо. ködelbüri | хөрөңгэ 'за-кваска для тарасуна' = мо. köringge | ёлд(о)п 'я проголодался' = мо. ölüs- | хөгшөң 'жена, старуха' = мо. kögsin | ётлөһөң хөгшөң 'бабка по отцу' = мо. ötel- 'состариться' | һөгөлсөхө 'драться' = мо. ? | төбөгтө 'беспокойный' = мо. töbeg 'беспокойство' | хөсөхө 'радоваться' = мо. köki- 'воспрянуть ду-хом' | мөргөхө 'бодать' = мо. mörgü- | дөнөң үхөр 'четырёхлетний бык' = мо. dönen | хөтөлхө 'вести коня привязанным к телеге' = мо. kötel- 'вести' | хөтөрөлдөхө 'образовать круг во время вечерки, ходить, держась руками друг за друга' = мо. köteleldü- 'вести друг друга'? | дөшө 'сын прапра-внука' = мо. döci | нөхөр 'друг' = мо. nökur | ёд- 'плодиться' = мо. ös- | ёһотө 'враждебный' = мо. osiyetei | ёндөр 'высокий' = мо. öndür | зөб 'верно' = мо. job | мөңхө 'вечный' = мо. möngke | зөңглөхө 'гадать по при-метам' = мо. jöngne- | хөхө 'синий' = мо. köke | мөндөр 'град' = мо. mön-дүр | мөрө 'ключица' = мо. morü | мөлжөхө 'грызть кости' = мо. mölji- 'вы-сасывать' | ёг(о)п 'я дал' = мо. ög- | ётлө 'даром' = мо. ötele 'простой, не-оплатный должник' | хөдөлөккө 'двигать' = мо. ködelge- | мөңгөң 'деньги' = мо. mönggün | ёрө 'долг' = мо. öri | хөлөһөң 'пот, жалование, заработная плата' = мо. kölüsün | бөхө 'крепкий' = мо. böke | дөрөккө 'жечь' = мо. ? | хөшөгө 'занавеска' = мо. kösige | ёрлөхө 'рвать рукой аорту закалываемого животного' = мо. örle- | хөлөхө 'запрягать' = мо. köl- | хөглөхө 'собираться кучей' = ? мо. kögji- 'распространяться, умножаться' | бөглөхө 'заткнуть пробкой' = мо. bögle- | һөр 'зимник' = мо. sörü 'навес для скота' | ёһөлдөхө 'издеваться' = мо. ? | хөб(о) 'кайма' = мо. köbege | хөдөһөң 'кисет' = мо. ? | гөрөһөң 'дикая козуля' = мо. görugesün | бөгжө 'кольцо, ввинчиваемое в стену' = халх. б(о)г(и) | мөхөр(о)ң ~ мөхөр(ү)ң 'круглый' = мо. mökürig 'ша-рик' | ёнсөк 'спинка ножа' = мо. öndüg | ёртөһөң 'тонкие прутья' = мо. örtösü 'обрезки' | ёңгөрхө 'пройти' (о времени) = мо. önggere- | ёнөшөң 'сирота' = мо. önücin | һөһө 'ночь' = мо. söni | хөлд(о)хө 'отморозить' = мо. köldege- | хөд(о) гархә 'сойти с дороги, дать место' = мо. ködege 'степь' | бөдөнө 'перепелка' = мо. bödüne | ёдөң 'перо' = мо. ödün | мөлсөхө 'ползать' = мо. mölkü- | ёр(о)лө 'пути на одну переднюю и одну заднюю ногу' = мо. örügel 'половина' | сөмөхө 'раскусить орех' = мо. sömü- 'срывать плоды с дерева' | ёлөгшөң 'сука' = мо. ölügcin | мөр 'след' = мо. mör | хөхөң 'женские груди' =

мо. *kökün* | дэрб 'стремена' = мо. *dörüge* | өглб 'утро' = мо. *öglüge* | мөгб
һең 'хрящ' = мо. *mögeresün* и т. д.

Всем вышеприведенным формам с *ö* в письменном языке соответствует *ō*, в халхаском *ō* и т. д. Но наряду с этими случаями наблюдаются также, когда письменному *e* тоже соответствует *ö*. Как явствует из сравнения таких форм с тюркскими, письменный *e* отнюдь не восходит в таких случаях к **e*, но к какому то гласному типа *ö*. Ср. следующие монгольско-тюркские соответствия: мо. *elgü-* 'вешать' = осм., джаг. *ölgü* 'весы', *ölgü* 'вешать' (ср. чув.¹ *viç-*) | мо. *emüne* 'впереди' = тел., леб. *öң* 'передняя лицевая сторона' (чув. ум 'впереди находящаяся') | мо. *edür* 'день' = орд. уйг. *öd*, тел. *oi* время.

Ввиду того, что вокализм тюркских языков очень устойчив, мыслится, что тюркск. *ö* в данном случае развился из *e*, приходится оставить. В живых монгольских наречиях в таких случаях всегда наблюдается гласный *ö*, напр. халх., *ō*, дэрб. Астр. *ö* и т. д. В аларском, как сказано в таких случаях наблюдается *ö*, напр., *өмөдөң* ~ *мөдөң* 'штаны' = мо. *ömtü* 'штаны', *emüs-* 'одевать' | *өбөһөң* 'сено' = мо. *ebesün* | *өргөдөк* 'беременная' = мо. *ergü-* 'поднимать' ('носить': 'беременная' = *tragen*: *trächtig*) | *өбөшөң* 'болезнь' = мо. *ebedcin* | *өбөр* 'пазуха' = мо. *ebür* | *өбөл* 'зима' = мо. *ebül* | *өрхө* 'дымовое отверстие' = мо. *erüke* | *өдөр* 'день' = мо. *edür* | *өсхөдөр* 'вчера' = мо. *öcigen* 'вчера' ~ *ecüs* 'конец' | *өлгөхө* 'вешать' = мо. *elgü-* | *өмөнө* 'впереди' ~ *емөшөң* 'восточный ветер' = мо. *emüne*.

Итак, письменно-монгольский *e* в таких случаях восходит к гласному типа *ö*.² Однако, этот *e* очень старый и кроме письменного языка встречается в этих же случаях наблюдается в дагурском наречии.³

Как сказано уже выше, **ü* дал в аларском закономерно *ü*.

Примеры: *һүзөк* 'религия' = мо. *süjüg* 'благоговение' | *унөр* 'запах' = мо. *ünür* | *һүрөг адаһаң* 'стадо' = мо. *sürüg* 'стадо' | *убе* 'нет' = мо. *ügei* | *нүхөң* 'дыра, нора' = мо. *nüken* | *унөшөхө* 'верить' = мо. *ünemsiye-* | *түргө* 'быстрый' = мо. *türgen* | *хүрөң* 'бурый' = мо. *küren* | *үхөр* 'кладеный бык' = мо. *üker* | *үдөшө* 'вечер' = мо. *üdesi* | *бүхүлө* 'цельный' = мо. *büküli* | *үлөм* 'излишек' = мо. *ülemji* 'весьма' | *хүндө* 'дорогой' = мо. *kündü* 'тяжелый, важный, уважаемый' | *үлөхө* 'раздувать огонь' = мо. *üliye-* | *үзөхө* 'посмотреть' = мо. *üje-* | *үһөң* 'молоко' = мо. *üsün* | *үһөң* 'волос' (редкое слово) = мо. *üsün* | *түрхөхө* 'мазать' = мо. *türki-* | *дүлө* 'рхө' 'оглохнуть' = мо. *düleyire* | *гүнзөгө* 'глубокий' = мо. *güng* | *үлдөхө* 'гнать' = мо. *ülde-* | *үјөң* 'горностаи' = мо. *üyeng* | *хүрөлөхө* 'огораживать' = мо. *küriyele-* | *хүрө* 'достиг' = мо. *kür-* | *түлөң* 'дрова' = мо. *tüliyen* | *һүнөһөң* 'душа' = мо. *sünesün* | *хүлөң*

¹ Чувашский язык.

² Сравнительная грамматика, стр. 151 и сл.

³ Н. Н. Поппе. Дагурское наречие. Ленинград, 1930, стр. 108.

'ждать' = мо. *küliye-* | хургёң 'жених, зять' = мо. *kürgen* | гүрехё 'заплетать косы' = мо. *güre-* | үнёһёң 'пепел' = мо. *ünesün* | зүг 'сторона' = мо. *jüg* | үндёһёң 'корень' = мо. *ündüsün* | үнтёлөк конопля' = мо. ? | бургёт 'орел' = мо. *bürgüd* | үһё 'потолок' = тюркск. *üst* 'верх' | үнёгёң 'лисица' = мо. *üne-gen* и т. д.

Кроме этого развития $*ü > ü$ в аларском наблюдается еще развитие $*ü > e$, напр., хелёһёң 'желчь' = мо. *süsün* | беһёң 'пояс' = мо. *büse* | мешёгёт гежё 'усмехаясь' = мо. *müsiye-* 'улыбаться' | һебё 'ушко иглы' = мо. *sübe*.

Подобное развитие $*ü$, а также $*u$ под влиянием губных согласных в *i* известно во многих монгольских говорах.¹ Здесь же, в аларском, поскольку $*i$ во многих случаях дал *e*, ср. бешёхё 'писать' = мо. *biči-*, $*ü$ через $*i$ дал *e*. Засвидетельствован также случай развития $*u > e$: бешё 'другой' = мо. *busu*, старо-монг. *busi*.

§ 36. До сих пор шла речь только о вполне закономерных отражениях $*ö$ и $*ü$, а также о частном случае $e < *ü$. Помимо этих случаев, которые составляют большинство, наблюдается ряд незаконномерных случаев, именно случаев перезвучия $ö < *ü$ и, наоборот, $ü < *ö$.

Обращаясь к случаям аларск. $ö < *ü$, укажем следующие примеры: һёмё 'дворец, большое здание' = мо. и ойр.² *süme*, халх. сүмё 'храм' | һёхё 'топор' = мо. и ойр. *süke*, халх. сүххё, дэрб. Астр. сүк^ү.

Примерами обратного развития являются: гүлөгёң 'щенок' = мо. *gölige*, ср. осм. *kösek* 'молодое животное' | үндөгёң 'яйцо' = мо. *öndegen*, ойр. *öndögön*, халх. öндүг, дэрб. Астр. öндöги.

Наряду с этими случаями наблюдается и чередование $ö \sim ü$ основы, напр., үңхё¹ 'вонючий' \sim өмсё 'гнилой' = мо. *ümekei*, ойр. *ümkei* 'тухлый, гнилой'.

Объясняются эти незаконномерности в аларском говоре тем, что частично процесс перегласовки в монгольских наречиях начался уже давно. Так например, в языке квадратных надписей уже наблюдаются формы с *ü* часто там, где мы ожидали бы *ö*, напр., *k'ölgeni*, *dörben*, но *mürgümüé*, *ündur* и т. д., и это же самое появление *ü* не на месте наблюдается и в монгольском наречии, в котором $*ö$ и $*ü$ вообще различаются, ср. там *k-öl* 'нога', но *kүkа* 'синий'.³ Таким образом можно полагать, что некоторые из подобных форм с $ü < *ö$ попали уже в этом самом виде и в аларский говор и там утвердились. С другой стороны, любопытно отметить, что *ö* или *ö* на месте $*ü$ в известных нам наречиях не наблюдается и что перезвучие коснулось только $*ö$, давшего закономерно *ö*, *ö* и т. д. и незаконномерно *ü*, в то время, как $*ü$ всюду отражается как *ü* или *ü*, но не

¹ Раңсатантра, стр. 57, прим. 3.

² Ойратский письменный язык.

³ Ср. Sprachmaterial, S. 1013.

как *ö* или *ȫ*. В аларском же говоре это наблюдается. Вообще, можно полагать, что **ö* и **ü*, вероятно, в некоторых монгольских наречиях когда-нибудь совершенно совпадут. Такое совпадение уже произошло, напр., в дагурском и может распространиться и на другие наречия.

В заключение об **ü* можно указать, что в аларском он кроме того, дал *ü* в слове *ür* 'заря' = мо. *ür*, вследствие чего это слово перешло в ряд слов с задним вокализмом.

К ИСТОРИИ **i*

§ 37. Старый **i* отражается в аларском там, где не произошло „перелома“ (см. § 38—39), в словах с вокализмом заднего ряда как *i*, а после палатализованных согласных как *ī*. В словах же переднего ряда **i* дал при аналогичных условиях *ë*. На основании этого двоякого развития старого **i* можно несомненно полагать, что в старом монгольском языке существовали два звука типа *i* — один **i*, другой **ī*. На это указывает не только аларский говор,¹ идеально отражающий эти два *i*, но прежде всего сам письменно-монгольский язык. Что в нем еще в эпоху XIII—XIV вв. существовали два *i* — более передний и более задний, можно установить на основании того, что в словах с вокализмом заднего ряда в положении перед *i* писалось *χ* и *γ*, напр., *χiduju* 'изничтожая', *taxibai* 'оказал почтение', *χičiyangγui* 'прилежание', *χilinca* 'грех' < уйг. *qilinca* 'деяние, дурное деяние' и т. д.²

Далее, на это указывает чередование *i* ~ *u* в письменном языке, ср. *-yi* суфф. accusativ *i* ~ *-yuγan* (< **y-i-βan*) тоже с безличным притяжением.³ Наконец, это подтверждается также данными монгольских говоров XIII—XIV вв., в которых наблюдаются формы с *qi*, напр., *qimusun* 'ноготь' и т. д.:⁴ велярный *q* указывает на то, что *i* здесь был тоже более задний.

Если сопоставить относящиеся сюда письменно-монгольские формы с тюркскими, то увидим, что в тюркских наречиях им соответствуют формы с *y*, напр., мо. *inaγ* 'друг' = осм. *inan-* 'доверять' | мо. *birayū* 'теленос' = каз. *бызау* | мо. *ki-* 'делать' = орх., уйг. и т. д. *qī-l-*, алт. *кы-л-* | мо. *kilyasun* 'волос' = каз. *кыл* 'конский волос' | мо. *siγadyγ* 'клин' = леб. *сығыс*

¹ Может быть, и другие бурятские говоры их отражают также последовательно, но из неточных записей, какими мы располагаем, этого не видно.

² N. Poppe. Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache. Asia Major, Vol. I, S. 669—670; ср. Б. Я. Владимирцов. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева, ИРАН 1918, стр. 1550; Сравнительная грамматика, стр. 176.

³ Ср. Geserica, S. 16. Ср. G. J. Ramstedt. Über mongolische Pronomina. JSFOu XXXII, 3, S. 6; Mat., стр. 191.

⁴ Sprachmaterial, S. 1031.

(ср. чув. савал) | мо. *çinar* 'свойство' = алт. тын 'душа' и т. д. Ср. еще мо. *uyila-* 'плакать' = ком.¹ *iyila-*, туб.² *ыҕла-* id. | *ugiya-* < **iyi-ya-* 'мыть' = каз. *jыу-* ~ *jү-* (ср. чув. *су-* ~ *саवास* 'мыться') и т. д.³

Итак, **i* отражается в аларском как *i*, после палатализованных согласных как *ī*, напр., *жил* 'год' = мо. *jil* (< **jil*, ср. тюркск. *jыл*) | *мина* 'плеть' = мо. *milaʎa* | *миңгаң* 'тысяча' = мо. *mingʎan* (< **bijʎan*, ср. орх. *bij*, кирг.⁴ *мың*) | *инзагаң* 'козленок' = мо. *injaʎa* 'детеныш сайги' | *çilgahaң* 'обрезки конской гривы' = мо. *kilyasun* (< **qilyasun*, ср. тюркск. *кыл* 'конский волос') | *jilaһаң* 'муха' = мо. *ilaʎa*, халх. *jila* 'овод, мушка' | *jibүң* ~ *jimbү* 'нашивка из мелких морских раковин' = мо. *ibaʎu* (ср. мандж. *ubiyoo*) | *лҕаха* 'различать' = мо. *ilya-* (ср. алт. *ылза-* 'выбирать').

В словах с вокализмом переднего ряда *i*, т. е. **i*, отражается как *ë*, а также как *e*, напр., *ёрҗе* 'кладеный баран' = мо. *irge* | *ёшәрбе* 'бесстыдный' = мо. *iceri ügei* | *ётхехе* 'верить' = мо. *itege-* | *елү* 'лишний' = мо. *ilegüü* | *шелёгер* 'ясный (день), ведро' = мо. *çilger* | *шенең* 'величиною с' = мо. *çinegen* | *шенк'кең* 'жидкий' = мо. *singgeken* 'жиденский'.

В начале слова **i* дал часто *jë*, напр., *jëре* 'пришел' = мо. *ire-*. После б, г, м, н, х и изредка в начале слова старый **i* дал, как правило *e*, напр., *ем* 'метка на ухе животного, знак собственности' = мо. *im* | *бешехе* 'писать' = мо. *bici-* | *гешхехе* 'ступать' = мо. *giški-* | *мениге* 'меня' (genitivus с притяжением) = мо. *minu yuʎan* | *хеже* 'наливая, кладя' = мо. *kijü*.

Через **i* развился в *e* старый **u* в *беше* 'другой' = мо. *busu* (ср. халх. *бишшi*).

§ 38. Все вышесказанное относительно развитий **i* и **ī* справедливо, исключая случаи, когда наступил перелом. Переломом называется ассимиляция *i* первого слога гласному последующего. Когда гласным первого слога был **i* (**ī*), а гласным следующего слога другой, то последний проник в первый слог или антиципировался, т. е. надставная труба приняла положение, необходимое для произнесения его до образования находящегося между ними согласного.⁵

Таким образом, письменно-монгольскому *i* первого слога в современных живых наречиях соответствуют часто совершенно иные гласные в результате этого перелома. Поэтому письменно-монгольскому *i* первого слога в монгольских живых наречиях могут соответствовать а, е, о, у, ү и т. д. в зависимости от того, какой гласный был в следующем слоге. Но первоначальный **i* не исчез совсем без следа: он оставил после себя

¹ Команский диалект.

² Диалект Туба.

³ Ср. Н. Н. Поппе. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, ИРАН 1925, стр. 413.

⁴ Киргизский.

⁵ SU, § 55.

палатализацию предшествующего согласного или сохранился в виде скользящего гласного, напр., халх. *māṅgā* 'тысяча'. В начале слова **i* в таких случаях обычно дает *j* + гласный, напр., халх. *jamā* 'коза' = мо. *imaṅan*. Перед *i* или *e* следующего слога перелом не наступает. Этот **i*, давший в результате перелома другой гласный, повлиял на сохранение шипящего характера старых **č* или **ʃ* (ср. мо. *čisun* = аларск. *шуһаң*, мо. *jiran* = халх. *царā* 'шестьдесят' и т. д.).

В связи с явлением „перелома“ возникает вопрос, является ли письменно-монгольский *i* всегда первоначальным, т. е. отражает ли он всегда древний **i*, не является ли он иногда вторичным, возникшим под влиянием предшествующего шипящего или палатализованного согласного и не писался ли *i* в некоторых случаях просто для обозначения палатализации предшествующего согласного подобно тому, как ныне часто пишется *i* после *č* для того, чтобы вызвать в читателе представление ч, ибо графемы *či*, по правилам чтения монгольской письменности, ассоциируются с произношением *č* + гласный.¹

Как показывает сопоставление монгольских форм с *i* с тюркскими и другими, письменно-монгольский *i* оказывается различного происхождения. В одних случаях *i*, действительно, восходит к **i*, и палатализация предшествующего согласного в живых наречиях оказывается вторичной, вызванной соседством первоначального **i*, ассимилировавшегося с гласным следующего слога, напр., халх. *māṅgā* 'тысяча' < **miṅṅan* = орх. *biṅ id*. В других случаях письменно-монгольский *i* является орфографической особенностью и, действительно, служит только для обозначения палатализации предшествующего согласного.

Вопрос о первоначально палатализованных согласных в монгольском языке принадлежит к наиболее сложным, и долгое время представлялось, что никаких первоначально палатализованных согласных в монгольском языке не существовало. Однако, в настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что в древнем языке встречался в начале слова палатализованный *n*, т. е. **n̄*.² Этот **n̄* обычно отражается как *n* с последующим *i*. Этому *i* в тюркских наречиях соответствуют совсем иные гласные и ясно, что *i* в некоторых таких случаях лишь орфографическая особенность, ибо по правилам чтения монгольской письменности написание *ni* должно ассоциироваться с произношением *ñ* или *n* + гласный. В отношении других случаев можно, однако, с несомненностью доказать, что в диалекте, на почве которого возник письменный монгольский язык, действительно был

¹ Rañcatantra, стр. 63.

² Поппе, Чувашский язык и т. д. ИРАН 1925, стр. 36; Ср. Altaisch und Urtürkisch, I. Этот *n* мог быть и палатальным, т. е. *n̄*. Практически, в виду чрезвычайной близости *n̄* и *n*, различие их для нас роли не играет.

*i, но только этот *i восходит не к *i, но к другим гласным и появился под влиянием палатализованного *ɳ. В качестве примера можно привести мо. *nidurʷa* 'кулак' (теперь 'обшлаг рукава') = мандж. *nujan* < **nurʷan* < **nudurʷan* = алт., бар. *јудрук* 'кулак', кир. *цудрук*, саг.¹ *нузрук id.*, койб.² *нумзурук id.* (контаминация с *јумру* 'круглый'), як. *сутурук* 'кулак'.

Вероятно так же обстоит дело во многих случаях с письменно-монгольским *i* после *j*, т. е. с графемами *ji*, где *i* часто восходит к совершенно другим гласным и вошел в традиционную орфографию как элемент вторичный, напр., монг. *јirüken* 'сердце', халх. *зүрхэ ~ зүрүх*, дэрб. Астр. *зүркн id.* < *јirüken* = алт. и т. д. *јүр* 'жить', тел. *јүрәк* 'сердце'.

Из приведенных примеров видно, что письменно-монгольский *i* в некоторых случаях является вторичным и восходит к разным гласным, причем переход гласного > *i* чаще всего обусловлен предшествующими *ɳ или шипящими.³

Этот вторичный *i* очень трудно отличить от *i* < *i, ибо в живых монгольских наречиях им обоим соответствует „перелом“ с палатализацией предшествующего согласного (или без нее): здесь нам на помощь должны прийти родственные языки.

Переломы, как сказано, наблюдаются во всех монгольских диалектах и поэтому для определения древнего (т. е. древнемонгольского) *i* необходимо исходить из письменного языка, имея, однако, ввиду все сказанное относительно вторичного *i*. Однако, можно привести примеры, доказывающие, что и письменный язык в отношении сохранения древнего *i или *ī является не всегда надежным, так как переломы отчасти коснулись и его, ср. письм. *yatuʷan* 'гусли', которое можно возвести к **yatuʷan* = джаг. *yatuʷan*, саг. *чадыған* 'арфа', однако, как показывает манджурское *fituʷan* 'бандура', мо. *yatuʷan* восходит к **ituʷan* < **hituʷan* < **fituʷan* ~ **pituʷan*, а турецкие формы заимствованы из монгольского. Под влиянием живой речи, следовательно, в письменном монгольском языке тоже наблюдаются переломы.

Из всего вышесказанного вытекает, что письменно-монгольский *i* в ряде случаев действительно восходит к *i, а также к *ī (= тюркск. *i*, *ы*). В некоторых же случаях он восходит к иному гласному. Что же касается древнемонгольского *i, то в известных случаях он восходит в свою очередь к *ī, напр., мо. *sira* 'желтый' = тюркск. *сары id.* (ср. чув. *шура* 'белый').⁴ Любопытно отметить, что этот *ī, как показывает ряд форм, находящих подтверждение со стороны современных архаичных

¹ Сагайский диалект.

² Койбальский диалект.

³ Ср. Сравнительная грамматика, стр. 185 и сл., 369 и сл.

⁴ Ср. Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области монголо-турецкого праязыка. ДРАН-В 1924, стр. 33—35; Поппе, Чувашский язык и т. д., ИРАН 1925, стр. 420—421.

монгольских наречий, как, напр., могольского, действительно дал некогда *i*, напр., могольск. *шiра* 'желтый', ср. у Хамдаллаха Казвини *sira id.*,¹ чтобы впоследствии в результате перелома дать а: **s'ara > sira > шiра > шара*. Таким образом, этот **i* через **i* дал вторичное а. Конечный результат этого развития почти совпал с началом.

Итак, подводя итоги всему сказанному, мы можем установить, что в письменно-монгольском языке имеется *i* четырех происхождений:

- 1) $i < *i$ (= тюркск. *i*, напр., *singge-* 'впитываться в землю' = тюркск. *sing-, siŋ-*);
- 2) $i < *i$ (= тюркск. *ы*, напр., *biraγu* 'теленос' = тюркск. *бызау*);
- 3) $i < *i$ = тюркск. *а*, напр., *çilaγun* 'камень' = тюркск. *таш*);
- 4) *i* — вторичный, появившийся под влиянием предшествующего согласного (= другим гласным в тюркских наречиях, напр., мо. *jirüken* 'сердце', халх. *жүрүх*, аларск. *зүрхен* = тюркск. *jüräk*).

§ 39. В аларском говоре, как сказано, переломы представляют собою обычное явление. Можно установить две категории переломов — 1) перелом *i* (**i*, **i*) с палатализацией предшествующего согласного или с сохранением шипящего характера старых **ç* и **j* и 2) перелом без палатализации и без сохранения шипящего характера **ç* и **j*.

Обратимся сперва к первой категории.

1) Старый **i* в положении перед **a* дал а (*ä*), в начале слова *ja*, напр., *јамаң* 'коза' = мо. *imaγan* | *махаң* ~ *михаң* 'мясо' = мо. *miγan* | *нагта хару* 'бережливый' = мо. *niγta* | *шадаха* 'мочь' = мо. *çida-* | *шанаха* 'варить' = мо. *çina-* | *жалга* 'падь' = мо. *jiγa*.

2) Старый **i* перед **e* дал в начале слова *je* ~ *jë*, напр., *jерең* 'девятиност' = мо. *yiren*.

3) Старый **i* перед **u* дал закономерно у, напр., *нуһаң* 'сопли, нагар на свече' = мо. *nisun* 'сопли' | *нургаң* 'спина' = мо. *niruγun* | *нутак* 'родина' = мо. *nituγ* ~ *nutuγ* | *шуһаң* 'кровь' = мо. *çisun*.

4) Старый **i* перед **ü* дал *ü* и *ÿ* (при палатализованных согласных), в начале слова *jü*, напр., *jүһең* 'девять' = мо. *yisün* | *нүдүр* 'пестик' = мо. *nidügür* | *нүдөң* 'глаз' = мо. *nidün* | *шүдөң* 'зуб' = мо. *sidün*.

К приведенным примерам можно теперь прибавить случаи без палатализации и без сохранения шипящего характера прежних аффрикат. Таковы напр., *нара́лаха* 'рожать' = мо. *nirayila-* | *загаһаң* 'рыба' = мо. *jiγasun* | *но́лмоһоң* 'слеза' = мо. *nilmusun* | *ну́гел* 'грех' = мо. *nigül*.

Отсутствие палатализации и переход шипящих в свистящие в таких случаях можно объяснить только тем, что перелом, повидимому, произошел

¹ Н. Н. Поппе. Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. ЗКВ, стр. 203.

здесь раньше, чем *j успел развиться в *j̄ > ж, а остальные согласные палатализуются. По поводу этого можно заметить, что вообще перелом явление не очень давнее, о чем свидетельствуют некоторые мусульманские памятники монгольского языка XIII—XIV вв. На основании этих памятников можно установить, что в XIII—XIV вв. *i* еще сохранился, хотя в единичных случаях и тогда уже перелом произошел.¹ Поэтому нет ничего невероятного в том, что в одну и ту же эпоху, в наречии-предке бурятских говоров формы **niruḡun* 'спина', **nigül* 'грех' дали — первая **nirḡun* > нургаң, а вторая **nügül* > нүгел. По поводу формы нолмөһоң 'слеза' можно заметить, что отсутствие палатализации начального н может объясняться вовсе не тем, что там перелом произошел раньше. Здесь палатализованным под влиянием **i* оказался *l*, т. е. л, и тут влияние **i* распространилось не на предыдущий согласный, но на следующий. На вопрос, почему в таком случае не оказались палатализованными оба согласные, можно ответить, что здесь, по всей вероятности, произошла своего рода диссимиляция н — л̄ > н — л̄, так же, как в хотогө 'нож' = мо. *kituḡa*.

До сих пор мы имели дело с закономерными случаями перелома, когда **i* (**ī*) дал под влиянием следующего гласного гласный качества гласного непосредственно следующего слога. Есть и другие случаи, когда *i* приобрел качество гласного слога, не непосредственно следующего за ним, напр., бурḡ 'годовалый теленок' = мо. *biḡaḡu*. Почему здесь появилась форма бурḡ, а не *барḡ или *барḡ? Совершенно очевидно, что в этом слове и других, относящихся к этой же категории **aḡu* успело дать *ḡ* (см. § 42) раньше, чем произошел перелом. Другими словами, **biḡaḡu* сперва дало **biḡḡ*, после чего *i* ассимилировался с гласным следующего слога, т. е. *ḡ*, и дал вполне закономерно *u*.

Есть и другие случаи перелома. Так например, *i* в положении перед *u* дает в ряде случаев *o*, а перед *ḡ* — *ö*, напр., хотогө 'нож' = мо. *kituḡa* | һодонон жил 'прошлый год' = мо. *nidunan jil* | нолмөһоң 'плевок' = мо. *nilmusun* | соһолхө 'обижать' = мо. *kisaḡul-* 'угнетать' | жоргоң 'шесть' = мо. *jiruḡaḡan* | шөдер 'треног' = мо. *cidür* | шөнөнөң 'лиственница' = мо. *sinesün* | шөбөгө 'шило' = мо. *sibüge* | шөләң 'суп' = мо. *silün*.

Здесь произошло совершенно последовательное развитие **i* > *o* и *ö* в положении перед **u* и **ḡ*. В жоргоң 'шесть' развитие *i* > *o* объясняется влиянием развития **uḡa* > **oḡa* > *ö* вместо *a*, ср. халх. *зурḡä* < **jurḡan* < **juḡuḡan* < **jiruḡaḡan*. В связи с жоргоң появилась аларск. форма жорон 'шестьдесят' = мо. *jiran*, халх. *царä* вместо ожидаемой формы **жаран*.

Особыми развитиями являются и *oḡor* 'дно' = мо. *iruḡar* | одогон 'шаманка' < **iduḡan* = мо. *udagan* | өнжө 'наследство' = мо. *injī* (ср. тюркск.

¹ Sprachmaterial, S. 1024.

джаг. *injū* 'царское поместье'; вероятно в аларск. контаминировано с мо. *ōmci* 'наследство') | *jorō* 'знамение' = мо. *irua* < **iruβa*.

Это развитие **i* > о или ё является характерным также для ряда других монгольских наречий. Наблюдается оно всегда в тех случаях, когда **i* находился в начале слова или имел перед собою **č*, *s* < **s*, **j* или **л*. Объясняется это явление повидимому тем, что при указанных положениях при антиципировании следующих за **i* гласных **u* и **ü* стали произноситься не у и ү, но более широкие гласные о и ё.¹

Не совсем ясными представляются случаи развития *i* в начале слова в положении перед **u* в у вместо ожидаемого ју, напр., узур 'нижний конец' = мо. *ijāur* | урухаң 'звучий' = мо. *iraγu*. Возможно, что здесь никогда и не было **i*, ср. к *ijāur* памятники квадратного письма *huja'ur* дагурск. оцор. Вероятно этого же порядка и указанное выше ојор 'дно' = мо. *iruγar*.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 40. Долгие гласные в живых монгольских наречиях имеют двойное происхождение: или они восходят к комбинациям гласн. + **γ* (**g*, **β*, **ŋ*) + гласный или к дифтонгам, а также в известных случаях восходят к нормальным (недолгим) гласным. Такого же происхождения долгие гласные в аларском говоре.

Долгие гласные имеют для монгольских наречий первостепенное значение, ибо долгие и краткие гласные являются фонемами. Многие слова отличаются друг от друга только долготой гласного. Примерами этого могут послужить следующие халхаские формы: *јара* 'раи́а, язва' — *јара́* 'спеши!' | *дара* 'дави!' — *дара́* 'мерзни!' | *ем* 'лекарство' — *ем́* 'плечевая кость' | *т'ос* 'масло' — *т'ос́* 'пыль' | *ула* 'подошва' — *ула́* 'гора' | *ус* 'волос' — *ус́* 'береста' и т. д.

Такое же значение долготы и краткости имеют и в аларском говоре. Более того, в аларском говоре приходится различать два типа долготы — долгие гласные и наддолгие гласные. Обе долготы эти в аларском говоре одинакового происхождения и подробнее о них будет сказано ниже.

§ 41. Обратимся к долгим гласным недифтонгического характера, а именно к долгим гласным, восходящим к комбинациям гласный + **γ* и т. д. + гласный.

Известно, что письменно-монгольскому *γ* (*g*) в живых монгольских наречиях часто соответствует нуль, причем гласные, между которыми находился исчезнувший звук, слились в один долгий. История этих долгот сейчас выясняется уже достаточно хорошо. Так напр., известно, что современным формам типа халхаских *т'аха́* 'отгадать' и *ула́* 'гора' в языках

¹ Сравнительная грамматика, стр. 181.

памятников квадратного письма соответствуют формы без долгого гласного, на месте которых имеем два гласных между которыми наблюдался гортанный перерыв', напр., *huja'ur* 'происхождение'. Такие формы с сохранением обоих гласных сохранили нам некоторые мусульманские источники по монгольскому языку XIII—XIV вв. Впоследствии получились формы типа халхаского *ūla* 'гора'. При этом можно заметить, что стяжение в случаях, когда гласные были одни и те же, напр., мо. *degere*, квадратное письмо *d'ere*, халх. *дёрё*, произошло вероятно значительно раньше, наоборот, процесс стяжения слогов с качественно различными гласными, как напр., *a'ula*, халх. *ūlā*, завершился значительно позже. И даже теперь еще существуют наречия, в которых стяжение двух качественно различных гласных окончательно еще не завершилось: это дагурское наречие, сохранившее нам *ау* и *ёу*, и могольское, где **a'u* и т. д. и **egū* дали *ёу*.¹

В общем, можно полагать, что первоначальный согласный **β*, **η* и т. д. начал исчезать еще до появления письменности, и следом его к моменту, когда письменность появилась, был спирант, который стали в письме передавать знаком *γ* (*g*), тем более, что он во многих случаях действительно восходит к **γ*, и в начальный период письменности действительно произносился как *г*. Так как мало вероятно, чтобы этот **γ* в положении между гласными произносился в древне-монгольском языке совершенно так же, как в начале и конце слова, а также в положении между гласными, в случаях, когда стяжение не произошло, следовало бы ввести в транскрипцию монгольского письменного языка особый знак для обозначения *γ*, соответствующего нулю в живых монгольских наречиях. Отмечу еще, что неисчезнувший в положении между гласными в живых монгольских наречиях *γ* мусульманскими авторами трудов о монгольском языке XIII—XIV вв. передавался знаком *ق*, т. е. *q*, напр., *ayaqa* 'чаша'.

Как сказано, долгие гласные произошли в результате стяжения двух гласных, между которыми находились **γ*, **g*, **β* и **η*.

Примеры: аларск. *хōһōң*, халх. *хосō*, мо. *χoγusun* < **qoγusun* 'пустой' = уйг. *qoγus*, бар.² *коγус* 'пустой' (ср. чув. *хавал*) | аларск., халх. *бō*, мо. *bōge* < **bōge* 'шаман' = джаг. *bōgi*, осм. *būi* 'магия, колдовство' | аларск., халх. *хā-*, мо. *χaγa-* < **qaβa-* 'запирать' = орх. *qarīγ* 'ворота' | аларск. *ūsa*, халх. *уц'ā*, мо. *uγisa* < **uγisa* 'крестец' = крым.³ *оңурға*, осм. *онурға* 'спинной хребет'.

Ввиду того, что правильное восстановление первоначального согласного для наших целей не играет никакой роли, условимся дальше писать

¹ SU, § 19; Mogholica, S. 53; G. J. Ramstedt. Zur Geschichte des labialen Spiranten im Mongolischen. Festschrift Wilhelm Thomsen. Leipzig, 1912, S. 182; Geserica, S. 6; Sprachmaterial, S. 1017—1023.

² Барабинский диалект.

³ Крымский диалект.

всюду γ и g , хотя бы они восходили и к другим согласным. Формулировку $*a\gamma u > \bar{u}$ и т. д. следует поэтому понимать не слишком буквально, но с вышеприведенной оговоркой, ибо γ (g) здесь часто будет восходить и к $*\gamma$ и $*\beta$ и т. д.

§ 42. Сочетание $*a\gamma a$ и т. д. дало \bar{a} , напр., hанаң 'мысль' = мо. *sanaγan* | баһаң 'кал' = мо. *baγasun* | батар 'богатырь' = мо. *baγatur*.

Сочетание $*ege$ и т. д. дало \bar{e} , напр., хәр газар 'дикое место' = мо. *kegere* 'степь' | сәр 'запретный' = халх. ц'ёр'т'е 'подзапретный', мо. *ceger* $\bar{e}m$ 'плечевая кость' = мо. *egem* | емэл 'седло' = мо. *emegel*.

Сочетание $*o\gamma a$ и т. д. дало \bar{o} , напр., тө 'число' = мо. *toγa*.

Сочетание $*öge$ и т. д. дало \bar{o} , напр., хөргө 'кузнечный мех' = мо. *kögerge* | хө 'уголь' = мо. $*köge$ 'сажа' | бө 'шаман' = мо. *böge* | тө 'пядь' = мо. *töge*.

Сочетание $*a\gamma u$ и т. д. дало \bar{u} , напр., дүң 'голос' = мо. *daγun* | буха 'спускаться' = мо. *baγu-* | зүң 'сто' = мо. *γagun* | халүң 'горячий' = мо. *χalaγun*.

Сочетание $*egü$ и т. д. дало $\bar{ü}$, напр., нүхе 'кочевать' = мо. *negü-* | зүң 'левый' = мо. *jegün* | үң 'бородавка' = мо. *egün*.

Сочетание $*u\gamma u$ и т. д. дало \bar{u} , напр., бурү 'неправильный' = мо. *buruγu* | сүр 'дудка' = мо. *suγur*.

Сочетание $*ügü$ и т. д. дало \bar{u} , напр., бүдүң 'толстый' = мо. *büdügün* | бүргө 'лука' = мо. *bügürge*.

Сочетание $*i\gamma a$ и т. д. ($>$ мо. $i\gamma a \sim iya$) дало \bar{a} , напр., алархаха 'баловаться' = мо. *aliyarχa-* | сәг 'пырей' = мо. *kiyaγ* | шаха 'вбивать' = мо. *siγa-*.

Сочетание $*ige$ и т. д. ($>$ мо. $ige \sim iye$) дало \bar{e} , напр., һең 'корова' = мо. *üniye* | һеһе 'смеяться' = мо. *iniye-* | шеһең 'урина' = мо. *sigesün*.

Сочетание $*i\gamma u$ и т. д. дало \bar{u} , напр., тух'руң 'журавль' = мо. *tuγuriγu* | һүха 'прятать' = мо. *niγu-* | һүр 'лицо' = мо. *niγur*.

Сочетание $*igü$ и т. д. дало $\bar{ü}$, напр., шүһең 'сок' = мо. *sigüsü*.

Сочетание $*o\gamma u$ и т. д. дало \bar{o} , напр., ohör 'тесьма' = мо. *oγusur* | холо 'горло' = мо. *χoγulai*.

Сочетание $*igi$ и т. д. дало \bar{i} , напр., шигте 'сырой' = мо. *çigig* 'сырость' | сi 'сухой коровий помет' = мо. $*kigi$, ср. як. $k\bar{i}$.

Кроме сочетаний $*a\gamma u$ и т. п. стяжению подверглись также комплексы гласный + $*\beta$, напр., $*a\beta$, из которых названный обнаруживает то же развитие, что $*a\beta u$, $*a\gamma u$ и т. д., ср. аларск. $\bar{u} < *a\beta$ в таких примерах, как тула 'кролик' = мо. *taulai* $< *ta\beta lai$ 'заяц' | җаң 'самый старший сын' = мо. *auγan*.

Приведенными примерами исчерпываются, однако, лишь случаи закономерного развития. Наблюдается еще ряд случаев незаконного развития. Так, в некоторых случаях $*u\gamma a$ и $*a\gamma u$ дали \bar{o} , напр., жоргоң 'шесть' = мо. *jiγuγan*, ср. еще соһолхө 'обижать' = мо. *kisaγul-* (?).

Затем, **öge* дало \bar{u} в $\bar{u}\chi\bar{e}\eta$ 'жир' = мо. *ögekün* и $\chi\bar{u}\bar{r}\bar{g}\bar{e}$ 'мост' = мо. *kögerge* (но ср. $\chi\bar{o}\bar{r}\bar{g}\bar{e}$ 'кузнечный мех' = мо. *kögerge*; в говоре боханских бурят 'мех' — $\chi\bar{u}\bar{r}\bar{x}\bar{e}$).

Далее, мо. *eü* < **eβ* в $\chi\bar{o}\chi\bar{e}$ 'дитя' соответствует \bar{o} , ср. мо. *keüken*, халх. $\chi\bar{u}\bar{x}\bar{e}$.

Как сказано выше, письменно-монгольским сочетаниям гласный + заднеязычный слабый + гласный далеко не всегда соответствуют в живых говорах долгие гласные, и заднеязычный слабый в таких случаях сохраняется. В аларском говоре наблюдается, конечно, то же самое и более того, наблюдается сохранение *ɣ* и *g* даже там, где в других наречиях они исчезли, напр., $\eta\bar{u}\bar{r}\bar{g}\bar{a}\eta$ 'спина' = халх. $\eta\bar{u}\bar{r}\bar{u}$, мо. *niruḡun*, ср. дэрб. Астр. $\eta\bar{u}\bar{r}\bar{g}\bar{a}$ | $\chi\bar{u}\bar{r}\bar{a}\bar{g}\bar{a}\eta$ 'палец' = халх. $\chi\bar{u}\bar{r}\bar{u}$, мо. *ḡuruḡun*, ср. дэрб. Астр. $\chi\bar{u}\bar{r}\bar{g}\bar{a}$ | $\bar{b}\bar{o}\bar{b}\bar{o}\bar{l}$ 'раб' = халх. $\bar{b}\bar{o}\bar{l}$, мо. *boḡol* | $\bar{b}\bar{o}\bar{r}\bar{o}\bar{b}\bar{o}\eta$ 'дождь' (в эпическом языке) = халх. $\bar{b}\bar{o}\bar{r}\bar{o}$, мо. *borḡan* | $\bar{d}\bar{e}\bar{g}\bar{e}\bar{l}$ 'шуба' = халх. $\bar{d}\bar{e}\bar{l}$, мо. *degel* ~ *debel*, дэрб. Астр. $\bar{d}\bar{e}\bar{w}\bar{l}$ | $\bar{d}\bar{e}\bar{l}\bar{e}\bar{g}\bar{e}\eta$ ~ $\bar{d}\bar{e}\bar{l}\bar{u}\eta$ 'селезенка' = халх. $\bar{d}\bar{e}\bar{l}\bar{y}$, мо. *deligün*.

Развитие **g* > *j* вместо нуля и стяжения гласных наблюдается в $\chi\bar{e}\bar{j}\bar{e}\bar{r}$ 'гнедой' = халх. $\chi\bar{e}\bar{r}$, мо. *keger* (но ср. $\chi\bar{e}\bar{r}$ $\bar{g}\bar{a}\bar{z}\bar{a}\bar{r}$ = мо. *kegere* 'степь'), ср. мандж. *keyire* 'гнедой'.

В связи с явлением стяжения гласных стоит вопрос о чередовании *b* ~ *g* в монгольском языке, ср. *debel* ~ *degel* 'шуба' (восходят эти *b* ~ *g* к **β*). В аларском наблюдаются следующие формы с *b*, соответствующие письменно-монгольским с *g*: $\bar{g}\bar{o}\bar{b}\chi\bar{u}$ 'кукушка' = мо. *kögüke*, халх. $\chi\bar{o}\chi\bar{o}$ | $\bar{t}\bar{u}\bar{b}\bar{e}\bar{x}\bar{e}$ 'раздавать' = мо. *tüge-*.

Наконец, письменному *kümün* 'человек' наряду с $\chi\bar{u}\eta$ соответствует $\chi\bar{u}\bar{m}\bar{u}\bar{k}$. Наряду с такими формами, несомненно, более архаичными, чем соответствующие формы других наречий, наблюдаются, однако, случаи стяжения там, где оно в других наречиях не наблюдается, напр., $\bar{m}\bar{a}\bar{l}\bar{a}$ ~ $\bar{m}\bar{a}\bar{x}\bar{a}$ 'лоб' = халх. $\bar{m}\bar{a}\bar{g}\bar{n}\bar{a}$, мо. *manglai*.¹

§ 43. Переходим теперь к долгим гласным дифтонгического происхождения.

Письменно-монгольские дифтонги, если не во всех случаях, то во многих, восходят к сочетаниям гласный + **ɣ* (**g*, **β*) + **i*, напр., мо. *ayil* < **aḡil* 'сосед, селение, юрта' = осм. *aḡil* 'загон для овец', кир. аул 'аул' | мо. *ḡayirḡa*; < **qaβirḡa*; 'ларец' = джаг. *qorirḡiq* 'ящичек'.

Этим дифтонгам в живых монгольских наречиях соответствуют — в одних дифтонги же, в других, как напр., в ойратских говорах, долгие гласные, ср. дэрб. Астр. $\bar{g}\bar{a}\bar{x}\bar{a}$ 'свинья', торг. Астр.² $\bar{g}\bar{a}\bar{x}\bar{a}$ id. = мо. *ḡaxai*. Что касается аларского говора, как вообще и ряда других западно-бурятских, по крайней мере, говоров, то там дифтонги развились в долгие

¹ Ср. Мат., стр. 196.

² Говор Астраханских торгутов.

гласные, притом всегда в долгие гласные переднего ряда, каковой переход дифтонгов с задним гласным в качестве первого компонента в передний ряд обусловлен влиянием *i. При этом можно заметить, что в ряде случаев второй компонент старого дифтонга i сохранился в качестве сильно редуцированного, слабого гласного качества i, который я передаю знаком ⁱ. Таким образом, на месте дифтонга *ayi* в известных случаях и даже в большинстве случаев появился ⁱā, т. е. долгий ā с очень слабым i в своем исходе. Можно даже установить правила, когда дифтонг дал простой долгий гласный и когда этот долгий гласный имеет в своем исходе этот слабый, на слух едва различимый i: в словах односложных преимущественно наблюдается простой долгий гласный, напр., āl 'сосед', но в двух- и многосложных словах на месте ā слышится уже ⁱā, напр., ⁱāldā 'соседу'.

Дифтонг *ayi* (в конце слова *ai*) > в аларск. ā ~ ⁱā, напр., dāṅ 'враг, война' = мо. *dayin* | hāṅ 'хороший' = мо. *sayin* | hāḥāṅ 'прекрасный, хорошенький' = мо. *sayiḥan* | āja 'боясь' = мо. *ayiju* | dalā ~ dalāⁱ 'море' = мо. *dalai*.

Развитие *-ai > ^ai наблюдается в лубсагалд^ai < *lubsaḡaldai* (имя одного мангуса).

Дифтонг *oyi* (oi) дал ^o ~ ^oi, напр., ^o 'лес' = мо. *oi* | ^oi moḥo 'плавать' = мо. *oyimu-* | hōr 'глухарь' = мо. *soyir* | opō ~ opōⁱ 'макушка' = мо. *oroi* < **orai*.

Дифтонг *uyi* дал в ударенном слоге ^y ~ ^yi, в неударенных слогах ^yi, т. е. i со скользящим гласным типа у перед ним, напр., ^ylaxā 'плакать' = мо. *uyila-* | ^yhāṅ 'береста' = мо. *uyisu* | хамс^yi 'рукав' = мо. *ḡanṣui*.

Дифтонг *eyi* (ei) дал в ударенном слоге i, в неударенном ^e, напр., tīme 'такой' = мо. *teyimü* | imē 'этакий' = мо. *eyimü* | cīdēḥe 'развеваться' = мо. *keyis-* | ērbēḥeⁱ 'бабочка' = мо. *erbekei* | hūḡeⁱ 'пятка' = мо. *ösügei*.

Дифтонг *üi* дал в ударенном слоге ^y ~ ^yi, в неударенном ^yi, почти совпав с *ui*, напр., hūṅtē 'сосватанная' = мо. *süütü* | зұл 'род, сорт' = мо. *jüül* | түмёр 'лесной пожар' = мо. *tüimer* 'пожар' | түд^yi 'столько' = мо. *tedüi*.

Наблюдаются и некоторые отступления от общего правила. Так напр., *uyi* дало ^y в *ḡurāṃšā* 'нищий' = мо. *ḡuyirinci*, а *üi* дало i в *hixé* 'серьга' = мо. *süikü*. Отступления эти, однако, лишь кажущиеся, ибо *hixé* является несомненно ойратским заимствованием, ср. дэрб. Астр. *sik* 'серьга'. Что же касается *ḡurāṃšā*, то для него можно сконструировать более древнюю форму **ḡuyirinci* ~ **ḡuyirinci* > мо. *ḡuyirinci*. Чередование **uyi* ~ **uyi* > *uyi* в монгольском хорошо известно.¹

Далее, дифтонг *ai* суффикса *-tai* comitativi и прилагательных, выражающих принадлежность, дал последовательно ^e ~ ^e, изредка ā. Это разви-

¹ Сравнительная грамматика, стр. 275.

тие, повидному, обусловлено действием аналогии со стороны форм с вокализмом переднего ряда: как *gertei* 'имеющий дом' дало *гертэ*¹, так *moritai* 'имеющий коня' дало *мортэ*, но *aχatai* 'имеющий старшего брата' дало *ахатэ*. Наконец, форма *oγtorγo* 'небо' восходит, как видно, не к **oγtarγui*, а к **oγtarγu*. К последнему ср. еще мо. *malaγa* ~ *malaγai* 'шапка' и т. п.

§ 44. Остается рассмотреть долгие гласные, восходящие к нормальным. В большинстве современных монгольских наречий гласные односложных слов стремятся к тому, чтобы стать долгими, что объясняется безусловно тем, что действие экспираторного удара в односложных словах не ослабляется наличием следующих слогов. Так напр., письменным *bi* 'я', *či* 'ты', *üsün* 'молоко' и т. д. в халхаском соответствуют *би*, *чи*, *су* (точнее с полудолгими гласными) и т. д. В аларском говоре наблюдается то же самое явление, напр., *нид-* 'летать' = мо. *nis-*. Далее, в русских заимствованиях на место ударенного гласного подставляется долгий, напр., *милэ* 'мыло'.

Наблюдается долгота гласных также в многосложных словах в таких случаях, когда в других наречиях имеется краткий гласный, напр., *аргадаһаң* 'князь' = халх. *аргал*. дэрб. Астр. *арγсн*, мо. *arγal* | *хоргодоһоң* 'овечий помет' = халх. *хоргол*, мо. *χorγal* | *алут* 'мимо, через' = халх. *аллас*, мо. *aius* | *һуңгаха* 'растягивать' = халх. *суңга-*, мо. *suңγa-*.

§ 45. Исчезновение долготы наблюдается в ряде случаев, напр., урал 'губы' = мо. *uruγul* (ср. халх. *урул*, но дэрб. Астр. *урл*) | *едгехэ* 'выздороветь' = халх. *едегэ-*, мо. *edege-* | *хадалгаха* 'сохранять' = халх. *хадагала-*, мо. *χadaγala-* | *јоро* 'знамение' = мо. *iruua* < **iruβa* (ср. также халх. *јоро*).

К чередованию долготы и краткости ср. § 57.

СИНГАРМОНИЗМ И ГУБНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

§ 46. Уже из того, что сказано в §§ 27 и 33, видно, что в аларском говоре сингармонизм гласных наблюдается, и кажущимися исключениями являются только случаи слов с задним вокализмом с *ε* < **i* в положении после палатализованных согласных. О сингармонизме в монгольских наречиях в свое время кое-что писалось. Тем не менее, вопрос этот не принадлежит к уже окончательно решенным в прошлом. В частности, в свое время было высказано мнение, что в ряде живых монгольских наречий, никакого сингармонизма гласных нет.¹ Согласно формулировке Руднева, „гармония гласных, как она понимается учеными, ее установившими, не наблюдается в восточных говорах монгольского языка в виде стройно проведенной системы и потому применение этого термина к этим говорам

¹ Мат., стр. 228.

было бы ненаучно¹. Чтобы понять, каким образом такое утверждение могло быть высказано, обратимся к рассмотрению того явления, которое известно под названием гармонии гласных. Обычно закон гармонии гласных формулируют таким образом: в одном и том же слове могут встречаться либо гласные заднего ряда, либо гласные переднего ряда. За слогом с а не может следовать е, за слогом с е не может следовать а и т. Если понимать гармонию гласных так, как это сформулировано здесь, то придется признать, что за исключением очень немногих языков, где эта система проведена со всей стройностью, она в ряде языков, хотя бы в тех же монгольских наречиях, действительно, отсутствует, ибо, как известно, в монгольских наречиях в одном и том же слове могут наблюдаться гласные заднего ряда и переднего ряда. Но, спрашивается, какие гласные переднего ряда могут встречаться в слоге, следующем за слогом с задним гласным? При ближайшем рассмотрении этого оказывается, что из гласных переднего ряда за слогом с задним гласным могут следовать только долгие гласные, развившиеся из дифтонгов, а в аларском говоре, кроме того, $\bar{e} < *i$ с палатализацией предшествующего согласного в некоторых суффиксах.

Переходя к аларскому говору, мы можем заметить, что в слоге, следующем за слогом с задним гласным, могут следовать \bar{a} , \bar{o} , \bar{e} . Как выше уже было сказано, они восходят в этих случаях: \bar{a} и \bar{e} к $*ai$, \bar{o} к $*oi$. Далее, наблюдается обратное явление: за слогом с \bar{a} , \bar{o} или \bar{u} может следовать слог с задним кратким или долгим гласным. Таким образом выходит, что нарушение закона сингармонизма, если о таком нарушении вообще можно говорить, сводится лишь к случаям появления в слогах, следующих за слогом с задним гласным, долгих гласных переднего ряда и наоборот. И так как эти „нарушения“ составляют систему и отнюдь не приводят к анархическому, не подчиняющемуся никаким правилам, появлению любого гласного в слоге, следующем за слогом с любым гласным, это показывает лишь, что закон гармонии гласных существует и здесь, но только нуждается в иной, более соответствующей явлениям языка, формулировке. Как сказано, выше приведенная формулировка закона сингармонизма оказывается приемлемой только в отношении ограниченного числа языков, в частности, она не применима ни к языку Suomi (финскому), ни к языку манджурскому, ни к тунгусским, ни, наконец, к живым монгольским наречиям. Поэтому необходимо сделать попытку дать иную формулировку, более общую, которая не вступала бы в конфликт с явлениями этих языков. В качестве такой формулировки этого закона можно было бы предложить следующую: закон сингармонизма гласных есть закон, регулирующий вокализм слова.

¹ Положения к магистерской диссертации прив.-доц. А. Д. Рудиева „Материалы по говору Восточной Монголии“ (СПб., 1911), № 17.

Это регулирование может проявляться по разному. В качестве примера, придуманного здесь *ad hoc*, можно, напр., привести такой частный случай: допустим, что в каком-нибудь языке за *a* первого слога может следовать только *ö*. И если это наблюдается как правило во всех случаях и при всех обстоятельствах, то мы будем иметь один из случаев сингармонизма в нашем понимании: какое то правило регулирует вокализм слова даниого языка и, согласно этому правилу, за *a* должен следовать *ö*. Теперь в качестве конкретного примера, не изобретенного, но взятого из действительно существующего языка, можно указать на сингармонизм в одном тунгусском наречии: там для суффиксов с долгим *a*, которые с этим вокализмом наблюдаются при основах с вокализмом заднего ряда, эквивалентами при основах с передним вокализмом являются суффиксы с *ö*.¹ Чем это объясняется, вопрос для нас здесь лишний, но мы видим, что употребление суффиксов с *a* строго регулируется этим правилом: одни основы принимают суффикс с *a*, другие — суффикс с *ö*.

Формулировка — закон сингармонизма есть закон, регулирующий вокализм, в частности регулирующий употребление суффиксов с тем или иным вокализмом, оказывается более гибкой. Она вполне удовлетворяет нас, если мы обратимся и к аларскому говору и к другим монгольским наречиям.

Когда мы имеем дело в аларском говоре с такими формами, в которых гласные непервых слогов краткие, т. е. редуцированные, вокализм таких форм оказывается очень простым и не противоречащим даже старой формулировке закона сингармонизма. Но если обратиться к таким формам, в которых наблюдаются долгие гласные, то хотя они и представляются несколько более сложными, они все же подчиняются закону гармонии гласных, но только закону в вышепредложенной формулировке. Прежде всего, можно заметить, что долгие *e* и *i* могут следовать за слогом с любым гласным. Это своего рода нейтральные гласные. Далее, что касается остальных долгих гласных, то там наблюдается следующее: *ä* и *ö* трактуются, как задние гласные и поэтому они наблюдаются после тех же гласных предыдущего слога, что и *a* и *ö*. Последние наблюдаются — *a* после *a* (*a*), *y* (*y*) и, конечно, также после *ä*, что вполне естественно после сказанного только-что, а гласный *ö* наблюдается после *o* (*o*) и *ö*. Что касается *u*, то он наблюдается только после задних гласных и гласных, трактующихся, как задние. Гласные же *ü* и *ö* наблюдаются только после передних гласных. Гласный *ü* после себя может иметь задний гласный (*a*, *y*) или передний (*y*) в зависимости от того, какого он происхождения и восходит ли он к **uyi* или **yi*. Наконец, гласный *i* (*i*, *i*) первого слога

¹ Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Ленинград, 1927, стр. 13.

может иметь после себя в следующем слове, как задние, так и передние гласные, что естественно после того, как было сказано, что *i* является нейтральным гласным.

Из всего сказанного вытекает следующее: за задними гласными и гласными, трактуемыми как задние, т. е. *ā*, *ō*, следуют, кроме *ē* и *ī*, только долгие задние гласные; за гласными передними следуют только передние гласные. Исключение представляет собою *ū*, который в одних случаях может иметь за собою задний гласный, в других же передний, т. е. совершенно как *i* (*i*) или *ī*. Система оказывается, таким образом, вполне последовательно проведенной: одни гласные основы являются нейтральными (*i*, *ī*, *ū*); задние гласные и вполне определенные, трактуемые как задние, требуют после себя гласных этой же категории и, кроме того, *~ ē*; передние же гласные основы требуют после себя передних гласных. И раз удастся установить это правило, действующее всюду вполне последовательно, речи о том, что гармонии гласных в аларском говоре нет, не должно быть, ибо далеко не каждый гласный может следовать за слогом с гласным определенной категории.

§ 47. Выше шла речь о сингармонизме, под каковым понимался закон, регулирующий в слове отношения задних гласных к передним, безотносительно к гласным лабиализованным и нелабиализованным.

В связи с законом сингармонизма необходимо коснуться также явления губного притяжения. Последнее сводится к тому, что лабиализованные гласные первого слога могут оказывать влияние на гласные следующих слогов и лабиализовать их. Поскольку речь идет о кратких гласных первого слога, это разумеется само собою, ибо, как уже неоднократно говорилось, краткие гласные первого слога вообще стремятся ассимилироваться гласному первого слога, с известными, конечно, оговорками.

Гораздо важнее отношение к гласному первого слога долгих гласных первого слога. Здесь мы можем заметить, что лабиализующее влияние на долгий гласный следующих слогов оказывают только *o* (*ō*) и *ö* (*ö*) — первый требует после себя из долгих гласных *ō* или *ö*, а второй *ō*. При этом можно заметить, что из долгих гласных недифтонгического происхождения (т. е. появившихся в результате стяжения) *o* первого слога требует в следующем слове *o*, а из долгих гласных дифтонгического происхождения *ö*, напр., *orūt* < **oru;ad* 'войдя' и *orö* < **oroī* < **oraī* 'макушка'. Таким образом, оказывается, что долгий *ā* не может следовать за слогом с *o* (*ō*). Наоборот, не может следовать за *a* гласный *ō*. Что касается *u* (*ū*), то он на следующий долгий гласный не влияет, и за ним поэтому может следовать только *a*, но не *o*. Если *ū* оказывается в середине слова, в первом слове которого имеется *o* (*ō*), то он парализует, так сказать, действие этого гласного *o* на гласные дальнейших слогов, которые сохраняют свой *ā*, напр., *orū* 'войдя', но *orūlat* 'введя'. Все, что сказано об *o*, справедливо и в отношении

к \bar{e} (\bar{o}): за ним следует только \bar{o} из долгих гласных недифтонгического происхождения; но из долгих гласных дифтонгического происхождения за ним следует \bar{e} , а не лабиализованный. В этом нетрудно заметить некоторое нарушение этой системы. Если же между слогом с \bar{e} (\bar{o}) и слогом с долгим гласным имеется \bar{y} , то \bar{y} подобно \bar{y} , аннулирует влияние \bar{e} (\bar{o}) первого слога, напр., $\bar{t}\bar{e}\bar{r}\bar{o}\bar{t}$ 'родясь', но $\bar{t}\bar{e}\bar{r}\bar{u}\bar{l}\bar{e}\bar{t}$ 'породив'. Но необходимо еще раз напомнить, что долгий гласный дифтонгического происхождения со стороны \bar{e} (\bar{o}) влияния не испытывает.

Таким образом, можно установить в отношении долгих гласных, получившихся из стяжения, следующего рода зависимость от гласного предыдущего слога:

Гласные первого слога	Долгие гласные следующих слогов
а (а)	\bar{a}
о (о)	\bar{o}
е (\bar{e}), \acute{e}	\bar{e}
\bar{e} (\bar{o})	\bar{o}

Что касается \bar{y} , то, как сказано, он наблюдается и после а (а) и после о (о), но после него и у (краткого) наблюдается только \bar{a} . Совершенно так же дело обстоит в отношении \bar{y} : он наблюдается и после е и после \bar{e} , но после \acute{y} (\bar{y}) не может встречаться \bar{o} , и может встретиться только \bar{e} . Наконец, в отношении гласного \bar{a} дифтонгического происхождения можно заметить, что он трактуется совсем как \bar{a} , т. е. после себя не может иметь \bar{o} , и сам не может встречаться после о (о). Поэтому после о вместо \bar{a} наблюдается только \bar{o} . Гласный же \bar{e} дифтонгического происхождения наблюдается после любого гласного предыдущего слога, напр., $\bar{x}\bar{o}\bar{x}\bar{e}$ (~ $\bar{x}\bar{o}\bar{x}\bar{e}$) 'дитя', $\bar{e}\bar{r}\bar{g}\bar{o}\bar{r}\bar{t}\bar{e}$ 'имеющий ставку' и т. д.

Таковы общие правила, но имеются и отступления от них. С одним из таких отступлений — с \bar{e} дифтонгического происхождения — мы уже познакомились. К сказанному о нем можно прибавить, что отступления эти наблюдаются исключительно в некоторых суффиксах, в случаях, когда мы имеем дело с морфологизованными фонемами. Так напр., уже выше (в § 43) было указано, что дифтонг ai в суффиксе *comitativi* *-*tai* дал \bar{e} , и с этим \bar{e} он присоединяется к основам с любыми гласными. Далее, можно указать, что гласным суффикса *praesentis perfecti* является \bar{a} , даже в случаях, когда гласным первого слога глагольной основы является о, напр., $\bar{o}\bar{r}\bar{l}\bar{a}$ 'вошел, уже вошел' и т. д.

Теперь, после всего сказанного, можно дать полную таблицу гласных первого слога с указанием, какие гласные могут наблюдаться в следующих слогах. В зависимости от того, как гласные первого слога трактуются в связи с сингармонизмом, они разделяются на трактующиеся как задние на нейтральные и трактующиеся как передние.

Гласные первого слога	Гласные следующих слогов			
	Краткие	Долгие		
		Получившиеся в результате стяжения	Дифтонгического происхождения	
Трактующиеся как задние	а (ā, a, ā), у (ū), ä	а	ā, ū	ā, ε, ē
	о (ó, o, ó), ö	о	о, ū	ö, ¹ ē
Нейтральные	і (i, i), ū	ä или ē, ē ²	а, у, ē, ū	ā, ē
Трактующиеся как передние	е (ē), é, ē, ū (ū), ū	ē или ē ²	ē, ū	е
	ё, (i)	е, ² е ³	ó, ū	е

¹ Когда при а первого слога и т. д. ā, тогда при о и т. д. первого слога ö.
² При і или палатализованных согласных.
³ При остальных.

Примеры: дара 'давил', дарулат 'заставив давить', дала (~дала 'море', ахатэ 'имеющий старшего брата', болот 'став', орулат 'заставив войти', орö (~орö') 'макушка', мортэ 'имеющий коня', мінағар 'плетью', шіхаң 'чирей', шіхар 'чирьем', ұлат (~ұлат) 'плакав', зүлер (~зүлер 'сортами', жілтэ 'имеющий год', ендёһе 'отсюда', һејэ 'войлок', хурэ 'прибыв', бөһең 'вошь', бөлө 'шаманил', бөлүлет 'заставив шаманить', бөлтэ 'с шаманом' и т. д.

§ 48. После сказанного в § 47 является понятным, почему например формы *χongsiyar* < **χoŋsiyar* 'рыло', *doluγan* 'семь', *törüged* 'родившийся' и т. д. дали хоншор, долоң, төрөт: повидимому долгий ā, получившийся в результате стяжения в форме **doluγan* > **dolan* и т. п., подвергся влиянию со стороны о первого слога, в результате чего **dolan* дало долоң. Так же обстоит дело и с **üge* > **e* > (i) в словах с ё < **ö* первого слога.

§ 49. В связи с зависимостью долгих гласных, происшедших в результате стяжения, от гласных первого слога, необходимо еще раз вернуться к вопросу об ё̄ и ү̄.

Как уже сказано в § 35, гласные ё̄ и ү̄ прежними исследователями бурятских говоров, кроме, впрочем, Кастрена, различались довольно плохо. Но, что ё̄ и ү̄ существуют в качестве закономерных заместителей *ȫ и *ǖ не только в аларском говоре, но и других бурятских говорах, можно заключить из того, что основы, соответствующие аларским основам с ё̄ и в других говорах образуют формы *instrumentalis* с -᠋ᠣᠷ и *converbi perfecti* с -᠋ᠣᠲ, в то время, как основы, соответствующие аларским основам с ү̄, там образуют формы с -᠋ᠡᠷ и с -᠋ᠡᠲ. Получается та же картина, что в халхаском: ᠋ᠣᠯᠣᠲ 'проголодавшись', х᠋ᠣᠯᠣᠷ 'ногой', но х᠋ᠦᠷᠡᠲ 'достигнув', үнд᠋ᠦᠰᠡᠷ 'корнем'.¹

Возьмем наугад некоторые из основ с ё̄, указанных в § 35, и посмотрим, каковы будут от них формы *instrumentalis* и *converbi perfecti*: ё̄тлᠡ- 'состариться' — ё̄тлᠣᠲ 'состарившись' | мᠡᠷᠭᠡ- 'кланяться' — мᠡᠷᠭᠣᠲ 'поклонившись' | мᠡᠨᠳᠡᠷ 'град' — мᠡᠨᠳᠡᠷᠣᠷ 'градом' | ө̄нᠰᠡᠬ 'спинка ножа' — ө̄нᠰᠡᠬᠣᠷ 'спинкою ножа' и т. д.

С другой стороны, основы с ү̄ первого слога образуют эти формы с -᠋ᠡᠷ, -᠋ᠡᠲ, напр., үнᠡᠷ 'запах' — үнᠡᠷᠡᠷ 'запахом' | хᠡᠨᠭᠡᠨ 'дешевый' — хᠡᠨᠭᠡᠨᠡᠷ 'дешево' | үндᠡᠭᠡᠨ 'яйцо' — үндᠡᠭᠡᠷ 'яйцом' | хᠡᠷᠡ- 'достигнуть' — хᠡᠷᠡᠲ 'достигнув' и т. д.

Отсюда видно, что основы с ё̄ первого слога требуют дальше суффиксов с ᠋ᠣ, а основы с ү̄ требуют дальше е̄.

В исследовании хоринского говора Руднева, как было сказано выше, ё̄ и ү̄ почти не различаются. Неудивительно поэтому, что в записях текстов его мы встречаем следующие написания:² гᠡᠷᠣᠬᠢᠵᠢ (4),³ үдᠡᠷᠣᠷ (63), үмхᠣᠲ (308), мᠡᠨᠣ (423), тᠡᠷᠬᠣᠷ (437), хᠡᠷᠣᠲ (536) и т. д.

Как показывает последовательность появления в этих формах ᠋ᠣ, а также аларский говор, в котором этим основам соответствуют основы с ё̄, здесь ү̄ первого слога вероятно не что иное, как результат неточной записи: в действительности и в хоринском здесь, вероятно, всюду ё̄, а не ү̄.

В заключение укажу, что по сообщению Г. Д. Санжеева, в унгинском говоре лабиализующее влияние на долгий гласный во многих случаях оказывает и ү̄ первого слога, напр., үзᠣᠰᠡ 'смотрящий' (аларск. үзᠡᠰᠡ), үдᠣᠷᠣ 'своей дверью' (аларск. үдᠡᠷᠡ), но это явление, повидимому, нового происхождения. Оно характерно, как будто, не только для унгинского

¹ Cp. G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkhamongolischen. MSFOu XIX, Helsingfors, 1903, S. 6. (Дальше цитируется как ККМ); Сравнительная грамматика, стр. 194.

² Цитируется Вып. 2. Тексты. С. Петербург, 1913. Былина Лодᠣ-мерᠭᠡᠨ (стр. 1 и сл.). Цифры обозначают строки.

³ Вместо ᠋ᠣ в оригинале всюду ᠋ᠣ.

говора, но отчасти и для агинского, ср. там $\bar{y}\bar{z}\bar{o}\bar{p}$ 'я видел'. Обратное явление, т. е. неоказание влияния со стороны * \bar{o} первого слога на долгий гласный следующего слога, наблюдается в бур. НУ, ср. $\bar{t}\bar{o}\bar{r}\bar{e}$ 'заблудился и т. д.¹

§ 50. В связи с законом сингармонизма находится и вопрос о переходе слов из одного ряда в другой.

Как известно, в монгольском языке существует ряд парных основ с вокализмом переднего и заднего ряда, напр., $\gamma\bar{a}t\bar{u}l-$ 'переправляться', $g\bar{e}t\bar{u}l-$ id. и т. д. В аларском говоре наблюдаются следующие случаи соответствия основ с задними гласными основам с передними письменного языка: $\bar{y}r$ 'заря' = мо. $\bar{u}r$, $\bar{y}r\bar{g}\bar{a}$ 'гнездо' = мо. $eg\bar{u}r$ + суфф. - gei . Возможно, впрочем, что $\bar{y}r\bar{g}\bar{a}$ следует сближать не с $eg\bar{u}r$, но с $a\gamma\bar{u}r\gamma\bar{a}$ 'яма'.

В от \bar{o} баба \bar{i} 'дедушка' = мо. $\bar{o}t\bar{e}g\bar{u}$ 'старый' переход * \bar{o} > о объясняется, конечно, влиянием заднего вокализма слова баба \bar{i} (ср. $\bar{e}t\bar{l}\bar{e}$ 'состариться'), но ср. $\bar{t}\bar{o}d\bar{e}$ < * $\bar{e}t\bar{o}d\bar{e}$ 'бабка'.

Обратное явление — переход заднего гласного в передний под влиянием переднего вокализма слова, к которому предыдущее слово относится наблюдается в с $\bar{e}g\bar{t}\bar{e}$ с $\bar{e}m\bar{b}\bar{e}r$ 'лучезарный Сумеру' = мо. $\bar{c}\bar{o}\gamma\bar{t}u$ $\bar{s}\bar{u}m\bar{b}\bar{e}r$ и в $\bar{j}\bar{i}b\bar{u}\bar{c}$ 'нашивки из мелких раковин' = мо. $\bar{i}b\bar{a}\gamma\bar{u}$ 'раковина'.

СКОЛЬЗЯЩИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 51. Кроме долгих, кратких первого слога и редуцированных (кратких непервого слога) необходимо еще различать в высшей степени редуцированные гласные, которые в положении перед другим гласным служат связующим звеном между ним и согласным, напр., $r^{\bar{a}}i$: здесь r соединяется не непосредственно с i , но между ними появляется еще в высшей степени редуцированный гласный типа a , своего рода форшлаг. Ср. хар $\bar{a}i\bar{c}$ 'черного', $\bar{u}l^{\bar{a}}i\bar{c}$ 'горы' и т. д. Эти гласные мы называем скользкими (Gleitlaute). Их необходимо отличать в транскрипции, так как согласные могут соединяться со следующими гласными непосредственно, напр., $\bar{j}ab\bar{c}ad\bar{i}n$ (ср. § 23). Такие скользкие гласные наблюдаются перед i , служат мостом между ним и согласным. По примеру того, как мы пользовались для обозначения кратких гласных непервого слога знаками \bar{a} и \bar{o} для задних и \bar{e} (\bar{e}) для передних (ср. § 33), мы условимся соответствующие скользкие передавать знаками \bar{a}° \bar{o}° \bar{e}° . Практически нам придется иметь дело, однако, почти только с \bar{a}° \bar{o}° \bar{e}° , а также с \bar{y}° \bar{y}° . Последний звук, как известно, в ряду кратких гласных непервого слога уже отсутствовал.

Что касается происхождения скользких гласных, то в роли таковых выступают конечные гласные основы при наращении суффиксов с i , напр.,

¹ Санжеев, бур. НУ, стр. 4.

хар^а 'черный' — хар^аиң 'черного'. Кроме того и специально в ^у у развился первый компонент дифтонгов *ui* и *ii* в непервых слогах (ср. § 43).

Знаками ^а и т. д. в настоящей работе передаются также сверхкраткие, свехредуцированные гласные, напр., хар^а јамаң 'черная коза', которое звучит почти как хар јамаң. Наконец, редуцированный гласный может вовсе исчезнуть и тогда функция сонанта переходит к согласному. Практически наблюдаются в аларском говоре в качестве слогаобразующего только л и р, которые в этой функции передаются знаками л и р, напр., јабад^л 'отправившись' = мо. *yabuγad ele* | н^аи^аман-др < н^аи^амаң өдөр 'восемь дней' = мо. *naiman edür*.

УДАРЕНИЕ И КОЛИЧЕСТВО

§ 52. В отношении ударения аларский говор, по сравнению с хоринским говором, ничего нового не дает. Тем не менее, ввиду того, что по вопросу об ударении в бурятских говорах вообще существует несколько мнений, считаю необходимым осветить его еще раз.

Историю вопроса я считаю возможным здесь обойти молчанием, так как прежние мнения об ударении в бурятских говорах приводятся Рудневым.¹ Что касается последнего высказанного в литературе мнения об ударении в бурятских говорах, то таковым является указание Руднева на то, что ударение в хоринском поκειται на первом слоге слова.² И после того, что было в свое время сказано о монгольском ударении вообще и халхаском в частности Рамstedтом³ и затем о хоринском Рудневым, вопрос о том, что ударение в этих наречиях всегда поκειται на первом слоге, можно считать уже исчерпанным, и факт этот твердо установленным. Между тем, особый характер взаимоотношения гласных ударенного и неударенных слогов в слове вызывает часто споры о том, действительно ли ударение в бурятских говорах на первом слоге. В частности, в беседах с Б. Б. Барадиным и другими учеными и представителями интеллигенции из среды бурят, я вынес впечатление, что мнение о том, что ударение в бурятском поκειται на первом слоге, разделяется не всеми.

Чтобы выяснить в чем здесь дело, считаю необходимым в дальнейшем подробнее коснуться вопроса о бурятском ударении.

§ 53. Прежде всего, какого типа ударение в монгольском языке в целом? Как в отношении халхаского наречия,⁴ так и хоринского говора⁵ установлено, что ударение там экспираторное. Само собою разумеется, что экспираторным оно является и в аларском говоре.

¹ ХБГ, § 76 и сл.

² ХБГ, § 80.

³ SU, § 59.

⁴ SU, § 59.

⁵ ХБГ, § 80.

В халхаском наречии сила экспираторного ударения особенно сильная. Различие между силой экспирации ударенного слога и неударенного там так велико, что слог без ударения часто исчезает вовсе.¹ К этому можно прибавить, что в ойратских говорах неударенные слоги исчезли всюду совершенно и функции сонантов там приняли на себя многие согласные, ставшие слогообразующими.

Ударение в монгольских наречиях не совпадает с долгой гласной: долгим может быть и сплошь да рядом и бывает гласный неударенного слога. Такое ударение, не удлиняющее гласного, русскому языку не свойственно, вследствие чего русские, говорящие по монгольски, не всегда могут произнести первый слог с ударением, если он краток. В чем же проявляется тогда ударение в монгольском языке и в бурятских говорах в частности? Сила экспирации обуславливает ясность гласного ударенного слога, отнюдь не вызывая повышения в музыкальном смысле, не удлиняя гласного, но отчетливо усиливая произношение гласного ударенного слога. Эта ясность, отчетливость, это усиление звука экспираторным путем и является здесь ударением.²

Если сравнить силу экспирации в халхаском и в бурятских говорах, то бросается в глаза, что в бурятских говорах она значительно слабее. Вот что говорит по поводу ударенных и неударенных слогов в бурятском Руднев: „quantum дыхания, приходящийся на каждое данное слово, дающий ясный первый гласный (экспираторным путем, абсолютно не повышая и не понижая голоса в музыкальном смысле), распределяется затем довольно равномерно на весь остальной состав слова (на его согласные), причем исчезновение (синкоп) или стремление к исчезновению последнего гласного, за которым следует заключительный согласный, дает в бур. Хор. (а также и бур. Аг.) род согласного „дифтонга“, ведущего к появлению и слогообразующих согласных (что мы уже наблюдали у калмыков) В силу этого получается, я бы сказал, равновесие всего слова: напр., бурхаң ~ бурхэң (~ бурхн). Слово распадается на два слога, произносимые, так сказать, на одном уровне голоса“.³

Благодаря тому, что в бурятских говорах экспирация, с одной стороны, не повышает голоса и не понижает его и не удлиняет гласного, а с другой стороны, сила ее является вообще значительно меньшей, чем в халхаском наречии, при сравнении гласного ударенного слога в халхаском с таковым в бурятском, создается впечатление, что все слоги много-сложного слова совершенно равноценны друг другу и ни один из них не имеет преимуществ перед остальными в отношении силы гласного. Создается впечатление, что напр., в трехсложном или другом каком-нибудь

¹ СУ, I, с.

² ХБГ, § 78.

³ ХБГ, § 80.

слове нет ударения вовсе. И такое впечатление создается не только у лиц, вообще мало занимавшихся вопросами ударения в разных языках, но и у специалистов-фонетиков. Так напр., когда Г. Д. Санжеев, приглашенный мною к Л. В. Щербе с тем, чтобы Л. В. Щерба сообщил свое компетентное мнение об ударении в аларском говоре, произнес слово анзаһаң, Л. В. Щерба заметил, что, если угодно, ни один слог этого слова не является ударенным, ибо в отношении силы гласные всех трех слогов в этом слове являются совершенно уравновешенными.¹ Объясняется это, безусловно, тем особым свойством бурятского ударения, не повышающего и не понижающего голоса, но делающего лишь гласный ударенного слога более ясным и отчетливым. Поэтому в слове анзаһаң имеем отчетливый гласный а первого слога и не отчетливо произносимые гласные а второго и третьего слогов. За исключением отчетливости и неотчетливости, они почти ничем не отличаются друг от друга.

Ничего общего с экспираторным ударением не имеет повышение музыкального тона, которое, как правило, наблюдается как раз на последних слогах слова.

Все вышесказанное, безусловно, приобрело бы значительно большую убедительность, если бы были опубликованы экспериментально-фонетические данные. Поскольку я лично экспериментально-фонетическим исследованием данного говора не занимался, я избегаю вдаваться в подробности этого, но укажу лишь, что в результате практических работ Г. Д. Санжеева под руководством ассистентов Л. В. Щербы в кабинете экспериментальной фонетики при Ленинградском Университете выяснилось, что гласный первого слога в аларском является всегда более сильным. Эти данные экспериментального исследования были мною, конечно, приняты во внимание. Так как ударение постоянное, то оно мною не обозначается. В качестве знака ударения можно было бы применить знак : для главного и знак ^ для побочного ударения.

§ 54. В тесной связи с предыдущим стоит вопрос о количественной стороне гласного. В монгольском языке во всех его наречиях ударение на количество гласного не влияет: ударенный гласный не является долгим, за исключением, конечно, случаев, когда долгий гласный оказывается в первом слоге. Другими словами, долгота и ударение не совпадают: ударенным является гласный первого слога, а долгим может быть гласный любого слога.

В аларском говоре приходится различать, как уже сказано, долгие гласные и краткие (в неударенных слогах последние являются редуцированными). Но долготу в аларском говоре необходимо различать двух

¹ По вопросу об ударении мне вообще приходилось за разъяснением некоторых частных особенностей обращаться к Л. В. Щербе. За полученные от него указания приношу ему свою искреннюю благодарность.

родов: нормальнодолгие и, так сказать, менее долгие гласные. Долгие гласные здесь обозначаются знаком \wedge , напр., \hat{a} , а менее долгие — знаком $\bar{\quad}$, напр., \bar{a} . Гласные нормальнодолгие мы можем условно назвать сверхдолгими, а менее долгие просто долгими, подчеркивая этим самым, что первые по отношению ко вторым являются более долгими, т. е. сверхдолгими.

Что касается теперь долготы и сверхдолготы, то по поводу этого можно заметить следующее. Прежде всего, что такое долгота? И как определяем мы на слух, что такой то гласный в данном слове долгий, а такой то краткий? Существует ли долгота, как нечто абсолютное, или это нечто относительное? Конечно, когда мы на слух определяем, что такой то гласный в данном слове долгий, а такой то краткий, мы устанавливаем это различие в количестве на основании сопоставления одного гласного с другим. Так напр., в слове $ор\bar{u}л\hat{x}а$ мы находим, что $у$ является более долгим, чем редуцированный $а$, следующий дальше и более долгим, чем даже $о$ ударенного слога. Теоретически можно допустить существование такого языка, в котором количественное различие гласных совершенно отсутствует. Так напр., возможно, что в этом языке все гласные будут в отношении своей количественной стороны совпадать с $о$ в слове $ор\bar{u}л\hat{x}а$. Возможно и обратное, что все гласные будут там такими же долгими, как $у$ в $ор\bar{u}л\hat{x}а$. Можно ли говорить о долготе или краткости гласных в данном языке? Можно, конечно, если иметь в виду описательное фонетическое исследование этого языка, можно и должно точно также, как необходимо дать описание качества гласных этого языка. Но практически, поскольку понятие долгих гласных в противоположность кратким там будет отсутствовать, обозначение долгот там не будет иметь никакого значения. Чем писать там каждый раз \bar{a} , \bar{o} и т. д., можно просто писать a , o и т. д., условившись раз навсегда, что все эти гласные по природе своей долгие, если удастся установить, по сравнению с гласными других языков, что они действительно являются таковыми. Долгота, конечно, понятие относительное. Долгим мы называем такой гласный, который по сравнению с другими кажется нам более долгим.

Эта долгота может быть разного характера. Гласные в том или ином языке могут быть нормально долгими, как напр., \bar{u} в $ор\bar{u}л\hat{x}у$, но могут быть дольше гласных всех известных нам языков. Поэтому, если в одном и том же языке долгота во всех случаях одинаковая, если не гласных, более долгих, чем обычные долгие, которые в свою очередь являются противоположностью кратким, то точное определение характера долготы практически будет излишним. В аларском же говоре приходится различать долготу и сверхдолготу. Долгими гласными в аларском говоре мы назовем такие, которые являются более долгими, чем краткие, напр. $\bar{a}б\bar{a}т$, где \bar{a} дольше, чем a первого слога. Сверхдолгими же мы назовем

такие гласные, которые ясно отличаются от других долгих гласных того же слова своей еще большей долготой. Примером этого является \bar{u} в $ор\bar{u}л\bar{a}т$, являющийся более долгим, чем \bar{a} . Правильнее будет поэтому писать $ор\bar{u}л\bar{a}т$.

§ 55. Различение долгих и сверхдолгих гласных необходимо в двух- и многосложных словах, в которых могут встретиться два или несколько долгих гласных. Что касается односложных слов, то в них сверхдолгие гласные не наблюдаются, ср. $б\bar{o}$ 'шаман', $т\bar{o}$ 'пядь', $h\bar{u}$ 'сиди!', \bar{u} 'пей!' и т. д. Но стоит только односложному слову стать двухсложным (напр., если наращается суффикс), как долгота гласного первого слога становится ясно воспринимаемой на слух сверхдолготой. Долгие гласные ударенного слога двухсложной основы всегда являются сверхдолгими. Повидимому, это объясняется тем, что на гласный первого слога приходится весь максимум энергии: помимо силы экспирации, экспираторного удара, благодаря которому даже краткий гласный становится „более ясно произносимым“, здесь действует еще природная долгота его. Таким образом, „равновесие“ гласных ударенного и неударенного слога, о котором приходилось говорить выше, в таких случаях явно нарушается. Долготу гласного первого слога мы будем поэтому передавать знаком сверхдолготы, напр., $h\bar{u}n\bar{a}$ 'сидит' (но $h\bar{u}$ 'сиди!'), $u\bar{n}a$ 'пьет' (но \bar{u} 'пей!'), $\bar{a}x\bar{a}$ 'бояться' (но \bar{a} 'бойся!'), $da\bar{g}\bar{a}n$ 'жеребенок по второму году', $o\bar{h}\bar{o}r$ 'бичевка' $б\bar{o}л\bar{e}$ 'шамань!' (но $б\bar{o}$ 'шаман'), $sa\bar{r}h\bar{a}n$ 'бумага' и т. д.

То же самое наблюдается и в трехсложных основах, напр., $sa\bar{r}h\bar{a}n\bar{d}\bar{a}$ 'бумаге', $su\bar{r}h\bar{a}n\bar{e}$ 'гниды' (genit.), $ur\bar{l}\bar{a}x\bar{a}$ 'гневаться' и т. д.

Если в двух- или многосложном слове имеется два долгих гласных, то ударенный гласный опять-таки является сверхдолгим, а неударенный менее долгим, напр., $б\bar{o}л\bar{u}л$ 'заставь шаманить!', $ur\bar{l}\bar{a}$ 'гневался', $ur\bar{a}$ 'свой гнев' (acc.), $\bar{a}i\bar{g}\bar{a}$ 'боялся' и т. д.

Что касается долгого неударенного гласного двухсложного слова с кратким гласным ударенного слога, то я затрудняюсь определить на слух, является ли он долгим или сверхдолгим, ибо сверхдолгота есть нечто относительное, что может быть установлено лишь путем сопоставления. Другое дело односложные слова $x\bar{a}n$ 'хан' и т. д., для которых всегда можно подобрать производные (ср. $x\bar{a}n\bar{d}\bar{a}$ 'хану', $x\bar{a}n\bar{d}\bar{a}$), в которых довольно ясно выступает более долгий характер ударенного гласного, в чем нетрудно убедиться, если заставить, напр., склонять или спрягать то или иное односложное слово. Возможно, конечно, что в $ор\bar{u}л$ 'введи!' \bar{u} является сверхдолгим по отношению к \bar{u} 'пей!', но я в таких случаях ставлю только знак долготы. Поэтому я пишу $ор\bar{u}л$ 'введи!', $омр\bar{u}$ 'нижняя часть грудной кости', $тарм\bar{u}р$ 'грабли'. Картина эта резко меняется, если за долгим гласным неударенного слога следует еще слог, т. е. когда двухсложное слово становится трехсложным: в таких случаях гласный второго слога резко удлиняется, и получается сверхдолгий, напр., $ор\bar{u}л\bar{x}\bar{a}$, $ор\bar{u}л\bar{a}т$. Подобно

тому, как долгота гласного односложного слова становится сверхдолготой, когда односложное слово становится двухсложным, точно так же долгий гласный неударенного слога становится сверхдолгим, когда за ним следует еще слог.

Что касается трех- и многосложных слов, то мы видели уже, что долгий гласный неударенного слога трехсложного слова при условии, что за ним следует еще слог, стремится стать сверхдолгим, напр., ору́лх̄а. Это справедливо не только в отношении к таким трехсложным словам, гласный ударенного слога которых является кратким, но также в отношении таких трехсложных слов, ударенный слог которых долог, напр., уде́ре 'своей дверью'.

Оставляя эти случаи, т. е. трехсложные слова, в стороне, обратимся снова к двухсложным. Все, что будет дальше сказано, будет относиться только к двухсложным словам.

Если мы долгий гласный первого слога обозначим знаком a^1 , а гласный следующего слога знаком b , с другой же стороны долгий гласный второго слога слова с кратким гласным первого слога знаком a^2 и гласный следующего за ним слога знаком c , то получим следующего рода пропорцию $a^1 : b = a^2 : c$. Как a^1 , так и a^2 в таких случаях будут сверхдолгими, ср. х̄аң — х̄аңда, ору́л — ору́лх̄а.

Мы видим, что гласный стремится стать сверхдолгим, когда за ним следует еще слог.

Долгий гласный второго слога двухсложного слова с долгим гласным в первом слоге является настолько менее сильным, что вместо д̄ара 'мерз' — если бы мы отказались от различения долгот и сверхдолгот и все долготы обозначали бы одним только знаком, напр., ā и т. д., — можно было бы писать д̄ара.

Из всего вышесказанного следует, что долгие гласные ударенного слога двухсложных слов являются всегда сверхдолгими.

Что же касается трехсложных слов, то там гласный второго слога может быть долгим при всех обстоятельствах: в случаях, когда гласные первого и третьего слогов являются долгими или краткими. Если гласный первого слога такого слова является долгим, а остальные краткими, то долгота его — всегда сверхдолгота.

Если мы теперь условимся обозначить знаком \checkmark краткий гласный, а знаком $\bar{\quad}$ и \wedge долгий и сверхдолгий и поставим у каждого из них цифру, указывающую на слог, то получим следующего рода схему:

односложные слова: —

двухсложные слова: $\wedge^1 \checkmark^2$
 $\wedge^1 -2$
 $\checkmark^1 -2$

трехсложные слова: $\Lambda^1 \vee^2 \vee^3$
 $-1 \Lambda^2 \vee^3$
 $-1 \Lambda^2 -3$
 $\vee^1 \Lambda^2 \vee^3$
 $\vee^1 \Lambda^2 -3$

Примеры: хан̄ 'хан', ханда̄ 'хану', са̄ша 'в ту сторону свою', орӯл 'заставь войти!', урла̄ха 'гневаться', бо̄лүлхэ 'заставить шаманить', бо̄лүлэт 'заставив шаманить', орӯлхā 'заставить войти', орӯлā 'заставил войти'.

Исключение из всего сказанного представляют собою лишь некоторые суффиксы, т. е. случаи, когда мы сталкиваемся с морфологизованными фонемами. Так например, обычно сверхдолгим является показатель безличного притяжания, делающийся сверхдолгим за счет долготы падежного суффикса, ср. м̄ина̄гара̄ 'своей плетью', которое представляет собою случай, как раз обратный тому, то мы видели в бо̄лүлэт.

Так как после всего сказанного неясностей быть не должно, то, оговорив все это, я в предположенных к изданию дальше текстах буду обозначать долготу и сверхдолготу разными знаками только в самых исключительных случаях, чтобы не усложнять транскрипции.

§ 56. На некоторое из того, что было изложено выше, обратил внимание еще Руднев. Так напр., он говорит: „колебания долготы и краткости в одном и том же слове наблюдаются часто: хӯн̄ 'человек', в косвенных падежах дает основу хӯн̄, . . . : хӯн̄е“. И далее: „правильнее и типичнее было бы для бур. писать везде \bar{u} (долгий), так звучит это слово и у бур. Сев. и у бур. Аг.“¹ Безусловно это надо понимать в том смысле, как это было изложено выше: хӯн̄ 'человек' в правильной передаче будет хӯн̄, а хӯн̄е — хӯн̄е. Далее, Руднев говорит, что „долгие гласные, особенно в auslaut'e по моим наблюдениям . . . стремятся к превращению в краткие и часто являются средними, что я отмечаю гласными без знака краткости или долготы“.² Безусловно, и это находится в полном согласии с вышеуказанным здесь: как выше было сказано, мы могли бы, отказавшись от различия сверхдолгот и долгот вместо дара̄ писать дара, указывая этим самым, что конечный а является уже почти средним. Но хотя кое что из вышеизложенных фактов и бросилось Рудневу в глаза, системы во всем этом он не подметил, почему это и потребовало здесь столь подробного обсуждения.

По поводу конечных долгих гласных, стремящихся стать краткими, можно заметить, что напр., в тунгусском языке долготу гласного конечного слога иногда бывает очень трудно определить: на помощь приходит тогда образование от данных слов других форм путем наращивания

¹ ХБГ, § 75.

² Л. с.

суффикса, в результате чего слово становится длиннее на один слог. Так напр., в слове *hūnāt* 'дочь' долгота а является значительно менее отчетливой и вполне ясно выступает лишь тогда, когда слово делается на один слог длиннее, напр., *hūiātpe*.¹

§ 57. В связи с долготой стоит вопрос о сокращении долгих гласных.

Последовательно сокращаются долгие гласные дифтонгического происхождения на конце основы, если присоединяются суффиксы, начинающиеся на долгий гласный. Это сокращение имеет место, если между долгим гласным основы и суффиксом возникает *j*, и не имеет места, если там появляется *ɣ* или *g*.

Так, сокращается долгий гласный дифтонгического происхождения перед:

1) суффиксом винительного и родительного падежей с безличным притяжением, напр., *noχōⁱ* 'собака' — *noχōjō*;

2) суффиксом творительного падежа, напр., *dalāⁱ* 'море' — *dalājār* (но *dalāⁱɣār*), *harg^yi* 'дорога' — *hargājār*.

Сокращается также долгий гласный суффикса *-tē ~ -tē comitativ* (<**-tai*) перед суффиксом безличного притяжения, напр., *aχātē* 'со старшим братом' — *aχatājā* 'со своим старшим братом'.

В положении после слога с долгим гласным сокращается долгота вопросительной частицы *i*, напр., *jērχiš* 'ты придешь?', но *jērējēš* 'ты пришел?'.

К историческому сокращению долгих гласных ср. § 45.

§ 58. В связи с ударением и количеством гласных стоит вопрос об отпадении гласных. Как правило можно установить, что краткие гласные неударенных слогов в соседстве с долгими слогами стремятся к исчезновению. Явление это общеизвестно и на нем не стоит останавливаться.

Гораздо интереснее отпадение перед слогом с долгим гласным начальных гласных. Это явление находит свое объяснение в том, что в известных случаях весь центр тяжести перенесся с краткого, но ударенного слога на долгий, но неударенный слог. Если обычно краткий ударенный слог и остальные краткие слоги находятся в известном равновесии, то равновесие это иногда нарушается, когда за кратким ударенным слогом следует долгий слог, результатом чего ударенный гласный редуцируется и исчезает даже вовсе. Так напр., часто утрачивают гласный первого слога некоторые *enclitica*, ср. *jērē-x^adā* (почти *jērē-xdā*) 'если придет'. Как правило, теряет свой гласный частица отрицания при повелительном наклонении *biu*, напр., *б-ошō* 'не ходи!', *б^a-харā* 'не смотри!'.

¹ См. мою рецензию на книгу Е. И. Титова. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926. *Asia Major*, Vol. IV, Fasc. 2—3, S. 480.

Часто теряют свой начальный гласный вторые компоненты некоторых сложных слов, напр., хур - лаң < хурёң улаң 'темно красный' (с переходом $\dot{y} > y$ под влиянием заднего вокализма следующего компонента).

Вообще в положении перед долгими слогами ударенные гласные часто редуцируются, ср. т^орёне (почти трёне) 'его' (genit.) | т^оло (тло) 'ради' = мо. *tula* | балаха ~ б^алаха (~ блаха) 'отнимать' = мо. *buliya*.

Ср. далее һүгә^і 'пятка' = мо. *ösügei* | һеҗе 'войлок' = мо. *isegei* | һең (~ ёһең) 'корова' = мо. *üniye* | һеҗе 'смеяться' = мо. *iniye*- (в аларск. совпало с *nege*- 'открывать') | һерё 'поистине' = мо. *üneger-iyen* (ср. халх. һерү 'правда?') и т. д.

Наконец, по несомненно понятным причинам наблюдается исчезновение начального гласного даже в случаях, когда долгих гласных в данном слове нет, ср. мөдехё (~ ёмөдхё) 'одевать' = мо. *emüs*.

§ 59. В заключение этой части фонетики дается таблица всех гласных аларского говора.

ТАБЛИЦА ГЛАСНЫХ

		Задние (back)				Передние (front)			
		Задний ряд		Передний ряд		Задний ряд		Передний ряд	
		Кр. ¹	Щ. ²	Кр.	Щ.	Кр.	Щ.	Кр.	Щ.
Ясно артикулируемые	Узкий (high)	—	—	—	—	ү [y̆]	ı [ĭ]	у [ȳ]	і [ī]
	Полуузкий (high-mid)	y [y̆]	—	—	—	ё	e	—	ё̄
	Полуоткрытый (mid)	о [ŏ]	—	ó [ō]	—	—	ē	ȫ	ё̄, ē
	Открытый (low)	—	a [ă]	—	á [á̆]	õ	ā	—	—
Неясно артикулируемые		õ	ā	—	—	—	ē	—	ё̄

¹ Округленное отверстие губ.

² Щелинное отверстие губ.

В скобки заключены долгие эквиваленты основных гласных. Долгие гласные, не заключенные в скобки, соответствующих им кратких не имеют.

Если при гласном отсутствует скобка с заключенным в ней долгим, это значит, что данный гласный в качестве долгого не встречается.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ МОРФОЛОГИИ

§ 60. Не ставя себе задачи писать подробную грамматику аларского говора, я ограничиваюсь в этой части своей работы сообщением лишь того, что по части морфологии удалось мне наблюдать. Составление такой грамматики я считаю в настоящих условиях преждевременным. Аларский говор представляет ведь собою лишь один говор и притом очень небольшой и во многом несущественно отличающийся от соседних. Эти различия, как это можно думать а priori, главным образом фонетического характера. Что же касается морфологической стороны, то хорошо если удастся в этом говоре отметить существование одной, другой формы, не известной другим говорам. Я озаглавливаю эту часть своей работы „Материалы для морфологии“, ибо полагаю, что на основании этих материалов и других, которые когда-нибудь будут собраны по другим говорам, удастся составить грамматику общебурятскую, в которой будет дана подробная морфология всего бурятского наречия с учетом всех форм, которые наблюдаются во всех говорах. Издаваемые здесь материалы для морфологии обнимают собою главным образом наблюдения над словоизменением. Что же касается словообразования, то оно отсюда исключено совершенно сознательно, ибо ему не место в диалектологическом исследовании, особенно если формы данного говора представляют собою лишь фонетические варианты уже известных.

И М Я ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 61. Числительные в аларском говоре отличаются от хоринских лишь фонетически, причем это различие в некоторых случаях только кажущееся, ибо хоринские формы в смысле точности их передачи Рудневым возбуждают некоторые сомнения.

Привожу единицы и десятки:

1. негёң,	3. гурбаң,	5. табаң,
2. хојор,	4. дёрбең,	6. жоргоң,

7. долб̄ң,	30. гушаң,	80. најаң,
8. намаң,	40. дөшөң,	90. јөрөң,
9. јүһөң, ¹	50. табаң,	100. зүң,
10. арбаң,	60. жорөң,	1000. миңгаң (~ маңгаң).
20. хорөң,	70. далаң,	

§ 62. Порядковые образуются при помощи суфф. -тх̄а ~ -тх̄е, напр., нег̄өтх̄е 'первый' и т. д. Форма на -тх̄а употребительна не везде на территории распространения аларского говора. Так напр., ее в улусе Алят не знают. Вместо этого в Аляте употребляется форма, указанная в § 65.

§ 63. Разделительные образуются при помощи суфф. -āt (-ēt, -ōт, -ōт). Не по общим правилам образованы неж̄өт (instr. неж̄өһөр) 'по одному' и хошот 'по два'. Остальные по общим правилам, напр., гурбат 'по три'.

§ 64. Собирательные образуются при помощи суфф. -улаң (-үләң), напр., гурбулаң 'втроем', дөрбүләң 'вчетвером'.

§ 65. Множительные употребляются редко. Местами можно услышать форму хошотхо 'два раза', но обычно такие формы значат 'каждый во второй раз'. В говоре бур. НУ суфф. -атк̄а < -*γad-ki служит для образования порядковых.² Ср. еще гурбатх̄а 'каждый в третий раз' и т. д. Восходит суфф. -атх̄а к -*γad-ki-ben.

Обычно в значении 'один раз' и т. д. употребляются количественные, напр., нег̄ө јабап 'я ходил один раз'.

§ 66. К числительным можно прибавить некоторые числительные слова:

утарх̄а¹ 'половина',
халтарх̄а¹ 'половина' (устаревшее слово),

өрөһөң 'один из парных предметов', напр., өрөһөң хөлтө 'с одной ногой',

дабхар 'двойной',
гансахаң 'единственный'.

§ 67. В связи с числительными стоят слова, обозначающие возраст животных:

гунаң үхөр 'трехлетний бык',
гунжаң һөң 'трехлетняя корова',
дөһөң үхөр 'четырёхлетний бык',
дөһжөң һөң 'четырёхлетняя корова'.

¹ Любопытно отметить, что в instr. и других формах с суффиксами с долгими гласными долгим гласным здесь является \bar{a} , а не \bar{e} , напр., јүһ \bar{a} р (instr.).

² Санжеев, бур. НУ, стр. 8.

Формы гунаң и дөнең образованы от тех же корней, что гурба 'три' и дөрбөң 'четыре'.¹

Сюда же относятся возрастные обозначения членов семьи: гушā 'правнук' и дөшө 'праправнук'.²

§ 68. С числительными иногда ставят в связь названия пальцев.³

У аларских бурят известны следующие названия пальцев: ёрхө¹ — большой палец, долобор — указательный, дунда хурагаң — средний, нер үбө¹ — безымянный, шөгөшө¹ — мизинец.

Детские названия пальцев в той же последовательности суть:

в улусе Шапшалтуй:

бат бараң,
батаң хөлөң,
төб төрөң,
түхөнөң батар,
бишахаң шоходоң,

в улусе Тайшин:

бат балā,
батаң төлө,
төхө тобшо,
тохонө батар,
бишахаң шөгөшө.

§ 69. В связи с числительными укажу на старые названия месяцев:

I. буға,

II. хусā,

III. улаң зудаң,

IV. јөхө бурғаң,

V. баға бурғаң (или ноғото),

VI. гаһа,

VII. хожо,

VIII. өгөлжөң,

IX. хуг,

X. уларā,

XI. үре,

XII. гураң.

§ 70. В заключение привожу еще некоторые слова, относящиеся к категории понятий о времени:

нодоноң жил 'прошлый год',

урзанаң жил 'позапрошлый год',

урі урзанаң жил 'год, предшествующий позапрошлому',

хөтө жил 'будущий год',

хөсөндө 'в будущем году'.

¹ Н. Н. Поппе. Монгольские числительные. Языковедные проблемы по числительным. Сб. I, Ленинград, 1927, стр. 108—109.

² Поппе, I. с.

³ G. J. Ramstedt. Über die Zahlwörter in den altaischen Sprachen. JSFOu XXIV, 1, S. 15.

⁴ Ср. Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым, о. Н. Затопяевым и другими. Зап. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва. По отделению Этнографии, т. I, вып. 1. Иркутск, 1889, стр. 131—132.

⁵ По этому вопросу см. Wł. Kotwicz. O chronologii mongolskiej. Rocznik Orientalistyczny. T. II. Lwów, 1925, стр. 224 и сл.; T. IV. Lwów, 1928, стр. 115 и сл.

ёсхёдёр ~ ёсхёлдёр 'вчера',
 уржā-дёр 'позавчера',
 урī уржā-дёр 'день, предшествующий уржā-дёр',
 маргашā 'завтра',
 иёгōдёр 'послезавтра',
 хонохо 'проводить ночь, сутки',
 ёнжехё ~ ёнжехё 'проводить две ночи',
 хојор ёнжехё 'проводить три ночи',
 гурба ёнжехё 'проводить четыре ночи' и т. д.

СКЛОНЕНИЕ

§ 71. Падежные суффиксы в единственном числе и множественном, за редкими исключениями, которые будут оговорены ниже, совпадают.

Склонение можно различить нескольких видов. Самым простым является склонение имени как такового. Возможно склонение имен с личными притяжательными или безличными притяжательными суффиксами. Наконец, есть двойное склонение. Склонение местоимений отлично от такового других имен.

Что касается основы, то она совпадает с именительным падежом. Исключение представляют собою основы на -н, конечный звук которых в ряде падежных форм отбрасывается (в accusativ'e, comitativ'e, instrumentalis, directiv'e) и сохраняется в genitiv'e, dativ-locativ'e, ablativ'e, inessiv'e, и в отличие от халхаского, за редкими исключениями, всегда в nominativ'e (ср. модоң 'дерево').¹ Таково общее правило, но имеется ряд исключений. Так напр., от некоторых слов, как мергёң 'стрелок', основой в склонении всюду, кроме формы accusativ'i, будет мерген-, напр., мергёнтё, мергёнёр и т. д.

Перед суффиксом множественного числа -т теряют свой конечный звук и некоторые другие основы, ср. тугāl 'теленок' — тугāt мн. ч. и т. д. Переходим к отдельным падежным формам.

§ 72. Genitivus (родительный падеж) образуется от разных основ по разному.

От основ, оканчивающихся на согласные, он образуется при помощи суффикса -ё (точнее -э) и -ī, из которых последний наблюдается при основах на -т (-д). Вместо -ё и -ī употребляется суффикс -ā ~ -ё, наблюдаемый преимущественно в тех случаях, когда форма стоит не в предложении, а изолированно. Основы на -н образуют genitiv безразлично на -ё или -ā ~ -ё. Основы со всеми остальными согласными образуют genitiv при помощи суффикса -ё с палатализацией конечного согласного основы.

¹ Ср. напр., нара 'солнце', но instr. нарнар и т. д.

Примеры: булат 'сталь' — була^ат¹ ~ була^ан^а ² | маңгат 'русский' — маңг^ат¹ ~ маңга^ан^а | ухёр 'бык' — ухёр^е ~ ухёр^е | хёл 'нога' — хёл^е | гал 'огонь' — гал^е ~ гал^а | булак 'источник' — була^ек¹ ~ була^ак^а | гар 'рука' — гар^е ~ гар^а | нён 'коров' — нён^е (~ нён^е) | уһаң 'вода' — уһан^е (~ уһан^а) | модоң 'дерево' — модон^е (~ модон^е).

Основы, оканчивающиеся на долгие гласные недифтонгического происхождения, образуют родительный падеж при помощи суффикса -ј^е, (если форма в предложении) и -ға ~ -г^е (если форма стоит изолированно).

Примеры: бō 'шаман' — бōј^е ~ бōг^е | мина 'плеть' — минај^е ~ минаға | ёрјү 'дурак' — ёрјүј^е | бурү 'теленок' — бурүј^е ~ бурүға.

Сказать бōг^е дегел 'шуба шамана' нельзя, следует бōј^е дегел, но в вопросе 'чья шуба?' при коротком ответе 'шамана!' можно сказать только бōг^е.

Основы, оканчивающиеся на краткие гласные, образуют genitiv при помощи суффикса -иң, гласный которого обычно сливается с конечным гласным основы, в результате чего конечный а > ā, е > ē и т. д. При помощи этого суффикса образуется genitiv и от основ, оканчивающихся на долгий гласный дифтонгического и реже, по аналогии, и недифтонгического происхождения.

Примеры: ех^е 'мать' — ех^ен¹ ~ ех^еиң | һүлг^а 'ведро' — һүлг^ан¹ | хуи баран¹ — хусаң | ёз^и 'баба' — ёзиң | їб^и 'мать' — їбиң | һеј^е 'войлок' — һеј^еиң | дал^а 'море' — дал^ан¹ | нох^о 'собака' — нох^он¹ | о 'лес' — оң | ел^е 'коршун' — ел^ен¹ | харг^у 'дорога' — харг^уиң.

В хоринском имеем (-ā), -ē, -ī, -иң, (после согласных), долгий гласный (после н), -ға, -ғиң, -иң или -ң (после долгих гласных).³

В письменном языке соответствуют: -un (после согласных), (после n), -yin (после гласных). Аларские суффиксы восходят: -ē к -*i, -ā к -*i с вставным -y-, -ā тоже к -*i. По поводу -*i > ā можно заметить, что такое развитие получилось, очевидно, из слияния скользящего гласного и -i: була^ан^а очевидно < *була^ан^ат¹ < *bulad-i. Суффикс -иң восходит к -*yin, напр., һүлг^ан¹ < *һүлг^аиң < *saγulγa-yin. Другими словами, -ē -ā < -*i < -*i ~ -*i > мо -u, -иң < -*in ~ -*in > мо -un ~ -yin (-y-in).⁴ В множественном числе суффиксом genitivi обычно является -ī, т. е. как по основах на -т (-д), также и при личных местоимениях.

§ 73. Accusativus (винительный падеж) образуется от основ, оканчивающихся на согласный, кроме н, при помощи суфф. -ē (точнее -э) с палатализацией конечного согласного основы (совпав с genitiv'ом), реже при помощи суфф. -іј^э (точнее -іј^э) > -ī.

¹ В предложении.

² Изолированно.

³ ХВГ, § 113; ср. Castrén, § 35.

⁴ Ср. Geserica, S. 61.

Примеры: гал 'огонь' — галё | хёл 'нога' — хёлё (~ хёллїё) | гар 'рука' — гарё | булат 'сталь' — булатїё (~ булатї) | маңгат 'русский' — маңгаһи.

Основы, оканчивающиеся на долгие гласные, образуют accusativ при помощи суфф. -jё (точнее -jə, совпав с genitiv'ом). Основы, оканчивающиеся на краткий гласный, образуют винительный падеж при помощи суффикса -ijё (точнее -ijə), долгий i которого сливается с конечным гласным основы, причем ä дает ä, ö > õ и т. д. Основы на -и образуют accusativ путем отбрасывания конечного и или же, утратив свой и, образуют его как основы на краткий гласный.

Примеры: õ 'лес' — õjё | мина 'плеть' — минаjё | ёрjү 'дурак' — ёрjүjё | ехё 'мать' — ехёjё | һүлгä 'ведро' — һүлгäjё | уһаң 'вода' — уһаңjё или уһä | модоң 'дерево' — модоңjё или модо.

В хоринском соответствуют: -iji, -ji, -ji, -i.¹ В письменном языке имеем -i (после согласных) и -yi (после гласных).

Аларские суффиксы восходят: -ё к -*i, -jё к -*yi (где -y- вставочный), суфф. -ijё к -*igı = мо. -yi. В основе всех этих суффиксов лежит -*i (= мо -i и -yi < -y-i).

§ 74. Dativus-locativus (дательно-местный) образуется совершенно как в хоринском. Суффиксом является -дä (-дё, -дö), -тä (-тё, -тö). Восходит -дä и т. д. к -*du = мо. -du (более обычный суффикс письменного языка -dur).

§ 75. Ablativus-elativus (исходный падеж) образуется при помощи суффикса -hä (-һё, -һö, -һõ).

Примеры: ехё 'мать' — ехёһё | һүлгä 'ведро' — һүлгäһä | маңгат 'русский' — маңгадһä | хусä 'баран' — хусäһä.

В положении после согласного h нередко исчезает, напр., модоһö ~ модно, маңгадһä ~ маңгада.

Если основа оканчивается на долгий гласный (любого происхождения), то между суффиксом и конечным долгим гласным основы вставляется -гä-, -гё-, -гö-, напр., бурү 'теленка' — бурүгаһä | ёрjү 'дурак' — ёрjүгёһё | эзі 'баба' — эзігёһё | һеjэ 'войлок' — һеjэгёһё | мина 'плеть' — минагаһä.

Обычно h при этом выпадает и получается -гä и т. д., напр., бурүгä. В хоринском суффикс всегда -hä и т. д. и, согласно Рудневу, также и после долгих гласных основы, напр., улаһä.²

В халхаском суффиксом исходного падежа является -ас, -ёс, -öс, -õс.

В письменном имеем -есе ~ -*аса.

По сравнению с халхаским и со всеми другими известными нам наречиями кажется странным, почему в бурятском имеем -hä, а не -аһä.

¹ ХБГ, § 115.

² ХБГ, § 116, 129.

Руднев по этому поводу говорит: „письм. «ача», «ече» с долгим первым гласным (а, ё); эту долготу мы находим и в х. Ург. и калм. и отчасти в восточном, но в бур. Хор. ее абсолютно нет (Castrén не прав, давая *āha*, *ēhe*.....¹)“.

Но вот, если взять аларский говор, то мы находим, что между суффиксом и конечным долгим гласным основы вставляется -г̄а-. Мы же знаем, что такое -г̄а- вставляется всегда между долгим гласным основы и долгим гласным суффикса, ср. халх. уја 'привязь' — ујаг̄ар 'привязью'. Это указывает на то, что -г̄а еще совсем недавно развилось из -*аha, и Кастрен, конечно, совершенно правильно заметил эту долготу в нижнеудинском и других говорах.² Прибавлю, что в баргу-бурятском (Хайларского округа) суффиксом *ablativi* как раз является -āhā, причем любопытно отметить сохранение гласного ā также в положении после о предыдущего слога, ср. холāhā 'издалека', морīnāhā 'от коня'.

Итак, -г̄а восходит к -āhā, где первый ā исчез, став кратким, как вообще иногда исчезают долгие гласные, ср. хататē 'с царицей' и хататāja 'со своей царицей' (часто даже хатат^hja). Это -*аhā восходит к -*asa > халх. -ас. Последнее, т. е. -*asā восходит к -*aśa < -a (суфф. *dativi*) + -śa (старый суффикс исходного падежа, засвидетельствованный во многих старых рукописях). Мы видим, что бурятский суффикс исходного падежа восходит к тому же прототипу, что и халхаский и ойратский. Рамстедт неправ, когда он утверждает, что бурятский суффикс -г̄а восходит к -*са без а в начале, т. е. не к -*aśa, ибо ему было очевидно неизвестно, что Кастреном была засвидетельствована форма этого суффикса -āhā, а также то, что между долгим гласным основы и суффиксом вставляется -г̄а-, как обычно бывает, когда к основе с долгим гласным в исходе присоединяется суффикс с долгим гласным.

Что *с в этом суффиксе соответствует в бурятском h, свидетельствует о том, что в бурятское наречие этот суффикс попал уже с *s. Этот s суффиксе *ablativi* повидимому очень давнего происхождения, ибо в настоящее время нет наречий, где в суффиксе исходного падежа s сохранился бы как аффрикат (даже в архаичном дагурском наречии вместо *s в этом суффиксе имеем с). Суффиксы халх. -ас, бур. -āhā и т. д. восходят к -*asā ~ -*aśa > мо. -eśe.

§ 76. *Comitativus-sociativus* (падеж иа вопрос „с кем“) образуется при помощи суфф. -тē ~ -тē.³ Конечный н основы иеред этим суффиксом, как правило, отбрасывается. Обычно эта падежная форма употребляется с суффиксом личного притяжания, при чем в таких случаях гласный суф-

¹ ХБГ, § 116.

² Castrén, § 38.

³ Ср. ХБГ, § 117.

фикса -тē сокращается. Вместо *comitativ'a* на -тē ~ -тē часто употребляется в его значении *instrumentalis*. Форма *comitativi* созвучна с прилагательным принадлежности, ср. газартē 'с землей' и 'имеющий землю', ахатē 'со старшим братом' и 'имеющий старшего брата'. Многие основы на -н сохраняют в *comitativ'e* свой н, напр., хатантē 'с царицей' (односложные обычно, напр., хантē ~ хатē 'с ханом'). Любопытно отметить, что прилагательные от этих основ обычно не имеют н, напр., хатē 'имеющий хана', хататē 'имеющий царицу': в этом проявляется стремление фонетически разграничить эти близкие по смыслу и в звуковом отношении формы. Что касается формы *comitativi* с безличным притяжением, то здесь -н всегда исчезает, напр., хататаја 'со своей царицей' и сохраняется лишь изредка при односложных основах, напр., хантаја ~ хатаја 'со своим ханом'.

§ 77. *Instrumentalis* (падеж орудный на вопрос „при помощи кого, чего“, „чем“) образуется при помощи суфф. -ар (-ēr, -ōr, -ōr). Конечный н основы перед этим суффиксом, как правило, отбрасывается. Между долгим гласным основы и суффиксом вставляется -г- (-г-), -г- или -ј-, последний в том случае, если долгий гласный основы дифтонгического происхождения, причем долгота конечного гласного основы в таком случае исчезает.

Примеры: ехē 'мать' — ехēr | һүлгā 'ведро' — һүлгār | бурӯ 'теле-нок' — бурӯғар | эзī 'баба' — эзīgēr | гал 'огонь' — галār | хөл 'нога' — хөлār | нохō 'собака' — нохōғор ~ нохōјор | харгᵛī 'дорога' — харгᵛīgār ~ харгајār | дала 'море' — далағар ~ далајār.

В хоринском имеем суфф. -ār и т. д. и -гār и т. д.¹ В письменном соответствует *-ber* (после гласных) и *-iyer* (после согласных).

§ 78. *Inessivus-illativus* (на вопрос „в чем, во что“) образуется при помощи суфф. -сō, напр., һүлгā 'ведро' — һүлгасō | гал 'огонь' — галсō | дала 'море' — дала́сō.

В хоринском так же.² В письменном и других наречиях, кроме бурятских, этой формы нет. Вероятно -сō восходит к *-*cō < *doco ~ dotu-r-a* внутри.³

Форма на -сō, которое не подчиняется закону сингармонизма, собственно говоря, не падежная, ибо это -сō есть сокращение послелого, а не суффикс. Возможно, что правильнее было бы писать не герсō, галсō и т. д., а гер-сō, гал-сō и т. д. Во всяком случае такие формы как галсō стоят на пути к становлению падежными формами.

§ 79. *Directivus* (падеж направления) образуется при помощи суфф. -рӯ (-рӯ), совершенно как в хоринском.⁴ В письменном по значению

¹ ХБГ, § 118.

² ХБГ, § 121.

³ ХБГ, § 122.

⁴ ХБГ, § 124.

соответствует *uru* 'вниз по', но ср. мо. *inaru*, *cinaru* и т. д., ср. также древнетюркское *-ru*.¹

На ряду с этой формой существует в омертвелых образованиях формант *-гүр* в *дөбүр* 'по низу', *дөгүр* 'поверху' и т. д. Это *-гүр* часто наращается к суффиксу *inessivi-illativi*, ср. *уһансөбүр* 'под водой'. Это *-гүр* (где *-г-* вставочный) вполне соответствует *-үр* в дэрбетском Астраханском и других ойратских говорах.

Наконец, существует еще один способ выражения понятия направления, а именно при помощи послелога *тешэ* 'в сторону', где *-ше* восходит к *-*si* (ср. мо. *çoyisi* 'назад') и где основой является *те-* < **tege-*, ср. халх. *ентэ* 'находящийся на этой стороне' (< **ene tege*), *т'ер'тэ* 'находящийся по ту сторону' (< **tere tege*) и т. д.

Это *тешэ* находит полное соответствие во всех бурятских говорах, в халхаском и т. д.

§ 80. *Modalis* (падеж образа действия) уже не может быть отнесен к падежным формам; ибо представляет собою уже омертвелую форму и засвидетельствован лишь от нескольких слов. Значение таких форм „как, каким образом, каким манером“.

Засвидетельствован он в *мүсэ* 'дурно', *һасэ* 'хорошо, по хорошему' и т. д. Суфф. *-сэ* восходит здесь к *-*са*, следовательно восходят указанные формы к **тауца* и **сайца*.

§ 81. Кроме простого склонения в аларском говоре, как во всех бурятских говорах и других монгольских наречиях, существует двойное склонение. Оно сводится к образованию падежных форм от других падежных форм. Обычно падежными формами, допускающими образование дальнейших, являются в аларском *genitivus*, *locativus*, *comitativus* и *inessivus*.

Не следует думать, что от этих падежных форм могут быть образованы любые: возможности довольно ограничены. Так напр., от формы *genitivi* засвидетельствованы формы *dativi-locativi*, от форм *locativi* только *ablativi-elativi*, от форм *comitativi* обычно употребляется только *instrumentalis* или *ablativus*, от форм *inessivi* только *ablativus* или *prolativus* на *-гүр*.

Значение этих двойных падежных форм не то, что простых. Так *genitivus* в роли склоняемой основы имеет значение „дом“, „семья и т. д. такого то“, *comitativus* „сообщество с таким-то“, а форма *inessivi* в роли склоняемой основы показывает, что то, что выражается падежным суффиксом, присоединяемым к ней, происходит в тоже время внутри предмета.

Примеры: *ханада* 'к своему хану' ('в дом', 'в доме своего хана') | *шуһат'ар* 'с кровью' | *уһансөбүр* 'изнутри воды' | *уһансөбүр* 'по воде' или 'под водой'.

¹ Geserica, S. 25.

Интересную форму представляет собою манситајаһан 'от своих пеленок' (ablativus-elativus от формы comitativi с притяжением).

§ 82. Pluralis (множественное число) образуется при помощи суфф. -д (-т) и -үт (-үт). Суффикс -т образует множественное число от основ, оканчивающихся на гласные и на н, а также очень редко на л, причем конечные н и л отбрасываются и суффиксы присоединяются непосредственно к гласному последнего слова основы.

Примеры: уһаң 'вода' — уһат | модоң 'дерево' — модот | јамаң 'коза' — јама́т | одоң 'звезда' — одот | таса́ 'курица' — таса́т | аха́ 'старший брат' — ахат | ере́ 'мужчина' — ерет | туга́л 'теленок' — тугат.

Суфф. -үт образует множественное число от основ, оканчивающихся на согласный, причем конечный д основы дает обычно тогда һ. Если суффикс этот присоединяется к основе, оканчивающейся на гласный, что тоже возможно, то между гласными вставляется н, т. е. получается -нүт. Суффикс -нүт может наблюдаться также после р и л основы.

Примеры: бара́т 'бурят' — бара́дүт ~ бара́һүт | ула́т 'народ' — ула́һүт | маңга́т 'русский' — маңга́дүт ~ маңга́һүт | була́т 'сталь' — була́һүт | э́зи 'баба' — э́зинүт | га́р 'рука' — га́рнүт | га́л 'огонь' — га́лнүт и т. д.

Очень распространено образование множественного числа при помощи обоих суффиксов -т и -үт сразу — получается сложный суффикс -дүт ~ -һүт, или -нүт и -үт — получается -*нүһүт > -*нүһүт > -нһүт (где ү, принадлежащий к -нүт, сократился и исчез).

Примеры: ехе́ 'мать' — ехе́һүт | һу́лга 'ведро' — һу́лғаһүт | буру́ 'теленок' — буру́һүт | модо́ң 'дерево' — модо́һүт (редко) | моро́ң 'конь' — моро́һүт | һе́ң 'корова' — һе́һүт | е́рју́ 'дурак' — е́рју́һүт | и́би 'мать' — и́биһүт | һе́је 'войлок' — һе́јеһүт | јама́ң 'коза' — јама́һүт | одо́ң 'звезда' — одо́һүт | аха́ 'старший брат' — аха́һүт | ере́ 'мужчина' — ере́һүт | ми́на 'плеть' — ми́наһүт | нохо́ 'собака' — нохо́һүт | харг'и́ 'дорога' — харг'и́һүт | о́ 'лес' — о́һүт | га́р 'рука' — га́рнһүт | бо́ 'шаман' — бо́нһүт | хё́л 'нога' — хё́лнһүт | э́зи 'баба' — э́зинһүт | а́л 'сосед' — а́лһүт.

В хоринском говоре этим суффиксам соответствуют -т, -үт (-нүт) и -дүт (последний из -т + -үт).¹

Суффикс -т аларского говора восходит к -*s ~ -*d, ср. ехет = мо. *ekes*, модот = мо. *modud*. Суфф. -үт восходит к -*ud, ср. улаһүт = мо. *ulus-ud*.

Что касается вставного н в э́зинүт и т. п., то ср. мо. *-niγud* в *γal-niγud* и т. д.

Сложный суфф. -һүт находит тоже свои параллели в других монгольских наречиях, ср. халх. еххенёрүт 'женщины', саедүт 'министры' и т. д., которые по своему происхождению являются формами множественного числа.

¹ ХБГ, § 106—108; ср. Castrén, § 42; Bálint, p. 208—209.

Суфф. -нар хоринского говора (= мо. -nar) в аларском наблюдается только в шаманской поэзии, ср. б̄о̄ӣер 'шаманы'.

Вместо этого можно привести суфф. -шут или -шӯл, о котором из прежних исследователей упоминают лишь Орлов и B̄alint,¹ ср. б̄о̄ 'шаман' — б̄о̄шӯл, б̄а̄яң 'богач' — б̄а̄яшӯл, б̄а̄г̄а 'маленький' — б̄а̄г̄ашӯт ~ б̄а̄г̄ашӯл 'малыши'.

Суффикс этот в хоринском имеется, хотя Руднев его и не указывает.

В халхаском ему соответствует -'ч'ӯл ~ -'ч'ут, ср. б̄а̄й̄й̄'ч'ӯт ~ б̄а̄й̄й̄'ч'ӯл 'богачи', с̄а̄е̄'ч'ӯт ~ с̄а̄е̄'ч'ӯл 'знатные' и т. д. В письменном ему соответствует -cud ~ -cus, ср. б̄а̄г̄асуд 'малыши, ребята', г̄а̄расус, 'простолудины' и т. д.

§ 83. Что касается падежных форм множественного числа, то они образуются по общим правилам при помощи суффиксов от основ множественного числа (= nominativus pluralis). Исключение представляет собой genitivus, образуемый обычно при помощи суфф. -ī (долгий -ī). Он совпал с accusativ'ом.

Примеры: ехе 'мать' — ех̄ēhī | һӯлг̄а 'ведро' — һӯлг̄аhī | бурӯ 'теленоч' — бурӯhī | е̄з̄і 'баба' — е̄з̄інhī | һе̄ј̄е 'войлок' — һе̄ј̄еhī | м̄іна 'плеть' — м̄інаhī < м̄інаh̄а | тугал 'теленоч' — туг̄аhī | х̄өл 'нога' — х̄өлhī | гар 'рука' — гарhī | уһаң 'вода' — уһаңhī ~ уһаңh̄а.

С genitiv'ом во множественном числе совпал accusativus. Суффиксом его является -ī. Вышеприведенные формы поэтому являются не только формами родительного, но и винительного падежей. Ср. кроме того: е̄р̄і 'дурак' — е̄р̄іh̄уд̄і | бурӯ 'теленоч' — бурӯh̄уд̄і | һ̄е̄ң 'корова' — һ̄е̄ңh̄уд̄і.

В этих формах долгота ū ~ ū суффикса часто пропадает, ср. е̄р̄іh̄уд̄і < е̄р̄іh̄уд̄і и т. д.

Об остальных падежных формах сказать нечего.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 84. Личные местоимения суть:

б̄і 'я', ш̄і 'ты',
бе̄д̄е (~ ме̄д̄е редко) 'мы', та 'вы'.

Склонение личных местоимений.

Nom.	б̄і,	бе̄д̄е,
Gen.	ме̄н̄е (~ ме̄н̄і),	мана,
Dat. loc.	нам̄д̄а,	ман̄д̄а,
Acc.	нам̄а' (~ нам̄āj̄e),	ман̄e,
Abl.	нам̄h̄а (~ нам̄а),	ман̄h̄а (~ мана),

¹ Орлов, § 79; B̄alint, l. c.

Instr.	нам̄ар,	ман̄ар,
Iness.	намс̄о,	манс̄о,
Comit.	намт̄е,	мант̄е.

Как б̄и склоняется и ш̄и; как б̄еде склоняется и т̄а (gen. тан̄а и т. д.). Что касается основы б̄еде, то в парадигму склонения она не входит и таких форм как б̄идне, которые имеются в хоринском,¹ здесь в аларском нет.

Личные местоимения третьего лица отсутствуют, и вместо них употребляются указательные.

§ 85. Указательные местоимения суть прежде всего:

ен̄е 'этот', еде 'эти',
тер̄е 'тот', тед̄е 'те'.

Склонение указательных местоимений:

Nom.	ен̄е,	тер̄е,
Gen.	ен̄ене (~ ен̄ене),	тер̄ене (~ тер̄ене),
Dat.-loc.	ен̄енде,	тер̄енде,
Acc.	ен̄ей̄е,	тер̄ей̄е,
Abl.	ен̄ен̄е (~ ен̄ене),	тер̄ен̄е (~ тер̄ене ~ терне ~ терн̄е),
Instr.	ен̄ег̄ер,	тер̄ег̄ер,
Iness.	ен̄енс̄о,	тер̄енс̄о,
Comit.	ен̄ент̄е,	тер̄ент̄е,
Direct.	ен̄ер̄у, ²	тер̄ег̄ур. ³

Как видно, основами в косвенных падежах являются ен̄е и тер̄е по аналогии с именительными падежами. В письменном языке, как известно, основами косвенных падежей являются *egün-* и *tegün-*. Последняя в ряде живых наречий дает т̄ун-, м. п. и в хоринском.⁴ В аларском основа т̄ун- тоже наблюдается, но крайне редко и является более характерной для унгинского говора. Гораздо чаще встречается основа т̄ен-.

Парадигма склонения т̄ун- и т̄ен-:

Nom.	тер̄е,	—
Gen.	тун̄е,	тен̄е,
Dat.-loc.	тун̄де,	—

¹ ХБГ, § 96.

² Обычно краткий гласный первого слога исчезает, и во всех косвенных падежах основой является н̄е, т. е. н̄ене, н̄енде, н̄ей̄е, н̄ен̄е, н̄ег̄ер (~ н̄ен̄ер), н̄енс̄о, н̄ент̄е.

³ Обычно краткий гласный первого слога исчезает, и получаются формы тр̄ене, тр̄енде и т. д.

⁴ ХБГ, § 96

Acc.	т̄ун̄е,	т̄ен̄е,
Abl.	т̄ун̄һе (~ т̄ун̄е),	т̄ен̄һе,
Instr.	т̄ун̄ер,	—
Iness.	—	—
Comit.	—	—

Падежные формы указательного местоимения ед̄е суть:

Nom.	ед̄е,
Gen.	ед̄ен̄е (~ ед̄ен̄е),
Dat.-loc.	ед̄ен̄д̄е,
Acc.	ед̄ен̄е,
Abl.	ед̄ен̄һе (~ ед̄ен̄е),
Instr.	ед̄ен̄ер (~ ед̄ег̄ер),
Iness.	ед̄ен̄с̄о,
Comit.	ед̄ент̄е.

Так же склоняется и тед̄е 'те'.

Остальные указательные местоимения суть:

им̄е 'этакый',	т̄им̄е 'такой',
ен̄ех̄е 'эстолько',	
им̄аха 'эстолький',	
ед̄'ї ~ уд̄'ї 'эстолько',	тед̄'ї ~ туд̄'ї 'столько',
ен̄ет̄е 'по эту сторону',	тер̄ет̄е 'по ту сторону'.
мөн̄ ~ мең 'именно этот самый',	
мөн̄ох̄е 'этот самый'.	

К указательным местоимениям можно еще прибавить:

на̄да 'находящийся по эту сторону',	са̄да 'находящийся по ту сторону',
на̄бӯр 'по эту сторону, этой стороной',	са̄бӯр 'по ту сторону, той стороной',
на̄ша 'сюда',	са̄ша 'туда'.
ён̄ше ~ ин̄ше 'сюда'.	

Наконец, имеется еще указательный глагол і- 'делать этак' и т̄- 'делать так'. От них наиболее употребительными формами являются:

іг̄ер̄еш 'сделай этак!',	т̄іг̄ер̄еш 'сделай так!',
іж̄е 'делая этак',	т̄іж̄е 'делая так',
іг̄ет̄ 'сделав этак',	т̄іг̄ет̄ 'сделав так',
	т̄іс̄ер̄ 'пока делается так',
	т̄іһен̄ 'сделавший так',
	т̄іг̄е 'сделал так',
	т̄іх̄ед̄ін 'в то время как делает так' и т. д.

Указательное местоимение *терэ* 'тот' заменяет отсутствующее личное местоимение третьего лица.

§ 86. Вопросительные местоимения суть:

<i>хең</i> 'кто',	<i>јамар</i> 'какой',
<i>хем</i> 'кто' (< <i>хен</i> + -п),	<i>јун</i> (~ <i>јун</i>) 'что',
<i>хемёр</i> 'какой такой',	<i>јум</i> (~ <i>јум</i>) 'что' (< <i>јун</i> + -п),
<i>хер</i> 'как, каким образом',	<i>хүдүг</i> 'сколько'.
<i>ала</i> 'который',	

К вопросительным местоимениям можно еще прибавить *хезэ* ~ *хезэ* 'когда' (корень тот же, что *хең*, *хүдүг* и т. д.) и *хана* 'где' (*ханһа* ~ *хана* 'откуда'). Иногда *хана* употребляется вместе со следующим за ним *јана* (*хана јана*), которое само по себе ничего не значит, но вероятно восходит к тому же корню, что мо. *ya-yun* 'что', *yambar* < **yan-bar* 'какой', ср. *yan* 'что' в одном из монгольских наречий XIII ст.¹

В связи с вопросительными местоимениями можно указать на вопросительные глаголы *ја-* (ср. *јаға* 'что сделал?', *јағап* 'что сделал?', *јаһаң* 'что сделавший?' и т. д.) и *хергё-* 'что делать' < *хер* 'как' и *ге-* 'говорить'.

§ 87. Неопределенные местоимения образуются от вопросительных путем присоединения уступительной частицы *-шхё* (ср. халх. '-ч'иг), напр., *хеншхё* 'кто бы то ни был', *јамаршхё* 'какой бы то ни был' и т. д.

§ 88. Определительные местоимения суть:

<i>бухелё</i> 'целый',	<i>берё</i> 'каждый',
<i>ондо</i> 'другой',	<i>беримё</i> 'всякого рода' (напр., <i>зүһең беримё</i> 'всяких мастей'),
<i>бешё</i> 'другой', 'не это, а нечто другое',	<i>јум</i> 'ничто',
<i>хү</i> 'всё',	<i>алаба</i> 'всякий'.
<i>бараң</i> 'все', ²	

Сюда же можно прибавить еще *хамта* 'вместе' и *сугта* 'вместе' (последняя форма в аларском говоре мало употребительна, но в ходу у унгинцев).

§ 89. Из возвратных местоимений имеется только *ор* 'сам' (мн. ч. *од*), долгий гласный конечного слога которого есть суффикс безличного притяжания (см. § 91). В склонении это возвратное местоимение обычно принимает личнопритяжательные суффиксы (см. § 90), напр., *оһөним* 'меня самого' и т. д. Как видно, косвенные падежи этого местоимения образуются от основы *оһөн-*: *оһөн* genit. и т. д., но на ряду с этим в некоторых падежных формах выступает основа *ор-*, ср. *орјо* genitivus.

¹ Sprachmaterial, S. 1035.

² Часто употребляются вместе *хү бараң* в значении 'все' (мн. ч.).

В значении возвратного местоимения употребляется бејѣ 'тело, особа', напр., бејѣ 'сам', бејѣрѣ 'сам собою' и т. д.

§ 90. Отдельных притяжательных местоимений в бурятских говорах как вообще в монгольских наречиях, нет и таковыми служат либо формы родительного падежа личных местоимений или особые притяжательные суффиксы. Суффиксы личного притяжания, выражающие понятия 'мой', 'твой' и т. д., развились из форм родительного падежа личных местоимений. В аларском говоре притяжательные суффиксы первых двух лиц единственного числа встречаются в двух видах: первый вид совпадает почти полностью с формами родительного падежа соответствующих личных местоимений, а другой вид представляет собою сильное сокращение их.

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-ое	-(м)нѣ, -м	-(м)нā
2-ое	-шнѣ, -ш	-тнā
3-е	-ін	-ін

Обращаясь к каждому суффиксу в отдельности, можно заметить, что суфф. 1-го л. единственного числа -(м)нѣ является более распространенным. Когда суффикс этот присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный, звук м, как правило, исчезает и остается только -нѣ, но так как суффикс этот развился из менѣ, я условно пишу -мнѣ и заключаю лишь м в скобку. Второй вид суффикса 1-го л. ед. ч. -м, встречающийся в общем довольно редко, наблюдается только после гласных, а также при основах на -н, теряющих в таком случае свой н.

Примеры: ехѣ 'мать' — ехѣмнѣ ~ (ехѣм) 'моя мать', хулга 'ведро' — хулгамнѣ ~ хулгам 'мое ведро', бурѣ 'теленок' — бурѣмнѣ ~ бурѣм 'мой теленок', уханѣ 'вода' — уханнѣ ~ ухан 'моя вода', модоң 'дерево' — модоңмнѣ ~ модоң 'мое дерево', маңгат 'русский' — маңгатнѣ 'мой русский', гал 'огонь' — галнѣ 'мой огонь', булат 'сталь' — булатнѣ 'моя сталь'.

Суффиксами 2-го л. ед. ч. является -шнѣ и -ш. Из них -шнѣ более распространен и употребляется в тех же случаях, что -мнѣ для 1-го л., а -ш после гласных и н, причем конечный н основы сохраняется.

Примеры: ехѣшнѣ (~ ехѣш) 'твоя мать', хулгашнѣ (~ хулгаш) 'твое ведро', бурѣшнѣ (~ бурѣш) 'твой теленок', уханшнѣ (~ уханш) 'твоя вода', модоңш 'твое дерево', маңгатшнѣ 'твой русский', галшнѣ 'твой огонь', булатшнѣ 'твоя сталь'.

Суффиксом 1-го л. мн. ч. является -мнā, который после согласных основы, кроме н, теряет свой м.

Примеры: ехёмнā 'наша мать', һулгāmнā 'наше ведро', бурӯмнā 'наш теленок', уһамнā 'наша вода', модомнā 'наше дерево', маңғаднā 'наш русский', галнā 'наш огонь', буладнā 'наша сталь'.

Суффиксом 2-го л. мн. ч. является -тнā.

Примеры: ехётнā 'ваша мать', һулгātнā 'ваше ведро', бурӯтнā 'ваш теленок', уһантнā 'ваша вода', модонтнā 'ваше дерево', маңғаттнā 'ваш русский', галтнā 'ваш огонь', булаттнā 'ваша сталь'.

Суффиксом притяжания третьего лица ед. и мн. ч. является -iñ после согласных и кратких гласных; после долгих и кратких гласных основы -ñ.

Примеры: ехён ~ ехiñ 'его, их мать', һулгiñ 'его, их ведро', бурӯñ 'его, их теленок', уһайiñ 'его, их вода', модониñ 'его, их дерево', галиñ 'его, их огонь', булайiñ 'его, их сталь'.

Употребляются некоторые из этих суффиксов, как видно, не безразлично, но в зависимости от того, на что оканчивается основа.

Восходят -м и -(м)нē к *mini ~ *minu (> мо. minu); -ш и -шнē к *cini ~ *cinu (> мо. cinu); -мнā к *mani ~ *manu (> мо. manu); -тнā к *tani ~ *tanu (> мо. tanu); -iñ к *ini ~ *inu (> мо. inu).

Что касается склонения таких форм, то суффиксы личного притяжания присоединяются к суффиксам падежных форм. При этом можно заметить, что падежные суффиксы с краткими гласными заменяют свой гласный долгим i.

Примеры:

Ном.	хусам 'мой баран',	хусаш 'твой баран',	хусан ~ хусан ~ хусiñ 'его, их баран',
Gen.	хусам,	хусанш,	хусан,
Dat.-loc.	хусадим,	хусадиш,	хусадин,
Acc.	хусам,	хусаш,	хусайин,
Abl.	хусаһам,	хусаһаш,	хусаһай,
Comit.	хусатем,	хусатеш,	хусатейн,
Instr.	хусарим,	хусариш,	хусарин,
Iness.	хусасом,	хусасош,	хусасон.

Аналогично этому склоняются и формы с притяжаниями 1-го и 2-го л. мн. ч.

На ряду с суфф. -м и -ш 1-го и 2-го л. ед. ч. в склонении могут появляться (и даже обычно наблюдаются) и -мнē и -шнē, напр., јабхадимнē 'когда я ходил', герһемнē 'из моего дома', герһешнē 'из твоего дома' и т. д.

§ 91. Безличные притяжательные суффиксы выражают понятие

„свой“. Они принимаются только окончаниями косвенных падежей и в nominativ'e не встречаются. Исключение представляет собой местоимение $\bar{\text{öpr}}\bar{\text{ö}}$ 'сам', которое является омертвелой формой genitivi (ср. мо. *öber-iyen*).

Суффиксом безличного притяжания является **βen*, который настолько слился с падежными суффиксами, что во многих случаях получились не комбинации падежного суффикса и притяжания совсем новые и даже трудно разложимые суффиксы.

Падежные формы *dativi-locativi*, *instrumentalis* и *inessivi* отличаются от таковых без притяжания лишь долготой конечного гласного или прибавлением долгого гласного, т. е. $-\bar{\text{dā}}$ ($-\bar{\text{dē}}$, $-\bar{\text{dō}}$ $-\bar{\text{dō}}$), $-\bar{\text{ārā}}$ ($-\bar{\text{ērē}}$, $-\bar{\text{ōrō}}$, $-\bar{\text{ōrō}}$), $-\bar{\text{soḡō}}$. Ablativus с притяжанием безличным совпал в аларском с формой ablativi с притяжанием третьего лица — получилось $-\bar{\text{hān}}$ ($-\bar{\text{hēn}}$, $-\bar{\text{hōn}}$, $-\bar{\text{hōn}}$). Форма *comitativi* тоже получает долгий гласный, причем между долгими гласными возникает *j* и долгота гласного падежного суффикса пропадает — получается $-\bar{\text{tāja}}$ или даже $-\bar{\text{t}^{\text{a}}\bar{\text{ja}}$ (почти $-\bar{\text{tja}}$) и т. д.

Формы *genitivi* и *accusativi* почти во всех случаях совпали. Суффиксы *genitivi* и *accusativi* с притяжанием довольно сильно отличаются от таковых без притяжания, так что даже трудно указать, что собственно нужно прибавить к суффиксу *genitivi* и *accusativi*, чтобы получить форму с притяжанием.

Основы, оканчивающиеся на краткий гласный, образуют форму *genitivi* и *accusativi* с притяжанием при помощи суфф. $-\bar{\text{ja}}$ ($-\bar{\text{je}}$, $-\bar{\text{jō}}$, $-\bar{\text{jō}}$); основы, оканчивающиеся на долгий гласный недифтонгического происхождения — при помощи $-\bar{\text{ḡā}}$ ($-\bar{\text{gē}}$, $-\bar{\text{ḡō}}$, $-\bar{\text{gō}}$); основы, оканчивающиеся на согласные в том числе и *n*, образуют *genitiv* при помощи суфф. $-\bar{\text{ā}}$ ($-\bar{\text{ē}}$, $-\bar{\text{ō}}$, $-\bar{\text{ō}}$),¹ и наращиваемого к основе с сохранением конечного *n* или же теряют *n* и образуют *genitiv* в таком случае, как основы, оканчивающиеся на гласный. Accusativus от основ, оканчивающихся на *n*, обычно образуется с утратой конечного и основы.

Схема склонения с безличным притяжанием:

Nom.	ехе 'мать',	бурӯ 'теленек',	модон 'дерево',
Gen. и Acc.	ехеje,	бурӯḡā,	мод ^o но ~ модоjo, ²
Dat.-loc.	ехеде,	бурӯдā,	модондо,
Abl.	ехеhen,	бурӯḡāhān,	модонhōn,
Instr.	ехере,	бурӯḡārā,	модоро,
Comit.	ехетеje,	бурӯtāja,	модот ^o jo,
Iness.	ехесоḡō,	бурӯсоḡō,	модонсоḡō.

¹ Впрочем, основы, оканчивающиеся на согласные, нередко образуют *genitiv* при помощи суфф. $-\bar{\text{ja}}$ и т. д., напр., мөндөрjō 'своего града'.

² Accusativus только модоjo, genitivus и так и сяк. Но ср. зонō — genitivus и accusativus.

Как видно, склонение с безличным притяжением несколько отличается от такового в хоринском говоре — особенно формы *genitivi* и *ablativi*.¹

В языке эпических произведений иногда сохраняются старые формы падежей с притяжением, ср. напр., *зүһе -jүгэ заһажэ* 'приведа в порядок своей вид', где *-jүгэ* = мо. *-yügen* ~ *-yиγan* (суфф. *accusativi* с притяжением).²

Безличное притяжение может приниматься любой склоняемой формой, в том числе и личными местоимениями, ср. *мейгэ genit.* от *би* 'я' с притяжением.

§ 92. Суффиксы сказуемости.

Помимо притяжательных суффиксов в аларском говоре, как во всех бурятских говорах, имеются суффиксы сказуемости (предикативные). Путем присоединения их к основам имен передаются понятия „я есмь то-то и то-то“, „ты — то-то и то-то“ и т. д., напр., „я — человек“, „ты — русский“ и т. д.

Суффиксы эти суть:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-п	-бдэ,
2 л.	-ш	-та (~ -та).

Что касается суффиксов 1-го л. обоих чисел, то в том виде, в каком они даны здесь, они наблюдаются при основах, оканчивающихся на гласные и все согласные кроме *n*: присоединяясь к основам на *i*, губные смычные этих суффиксов заменяются звуком *m*, причем *i* основы исчезает, т. е. получается для 1-го л. ед. ч. *-m*, для мн. ч. *-мдэ*.

Суффиксом 2-го л. мн. ч. является *-та* ~ *-та*, но обычно присутствует еще элемент *-л-*, т. е. имеем *-лтā*. Это *-л-* восходит к частице *ele*.

Третье лицо не имеет суффикса.³

Примеры:

	<i>ёрjү</i>	дурак',
1 л. ед. ч.	<i>ёрjүп</i>	'я дурак',
2 л. „ „	<i>ёрjүш</i>	'ты дурак',

¹ ХБГ, § 127; Ср. Castrén, § 94. Суффикс *ablativi* с притяжением *-һаһ* наблюдается и в балаганском говоре, ср. Орлов, § 84 (у Орлова *-х'аи*).

² По сообщению Г. Д. Санжеева, такие старые формы падежей с притяжением наблюдаются и в обыденной речи.

³ В глагольных формах показатель третьего лица мн. ч. имеется. Таковым является *-т* < **tede* (см. § 85). Едва ли этот *-т* восходит к показателю множественности, хотя многочисленные аналогии этому представляют собою формы третьего лица множественного числа в тюркских наречиях (ср. *käldi* 'он пришел' — *käldilär* 'они пришли').

1 л. мн. ч.	ёр̄ю̄һуде̄бде̄	мы дураки',
2 л. „ „	е̄ю̄һуде̄лта̄	вы дураки',
	маңга̄г	'русский',
1 л. ед. ч.	маңга̄дап	'я русский',
2 л. „ „	маңга̄даш	'ты русский',
1 л. мн. ч.	маңга̄һуда̄бде̄ ~ маңга̄да̄бде̄	'мы русские',
2 л. „ „	маңга̄һуда̄лта̄ ~ маңга̄да̄лта̄	'вы русские',
	хубӯң	'сын',
1 л. ед. ч.	хубӯм	'я сын',
2 л. „ „	хубӯиш	'ты сын',
1 л. мн. ч.	хубӯһуде̄бде̄ ~ хубӯде̄бде̄	'мы сыновья',
2 л. „ „	хубӯһуде̄лта̄ ~ хубӯде̄лта̄	'вы сыновья'.

Восходят эти суффиксы к личным местоимениям **bi*, **ci*, **bide*, **ta*.

Все вышеприведенные формы являются как бы формами „настоящего времени спрягаемого имени“. Об этом спряжении имен уже писалось и на нем останавливаться не стоит.¹ Укажу только, что с суффиксами сказуемости может быть любая форма имени, напр., форма имени с личными притяжениями, некоторые падежные формы и т. д.

Ср. примеры спрягаемого имени с личными притяжательными суффиксами:

хубӯиш̄не̄п	'я твой сын',
хубӯиш̄не̄п	'я его сын',
хубӯиш̄на̄п	'я ваш сын',
хубӯиш̄не̄ш	'ты мой сын',
хубӯиш̄иш	'ты его сын',
хубӯиш̄на̄ш	'ты наш сын' и т. д.

К спряжению падежных форм имени ср. хубӯиш̄на̄ бе̄је̄ре̄п 'я сын ваш собственной персоной', где бе̄је̄ре̄п — форма *instrumentalis* с безличным притяжением и суффиксом сказуемости 1-го л. ед. ч. или зүгеп 'я (такой то) местности', где зүгеп — форма *genitivi*, ср. еще албата̄нт 'вы его подданный', где албата̄нт представляет собою форму с притяжением третьего лица.

Эти суффиксы сказуемости являются личными показателями многих глагольных форм. Приэтом глагольные имена, т. е. причастия, с этими суффиксами становятся изъявительными формами.

В качестве личных показателей при глагольных формах суффиксы эти те же, что при именах. Только суффиксом 2-го л. мн. ч. при глагольных формах никогда не является -та̄, но всегда -т, напр., ја̄банат 'вы идёте'. Затем имеется еще при глагольных формах показатель третьего лица мн. ч. -т < **tede*.

¹ Castrén, § 158 и сл.; ХБГ, § 84 и сл.

Кроме форм настоящего времени, т. е. таких форм, когда имя выражает собою сказуемое в настоящем времени, напр., „я — человек“ (= „я ем человек“, т. е. в настоящее время), могут быть образованы формы прошедшего времени и т. д.

Эти формы образуются путем присоединения соответствующих суффиксов образования глагольных форм прошедшего времени, разных приставий и т. д., так же, как в халхаском, ср. там бул¹у²са́ 'была булавой'. По происхождению своему такие формы восходят к имени + соответствующая форма глагола а- 'быть', напр., у¹бе¹т¹е¹н¹ем 'я был беден' < *ügeitei a'san bi. Так как в этом отношении к сказанному прежними исследователями мне прибавить нечего, то отсылаю к их работам¹ и привожу только несколько примеров: да¹т¹е¹н¹ам 'я был с врагом' ('был обладателем врага, имел врага'), у¹бе¹г¹ше¹н¹е¹ң 'не бывало' (< *ügei a'ci a'san) и т. д.

ГЛАГОЛ

§ 93. Общие замечания.

Спряжение в бурятских говорах личное в отличие от халхаского. Глагол изменяется не только по временам, но и по лицам. Как уже сказано выше (см. § 92), личными показателями являются особые суффиксы, восходящие к личным местоимениям.

Глагольные формы можно разбить на пять групп: 1) на формы обращения (повелительные, просительные, формы желания и т. д.), 2) формы именные, т. е. причастия, 3) изъявительные формы, 4) условные и 5) деепричастные. Из этих форм именные являются такими же именами, как всякие другие и в предложении играют поэтому роль определения (attributum) или подлежащего. Изъявительные формы в бурятском языке, за редкими исключениями, именного происхождения. Они не что иное, как имена с предикативными суффиксами, и поэтому они рассматриваются здесь вместе с именными. Деепричастия играют роль определений глагольных форм и, как деепричастия вообще, они выражают качества действий.

§ 94. Наиболее сложными и трудными в смысле их описания являются изъявительные формы. Они могут быть разбиты на две категории: 1) на простые и 2) на сложные. Простые изъявительные формы — это такие, которые представляют собою глагольное имя с личным показателем или восходят к изъявительной же форме, напр., јабап 'я ходил' и јабабап. Сложные в свою очередь могут быть тоже разбиты на две категории: 1) на формы, не признаваемые в языке в его нынешнем состоянии как сложные, т. е. на сложные в историческом аспекте, и 2) на формы, признаваемые

¹ Castrén, § 158—163; ХБГ, § 84 и сл.

как сложные. К первой категории этих сложных форм относятся формы, в состав которых входит то или иное глагольное имя, с которым слилось глагольное имя вспомогательного глагола а- 'быть', напр., *jabāhañ* < **yabuḡa aḡsan*, *jabāḡshañ* < **yabuḡci aḡsan*, *jabḡhañ* < **yabuḡi aḡsan* и т. д. В состав таких сложных форм входят многие хорошо известные в письменном языке формы, из которых, однако, далеко не все встречаются так в тех сочетаниях, что здесь в аларском. Ко второй категории сложных форм, т. е. к формам, сознаваемым и ныне как сложные, относятся синтаксические обороты типа деепричастия и какой-нибудь глагольной формы от вспомогательного глагола ба-, напр., *jabāḡba bānaḡ*, или *belē* < *böläge* напр., *jabā belēp* и т. д. Формы последней категории не представляют собою сросшихся в одно целое форм, и отдельные члены таких синтаксических оборотов представляют собою формы, отдельно живущие в языке.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 95. После всего сказанного в предыдущем параграфе ясно, какую большую роль играют в спряжении вспомогательные глаголы.

Вспомогательные глаголы могут быть разбиты на две категории. Во-первых, это глаголы, играющие чисто служебную роль: они образуют со спрягаемым глаголом синтаксические сочетания, заменяющие отсутствующие в языке самостоятельные простые формы и, сочетаясь со спрягаемым глаголом, они образуют описательные формы. Значение спрягаемого глагола от присутствия такого вспомогательного глагола ничуть не изменяется: *jabā-* с таким глаголом всегда сохраняет свое значение 'ходить', напр., *jabāḡba bānaḡ* 'я хожу', *jabā belēp* 'я ходил' и т. д., и роль такого вспомогательного глагола сводится к образованию только новых форм. Эти вспомогательные глаголы, функции которых — формообразование составляют неотъемлемую принадлежность системы спряжения. В противоположность этим вспомогательным глаголам, существует другая категория вспомогательных же глаголов, которые придают значению глагола, с которым они сочетаются, особый оттенок, напр., оттенок интенсивности действия и т. п. Таков, напр., глагол *orḡo-* ~ *orḡo-* 'бросить', который придает глаголу, к которому он относится, значение окончательности действия, напр., *ēḡḡe orḡo* 'съедая бросил', т. е. 'совсем съел'.

Для того, чтобы различие вспомогательных глаголов этих двух категорий стало совершенно ясным, укажу, что без вспомогательных глаголов первой категории спряжение было бы невыразимым: достаточно указать на то, что без глагола ба- нельзя даже образовать той формы, которая соответствует нашему настоящему времени. Что же касается глаголов вспомогательных второй категории, то спряжение, если понимать под ним образование тех или иных *tempora*, ничуть не пострадало бы. Но за то

без них не обойтись, если нужно сказать, что действие совершено без остатка и т. п. Не являясь принадлежностью спряжения, формы вспомогательных глаголов второго рода играют роль, если угодно, словообразующих формантов: на вышеприведенном примере мы видим, что присутствие глагольной формы орхō- придает глаголу 'есть' значение 'съесть', причем, однако, форма ёдѣжѣ орхō 'съел' совершенно такая же форма praeteriti, как үхѣ 'умер', в образовании которой это орхō не участвует. Наоборот, форма бāнāп 'я есмь' в сочетании с деепричастием јабāжā (т. е. јабāжā бāнāп) указывает, что действие происходит именно теперь ('я иду'), в то время, как соответствующая форма јабāнāп не имеет того значения, что я иду именно теперь.

§ 96. Вспомогательный глагол а- 'быть'.

Глагол а- 'быть' принадлежит к глаголам, функцией которых является образование сложных глагольных форм. В спряжении всех глаголов этот глагол играет очень большую роль. Глагол этот принадлежит к неполным. От него сохранилось всего несколько форм, и он стоит уже на пути к полному исчезновению.

От него встречаются следующие формы:

1) Nomen futuri ахā, напр., ахā бāхā 'сущий и существующий', ахā алтā 'местопребывание' и интересная форма ахāхā в ахāхā зајаң 'судьба быть'. В письменном языке соответствует этой форме аху.

2) Converbum modale аң, напр., аң һужā 'живя существую'.

3) Converbum imperfecti ажā, напр., ажā һухаш 'ты будешь жить, существую'. В письменном языке существует ажу.

4) Converbum terminale адāлā, напр., бодот адāлā 'пока был, вставши', медѣһең адāлā 'пока был узнавшим' ('пока знал', 'в то время, как знает'), медѣ адāлā 'пока знал', медѣ-бѣ-дѣлѣ (< адāлā) 'между тем, как не знает'. В письменном языке соответствует атала.

От этого же глагола имеются отглагольные имена алтā 'существование, возможность'¹ и āлā 'местопребывание' = мо. аγali 'нрав, характер'.²

Не сохранились в качестве самостоятельно употребляемых форм очень многие формы. В этом отношении большинство монгольских наречий в том же положении, что и аларский говор, и единственное исключение представляет собою дагурское наречие, где от глагола а- сохранились почти все формы. Не сохранилось в качестве самостоятельно употребляемой формы и имя прошедшего времени (nomen perfecti) *аһаң = мо. аγsan. Это *аһаң входит зато в состав многих сложных глагольных форм. При этом оно, слившись с суффиксами разных глагольных имен, утратило свое

¹ К суфф. -лтā < *-lta ср. N. Poppe. Die Nominalstambildungssuffixe im Mongolischen. Keleti Szemle XX. Budapest, 1927, S. 113.

² Об этой форме см. там же, стр. 101.

начальное а, превратившись как бы в суффикс -hāṅ. С этим -hāṅ мы уже познакомились, когда речь шла о спряжении имен (см. § 92), и встретимся еще неоднократно дальше. Укажу здесь лишь, что сложные формы, в образовании которых участвует *ahāṅ не сознаются уже, как сложные: это *ahāṅ настолько слилось и срослось с суффиксами целого ряда глагольных имен, что -ḡshāham, напр., является теперь уже особым формантом, хотя по происхождению своему это *-ḡṣāi + aḡsan. Но что это -hāṅ не стало еще окончательно суффиксом, видим из того, что иногда в редких случаях оно закону сингармонизма не подчиняется.

Кроме -hāṅ < *ahāṅ < *aḡsan, являющегося тоже уже почти суффиксом, в аларском сохранились следы и других форм глагола а- 'быть' — это -ḡshā < *aḡṣi (nomen actoris) и -hā < *ahā (форма условная, по значению соответствующая мо. *abasu*).

Таким образом, подводя итоги, можно заметить, что от глагола а- сохранился ряд форм в качестве самостоятельно существующих форм, а некоторые из них стали уже компонентами формантов некоторых глагольных форм.

§ 97. Глагол бе- 'быть'.

Глагол бе- 'быть' — недостаточный глагол, и не все формы его употребительны. Восходит он к *bū- ~ *bō- > мо. *bū- ~ bō-* (*bükü, bölüge, bögesi* и т. д.). Наряду с этим в письменном языке имеем еще *bui* < *bu-i* < *bū-

В аларском наиболее употребительны следующие формы: 1) настоящее время бī,¹ 2) форма сомнения бīзе,² 3) прошедшее время белē.³

Все эти формы принимают показатели всех лиц (напр., бīзеп, бīзеш и т. д.). Эти формы сочетаются с разными глагольными формами, напр. *јаба белеп* 'я ходил', *ухехе бīзе* 'пожалуй умрет', *барха бīзеп* 'наверное поймаю' и т. д. Глагол этот служит средством выражения целого ряда качеств действия, которые другими наличными средствами языка не могут быть выражены, ср. напр., формы предположения, вроде *ухехе бīзе*, и поэтому он имеет большее значение для спряжения любого глагола. Так как об этих формах здесь сказано достаточно, то в дальнейшем их можно будет коснуться лишь слегка.

§ 98. Глагол бā- 'быть'.

Как и предыдущий глагол, этот глагол участвует в образовании глагольных форм, сложный характер которых ясен и без того, чтобы прибегать к лингвистическому анализу их.

В противоположность предыдущим глаголам, это живой глагол, образующий все формы, как всякий другой.

¹ Соответствует мо. *bui*.

² Соответствует мо. *bui-ja*.

³ Соответствует мо. *bölüge*.

Глагол этот сочетается с разными деепричастиями и причастиями любого глагола. Между прочим, форма настоящего времени его ба̄на̄ 'есть' (ба̄на̄п 'я ем', ба̄на̄ш 'ты еси' и т. д.), сочетаясь с *converbum imperfecti*, образует форму *praesens imperfecti*, соответствующую нашему настоящему времени, и, что следует отметить, это является единственным возможным способом образования такой формы, напр., јабажа̄ ба̄на̄п 'я иду'. В остальном, роль этого глагола и значение разных сочетаний его форм с формами других глаголов ясны сами по себе, если переводить такие сочетания дословно, напр., јабада̄к ба̄на̄п 'я постоянно ходящий ем', јаба̄ ба̄на̄п 'я ходивший ем', јаба̄на̄п ба̄на̄п 'я пошедший ем' и т. д.: формы эти, как явствует из дословного перевода их, имеют значение 'я все время хожу', 'я ходил', 'я уже ходил' и т. д. Поэтому нет надобности возвращаться к этому глаголу в дальнейшем.

Как сказано, глагол этот образует сочетания, составной характер которых ясен без всякого знания истории языка. Исключение представляет собою только сочетание *converbi imperfecti* с ба̄на̄: это ба̄на̄ часто сливается с суффиксом деепричастия -жа̄ в -жа̄на̄ (см. § 140). Таким образом, в данном случае глагольная форма ба̄на̄ становится уже составной частью суффикса совершенно так же, как *а̄на̄ уже стало компонентом многих суффиксов.

§ 99. Переходя к глаголам, образующим с глагольными формами, к которым они относятся, синтаксические сочетания с особыми оттенками значения, можно заметить, что в качестве таковых выступают очень многие. Так напр., глагол һӯ- 'сидеть, жить' в сочетании с другими имеет значение долговременного пребывания или длительного совершения действия, напр., ула̄жа̄ һӯна̄ 'плача сидит' (т. е. на одном и том же месте, не уходя, продолжительно плачет). Глагол өг- 'давать' в сочетании с другим показывает, что действие совершается в пользу другого, напр., тох̄ож̄ өг̄ө̄нө̄ 'седлая дает' (т. е. седлает для другого). Глагол јөр- 'приходить в сочетании с другими указывает, что действие совершается в процессе движения сюда, напр., аб̄ша̄ јөр̄ө̄ 'взяв пришел' (т. е. принес). Глагол ош̄о̄- 'уходить', наоборот, указывает, что действие сопровождает процесс движения туда, процесс ухода, напр., гар̄ша̄ ош̄о̄ 'выходя уходит' (т. е. выходит вон), ср. противоположное этому гар̄ша̄ јөр̄ө̄ 'выходя приходит' (т. е. выходит сюда, к нам, к говорящим и т. п.). Перечислять эти глаголы излишне, так как смысл таких сочетаний ясен сам по себе из дословного перевода их.

§ 100. На ряду с этим мы имеем глаголы, которые придают глаголам, к которым они относятся, совершенно особые оттенки значения.

Так например, большую роль играет глагол ор̄хо̄- (~ ор̄со̄- или даже ох̄о̄- ~ осо̄-) 'бросать'. В сочетании с деепричастием (преимущественно *converbum imperfecti*, см. § 153) он имеет значение заключения действия,

окончательного совершения его, напр., хая́жя орхō 'бросил' (совсем). Глагол этот часто сливается с деепричастной формой в одно целое, напр., на́раң оро́ттобо́ 'солнце зашло' (< **oruγad orkiba*).

На ряду с такими формами типа приведенной формы оро́ттобо́ имеем много форм на -шхē, -шхēt и т. д., напр., е́дешхē 'съел', е́дешхēt 'съев' и т. д. Первая из этих форм является формой praeteriti I (см. § 121), а вторая — *converbi perfecti* (см. § 154). В состав таких форм входит тот же глагол, и форму е́дешхē 'съел', хя́чхē 'бросил' я понимаю, как **idejü orkiγa*, **γayaγi orkiγa*.

На остальных возможных сочетаниях я не останавливаюсь.

§ 101. Что касается образования глагольных основ, то прибавить к тому, что является общеизвестным, можно немного.

Суффикс образования побудительных глаголов *-γa- в аларском отличается долготой гласного, иапр., бо́дхохо́ 'воздвигнуть' = мо. *bosγa*-.

Далее, считаю необходимым отметить большое распространение суффикса -шя́- (-шя́-, -шя́-) образования глаголов *intensiva*, напр., јаба́шаба́-да́ 'пошел', га́ршя́ба́т 'повышли' и т. д. Восходит суффикс этот к *-šī- > халх. -'ч'ї-,¹ ср. халх. га́р'ч'їса́ 'вышел'.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ

Обращение к первому лицу.

§ 102. *Voluntativus I*.

Форма эта выражает намерение совершить действие от имени первого лица ед. ч.

Суффиксом является -hū (-hū) с личным показателем первого лица ед. ч. -п (~-м), мн. ч. -бдэ́.

Примеры: јаба́һу́п 'пойду', јаба́һу́бдэ́ 'пойдем!'.

Часто принимает частицу да́, напр., хара́һу́м-да́ 'давай буду смотреть!'.

Реже принимает частицу -л < **ele* = мо. *ele* и в таком случае выражает неохотно даваемое согласие на совершение действия, напр., јаба́һу́лбэ́-да́ < **yabusu ele bi da* 'что ж, пойду!'.

Форма на -hū распространена и в хоринском, а также в других бурятских говорах.² Суфф. -hū восходит к **su* = мо. -*su* ~ -*su-γai*.³

§ 103. *Voluntativus II*.

Кроме указанной формы обращения к первому лицу, имеется еще другая, выражающая приглашение что-либо сделать. В отличие от первой,

¹ G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. JSFOu XXVIII, 3, § 5.

² ХБГ, § 140; Castrén, § 131; Орлов, § 104.

³ Geserica, S. 167.

ее можно бы назвать *adhortativus*. Она употребляется преимущественно в значении 1-го лица мн. ч. с показателем -бдѐ, а также без него. Формантом является -јі.

Примеры: *јабајі* или *јабајібдѐ* 'пойдем!'. Эта форма тоже принимает частицу *да*.

Форма эта находит полное соответствие в хоринском и других говорах,¹ в халхаском² и т. д.

Обращение ко второму лицу.

§ 104. Imperativus.

Форма *imperativi* второго лица ед. ч. не имеет морфологического показателя. Таковой формой является чистая основа глагола. Эта форма выражает чистое приказание без каких-бы то ни было оттенков просьбы, вежливости и т. д.

Примеры: *ошō* 'уходи!', *јѐрѐ* 'приходи!'.

С частицей *ла* (~*лā*) < *ele* (с эмфатической долготой) эта форма выражает более вежливое обращение, напр., *јаба-ла* 'иди-ка!', *јѐр-лā* 'приди-ка!'.

Точно также форма эта принимает частицу *да* и в таком случае выражает скорее разрешение на совершение действия, напр., *ошō-да* 'сходи-ка!', 'сходи-же!' и т. д.

Форма эта известна во всех монгольских наречиях и в письменном. Иногда конечный гласный основы получает эмфатическую долготу или, если основа оканчивается на согласный, то прибавляется долгий гласный, напр., *ѐгō* 'дай!'. Помимо такого эмфатического удлинения гласного, качество которого всегда то же, что предшествующего слога, в некоторых случаях появляется в конце долгий *у*, напр., *шабшū* 'ударь!'. Как эта форма, так и формы типа *ѐгō*, имеют значение более настойчивого приказания.

§ 105. Benedictivus.

Benedictivus является формой обращения ко второму лицу мн. ч. и употребляется в качестве более вежливого обращения, просьбы и т. д.

Суффикс -*гті* (реже -*гтің* или -*гті*, а также -*гтаң*).

Примеры: *ошōгті* 'отправляйтесь!', *һүгті* 'садитесь!', *ѐгегті* 'дайте!', *ѐдѐгтің* 'кушайте!', *жаргагтаң* 'наслаждайтесь!'.

Форма *benedictivi* распространена во всех бурятских говорах. В связи с этим укажу, что даваемая Рудневым форма -*ктү*³ неправильна:

¹ ХБГ, § 141; *Castrén*, § 131; Орлов, l. c.; Н. А. Подгорбунский. Материалы для грамматики разговорного бурятского языка. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва, т. ХLI. Иркутск, 1911, стр. 63. (В дальнейшем будет иметься в виду только эта работа Подгорбунского).

² ККМ, S. 10.

³ ХБГ, § 143.

в хоринском имеем, как и в аларском -гті. В халхаском соответствует -г'т'а,¹ в письменном -γtun.

Форма эта часто принимает частицы ла (ле) и да, напр., jēreγtī-lē 'иди-ка!', jabaγtī-dā 'ну, идите!'. Частица да придает этой форме оттенок большей мягкости или снисходительности обращения.

§ 106. Precativus.

Precativus есть просительная форма второго лица ед. и мн. ч. Выражает она усиленную просьбу. Образуется при помощи суфф. -ī с личными показателями -ш (ед. ч.) и -т (мн. ч.).

Примеры: jērīš 'приди пожалуйста!', jērīt 'придите пожалуйста!'.
Часто принимает частицу да, напр., jērīš-tā, jērīt-ta.

В хоринском эта форма согласно Рудневу является формой властного приказания, с частицей та — вежливой просьбы.² В других бурятских говорах имеет то же значение, что в аларском говоре.³ Такое же значение имеет и в халхаском наречии.⁴

§ 107. Praescriptivus.

Praescriptivus представляет собою повелительную форму 2-го л. ед. и мн. чисел будущего времени. Значение этой формы — приказание или поручение совершить действие впоследствии.

Суффикс -ārā (-ēre, -ōrā, -ōre) с личными показателями -ш (ед. ч.) и -т (мн. ч.), которые могут и отсутствовать.

Примеры: jabārā 'пойди!', jabārāш 'пойди!', jabārāt 'пойдите!', jērē-rēt 'придите!'.

Вопреки мнению авторов многих грамматик, эта форма письменному языку не свойственна и появляется там лишь под влиянием живой речи. Суффикс -ārā восходит к -*γaraī. Формы на -ārā хорошо известны во всех бурятских говорах,⁵ в халхаском⁶ и т. д.

Параллельной формой более вежливого обращения является сложная форма, в состав которой входит -ārā и -гті (см. benedictivus), напр., jabārā-гті 'пожалуйста пойдите!'.

Обращение к третьему лицу.

§ 108. Повелительная форма третьего лица, выражающая желание или требование, чтобы действие было совершено третьим лицом (ед. и мн. ч.), образуется при помощи суфф. -к ~ -к.

¹ ККМ, S. 6.

² ХБГ, § 145.

³ Castrén, § 131; Орлов, § 104 (стр. 63); Подгорбунский, op. cit., p. 56.

⁴ ККМ, S. 6.

⁵ ХБГ, § 144; Castrén, § 131; Орлов, l. c.; Подгорбунский, op. cit., p. 54.

⁶ ККМ, S. 5.

Пример: *jabāk* 'пусть он пойдет!'.
 К этой форме могут присоединяться еще частицы -л и *dā*, напр.,
jëreǰel-dā 'пусть они придут!'.
 Форма эта распространена во всех бурятских говорах.¹ В халхаском
 она имеет иногда значение неохотно даваемого согласия на совершение
 действия, оттенок которого она имеет в известных случаях и в аларском,
 напр., *jëreǰel-dā* 'ну, чтож, пусть придет!'.² Суффикс -к ~ -к восходит к *-*gi* и
 в письменном языке соответствия не имеет.³ Повелительная форма третьего
 лица на *-tuγai* (дэрб. Астр. -тхā), обычная в письменном языке, в аларском
 отсутствует так же, как в хоринском говоре.⁴
 Интересной формой является повелительная форма 3-го л. в бур.
 Ольх. на *-taǰāk*, где в состав суффикса входят и элемент *-*tuγai* и *-*gi*,
 напр., *jëreǰek* 'пусть придет!', *bā¹-taǰāk* 'пусть останется!'.
 § 109. Optativus есть форма желания. Она соответствует по значению
 формам optativi других языков и может быть переводима по русски „о,
 если бы я и т. д. совершил то-то и то-то!“. Имеются формы всех лиц
 обоих чисел.
 Суффиксом образования является *-hā* (~ *-hē*).
 Пример:
jabāhāp 'о, если бы я пошел!',
jabāhāш,
jabāhā,
jabāhāбдѣ,
jabāhāt,
jabāhā.
 В хоринском этой форме соответствует точно такая же.⁵ Повидимому,
 она распространена во всех бурятских говорах.⁶ В халхаском ей соответ-
 ствует *-āsā*.⁷ В письменно-монгольском языке, вопреки утверждению мно-
 гих грамматик, соответствия нет: там только под влиянием живой речи
 появляется *-γasai*. Восходит *-hā* к *-*sai*. Часто *h* в положении между глас-
 ными исчезает, напр., *ēhābē* < *ǰhābē* 'да дам я!'.
 1 ХБГ, § 147; Castrén, § 131; Орлов, стр. 65; Подгорбунский, op. cit., p. 60.
 2 ККМ, S. 9.
 3 Geserica, S. 181.
 4 ХБГ, § 148.
 5 ХБГ, § 182.
 6 Ср. Орлов, стр. 65; Подгорбунский, op. cit., p. 62.
 7 ККМ, S. 10.

Optativus-conditionalis.

§ 110. Форма эта по существу является формой желания, но с оттенком условности. Употребляется только безлично.

Суфф. -абла̄ (-эбла, -обла, -обла̄) или более полная форма — абла̄ла̄ и т. д.

Примеры: јабаблā 'если бы пошел!', ошоблā 'если бы ушел!'.

Восходит к помен imperfecti на -ā < -*ya и болhā < *bolsai (optativus).

Отрицательная форма мне не встречалась.

§ 111. Отрицанием при всех глагольных формах, перечисленных до сих пор, кроме последней, является б + краткий гласный (качества гласного первого слога глагола), который нередко исчезает вовсе.

Примеры: б-ошо 'не уходи!', бэ-јерё 'не приходи!', бэ-хелё 'не говори!', ба-һанашарха 'не терзайся!' и т. д.

Отрицание это восходит к *bū = мо. bui 'ие!'.¹ В хоринском ему соответствует бе или бӯ.²

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ

§ 112. Как сказано выше (см. § 93), изъявительные формы в большинстве своем по происхождению являются именными формами. В качестве изъявительных форм функционируют разные причастия, принимающие в качестве личных показателей предикативные суффиксы. Таким образом выходит, что причастия (именные формы) без личного показателя являются причастиями в нашем понимании этого термина, т. е. употребляются м. п. как attributum, напр., јабагша хуң 'идуший человек'. С личными показателями эти именные формы являются уже изъявительными, напр., јабагшап 'я хаживаю'. Как видно, принцип тот же, что в спряжении любого имени — хуң 'человек': хум 'я человек' = јабагша 'идуший': јабагшап 'я хаживаю' ('я есмь идущий').

Принимая суффиксы притяжания, именные формы имеют уже несколько иное значение, напр., һуха 'такой, который будет жить', һухап 'я буду жить', но һухамне 'мне следует жить' ('мое житье в будущем').

Далее, входя в состав сложных оборотов типа јаба белё 'ходил', эти именные формы функционируют как изъявительные, но по существу они в таких случаях не являются глагольными формами, но именными: как в убёте белёп 'я был беден' убёте 'бедный' есть только член сложного сказуемого, точно также в јаба белёп 'я ходил' јаба не есть глагол, но имя ('такой, который шел и продолжает идти'), так что јаба белёп дословно можно перевести 'я был шедшим'.

¹ К происхождению *bū см. G. J. Ramstedt. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. MSFOu LII, S. 198 u. f.

² ХБГ, § 142; ср. Castrén, p. 72; Орлов, стр. 112; Подгорбунский, op. cit., p. 54.

Наконец, принимая ныне, как самостоятельные именные формы, в языке отсутствующие формы глагола а- 'быть' с личными показателями, именные формы играют роль опять-таки изъявительных форм, напр., *jabāhām*. Но по существу *jabāhām* совершенно такая же форма, как *ubē'tēhēm* 'я был беден', т. е. предикативно употребляемая именная форма.

Из всего вышесказанного вытекает, что говорить здесь об изъявительных формах, если понимать под изъявительными формами такие, как изъявительные формы латыни или греческого языка, не приходится. Правильнее всего было бы даже избегать названия „изъявительные формы“ и ввести вместо них термин формы предикативные и противопоставить их формам атрибутивным. За исключением всего нескольких изъявительных форм, действительно являющихся по происхождению своему таковыми, все изъявительные формы бурятского наречия являются формами, функционирующими лишь как предикаты, но всегда могущие употребляться и атрибутивно.

Таким образом, суммируя все сказанное, можно насчет структуры предикативно употребляемых именных форм заметить, что они представляют собою либо 1) глагольное имя с личным показателем (предикативным суффиксом), напр., *jabāp*, 2) либо глагольное имя + глагольное же имя от глагола а- (напр., **aḥāṅ > -hāṅ*) + личный показатель, напр., *jabāhām*.

Почему личный показатель присоединяется не к глагольному имени, спрягаемого в данный момент глагола, а к *-hāṅ* (т. е. *jabāhām*, а не *jabāp-hāṅ*), объяснять не приходится, ибо это ясно само по себе: *jabāp* ведь является предикативной формой и потому не может быть принадлежностью сложного сказуемого при глагольной форме.

§ 113. Личное спряжение является чрезвычайно характерной чертой бурятских говоров, которые в этом отношении стоят значительно ближе к ойратским говорам, где глагольные формы изменяются точно также по лицам. В халхаском наречии, как известно, личного спряжения нет, и в этом заключается основное различие бурятского наречия и халхаского, если оставить в стороне различия фонетического характера.

По этому же признаку наличия личного спряжения и селенгинско-бурятский говор должен быть отнесен именно к бурятским говорам, хотя в фонетическом отношении он стоит значительно ближе к халхаскому наречию, ср. сохранение ч, ц, ц, џ, с и т. д., данных в остальных бурятских говорах ш, с, ж, з, һ.

§ 114. Переходя к именным формам, я даю их в следующей последовательности: сперва указываю именную форму, а затем привожу те формы, которые от нее являются образованными и употребляются предикативно.

Изъявительные формы, к которым не имеется соответствующих глагольных имен, и которые употребляются только как сказуемое, я выделяю в особую группу.

Nomen actoris.

§ 115. Nomen actoris.

Nomen actoris — имя деятеля имеет значение причастия настоящего времени.

Суффикс -гшā (-гшĕ, -гшō).

Пример: јабагшā 'ходящий' (в настоящее время).

Употребляется как определение.

Форма эта засвидетельствована во всех бурятских говорах,¹ в халхаском² и других монгольских наречиях.

Восходит к *-*γsi* = мо. *-γsi*.

С личными показателями, т. е. в роли предиката, это *praesens durativum*; с *-haŋ* < **aysan* это *praeteritum durativum* I.

§ 116. Praesens durativum.

Форма эта выражает действие, которое совершается неоднократно и совершение которого обычно для данного лица.

Пример:

јабагшап 'я хаживаю',
јабагшаш,
јабагша,
јабагшабдĕ,
јабагшат,
јабагша(т).

Форма эта наблюдается и в хоринском говоре.³ Совершенно созвучна с формой 1-го л. ед. ч. форма опасения будущего времени III лица ед. ч., указанная мне Г. Д. Санжеевым јабагшап 'как бы он не пошел'.

Форма эта, повидимому, того же происхождения, что и *praesens durativum*.

§ 117. Praeteritum durativum I.

Выражает действие, длительно и постоянно совершавшееся в прошлом.

Пример:

јабагшаһам 'я хаживал',
јабагшаһанш,
јабагшаһаŋ и т. д.

¹ ХБГ, § 165; *Castrén*, § 138.

² ККМ, S. 41.

³ ХБГ, § 151.

Спирант *h* в положении между гласными обычно исчезает и получается -гшам и т. д.

Форма эта распространена и в хоринском.¹

§ 118. На ряду с упомянутой в § 115 формой *nominis actoris* существует другая, отличающаяся только функционально: эта вторая форма атрибутивно не употребляется и употребляется только как дополнение или подлежащее, а также (с личными показателями) как сказуемое.

Суффикс -аша (-эшэ, -ошо, -ошэ).

Примеры: *jabāšā* 'тот, кто идет', *uḥā zōgōšē* 'водонос'.

Форма эта очень распространена во всех бурятских говорах,² в халхаском³ и других наречиях. Восходит -аша к *-*ḡaci* = мо. *-ḡaci* (ср. *alayaci* 'убойник').

С личными показателями образует *praesens consuetudinis*.

§ 119. *Praesens consuetudinis*.

Эта форма имеет почти то же значение, что и *praesens durativum* (§ 116).

Пример:

jabāšāp 'я вообще имею обыкновение ходить'
jabāšāš,
jabāšā,
jabāšābdē,
jabāšāt,
jabāšā(t).

В отличие от формы *praesentis durativi*, я ее называю *praesens consuetudinis*.

Nomen imperfecti.

§ 120. *Nomen imperfecti.*

Nomen imperfecti только исторически является причастием и ныне в роли такового в аларском говоре не встречается и употребляется только как изъявительная форма.

Суффикс его -а (-э, -о, -о).

Первоначально причастный характер этой формы в аларском не утратился окончательно. Следом его являются такие синтаксические обороты, как *jabā belē* и т. д.: *belē* требует при себе всегда имениных форм и сочетания из изъявительной, по происхождению, формы с *belē* невозможны, как невозможно, напр., *jabābā belē* и т. д.

¹ ХБГ, § 156.

² ХБГ, § 165; Орлов, § 107; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 88.

³ ККМ, S. 41.

В качестве причастия, эта форма является общей для большинства остальных бурятских говоров,¹ для халхаского² и др. наречий. Восходит -а к $^*γa = \text{мо. } -γa$.

С личными показателями образует praeteritum I, с -гшā < $^*aγci-$ praeteritum durativum II и с -hāṅ < *aγsan — plusquamperfectum.

§ 121. Praeteritum I.

Эта форма выражает действие, совершавшееся вообще в прошлом без уточнения, совершалось ли оно давно или недавно, завершено ли действие окончательно или нет. В силу такой неопределенности качества выражаемого действия, форма эта является, как правильно заметил еще Подгорбунский,³ наиболее распространенной формой прошедшего времени

Примеры:

јабап 'я ходил',	јөрөп 'я пришел' ('и нахожусь здесь'),
јабаш,	јөрөш,
јабā,	јөрө,
јабабдө,	јөрөбдө,
јабат,	јөрөт,
јабā(т),	јөрө(т).

Форма эта распространена во всех бурятских говорах.⁴

§ 122. Praeteritum durativum II.

По значению совпадает почти с формой praeteriti durativi I. Восходит к попен imperfecti с -гшā < *aγci . Формантом, таким образом, является -агшā.

Пример: бāгагшāп 'я бывал'.

§ 123. Plusquamperfectum.

Выражает действие давнопрошедшее, которое уже в прошлом могло считаться совершившимся до того. Эту форму образует попен imperfecti с -hāṅ, и формантом этой формы является -āhāṅ.

Пример:

јабаһам 'я ходил' (уже тогда был ходившим),
јабаһайш,
јабаһаṅ и т. д.

Распространена в хориинском говоре⁵ и других бурятских говорах. В халхаском образует perfectum imperfecti.⁷ Восходит к $^*γa aγsan$.

¹ ХБГ, § 167; Орлов, § 107; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 91.

² ККМ, S. 26.

³ Подгорбунский, *op. cit.*, p. 77.

⁴ ХБГ, § 152; Castrén, § 113.

⁵ ХБГ, § 158.

⁶ Castrén, § 115.

⁷ ККМ, S. 33.

Nomen perfecti.

§ 124. Nomen perfecti.

Форма эта имеет значение причастия прошедшего времени совершенного.

Суффикс ее -һаң (-һең, -һоң).

Примеры:

јабаһаң 'пошедший', ухёһең 'умерший'.

Причастие это распространено во всех бурятских говорах,¹ в халхакском² и т. д. Восходит к *-*γsan* = мо. *-γsan*. С личными показателями образует форму недавнего прошедшего времени.

§ 125. Praeteritum II.

Форма эта встречается обычно в таких предложениях, в которых имеется еще какая-нибудь другая глагольная форма и выражает в таких случаях действие, совершавшееся одновременно с действием, выражаемым другой глагольной формой.

Пример:

јабаһам 'я ходил' (когда было то-то),
јабаһайш,
јабаһаң,
јабаһамдё,
јабаһант,
јабаһаң.

В хоринском эта форма отсутствует, но имеется по словам Руднева в агинском говоре.³

Перевод на русский язык некоторых приведенных пока форм прошедшего времени не дает ясного представления о качестве выражаемых ими действий. Гораздо удачнее они могут быть переведены на немецкий язык: *ich ging* (praeteritum I), *ich bin gegangen* (praeteritum II), *ich war gegangen* (plusquamperfectum).

Nomen futuri.

§ 126. Nomen futuri.

Nomen futuri имеет значение причастия будущего времени.⁴

Суффикс -ха (-хе, -хо).

¹ ХБГ, § 166; Castrén, § 137; Орлов, § 107; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 92.

² ККМ, S. 27.

³ ХБГ, § 155.

⁴ ХБГ, § 168; Castrén, § 133; Орлов, § 107; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 93;

Примеры:

јабаха́ 'тот, который пойдет', ухэхэ́ 'moriturus' и т. д.

Форма эта известна многим грамматикам, как неопределенное наклонение, почему јабаха́ ~ јабах́ переводится м. п. как 'итти'.

Распространена во всех бурятских говорах. Восходит к *-*χи* = мо. *-χи*.
С личными показателями (предикативно) это форма будущего времени (futurum I), с *-һаң* это perfectum futuri.

§ 127. Futurum I.

Значение этой формы — будущее время.

Пример:

јабах́ап 'я пойду',
јабах́аш,
јабах́а,
јабах́абдэ,
јабах́ат,
јабах́а(т).

С суффиксами притяжания вместо названных выше личных показателей (предикативных суффиксов) форма эта выражает желание совершить действие, указывая на то, что следует совершить его или придется совершить.

Пример:

јабах́амнэ́ 'мне хочется (придется) пойти',
јабах́ашнэ́,
јабах́а,
јабах́амнā,
јабах́атнā,
јабах́а.

Форма второго лица ед. ч. *-хаш* часто имеет значение повелительной формы или оттенок уверенности, напр., *јёрхэш* 'ты придешь' — 'ты непременно придешь' — категорическое приказание, не допускающее никаких возражений, ср. русск. „вы сейчас же пойдете!“.

Эта форма futuri хорошо известна во всех бурятских говорах.¹

§ 128. Perfectum futuri.

Форма эта имеет значение сослагательного наклонения и может быть переведена как „следовало бы...“, „сделал бы то-то и то-то“. Она выражает несбыточное желание или раскаяние, в результате того, что нечто,

¹ ХБГ, § 161; Castrén, § 119; Подгорбуинский, op. cit., p. 84.

что следовало бы сделать, осталось несделанным. По русски довольно хорошо переводится сослагательным наклонением.

Восходит к *nomem futuri* с *ahāṅ > -hāṅ, т. е. имеем -xāhāṅ с личными показателями, причем h часто исчезает и гласные сливаются в один долгий.

Пример:

jabxāhām 'пошел бы я',
jabxāhāṅш,
jabxāhāṅ,
jabxāhāmдэ,
jabxāhāнт,
jabxāhāṅ,

jaxāshxě jaxām 'хоть что сделать, сделал бы я!' (= 'что поделаешь!' 'ничего не поделаешь', 'чтобы ни сделал, все напрасно, уже слишком поздно!'); jamār nūsā bāxāhām (с эмфатической долготой) 'какие у меня секреты!'.

Форма эта известна в хоринском¹ и в других говорах,² а также в халхаском.³

Nomen usus.

§ 129. Nomen usus.

Nomen usus или причастие настоящего времени многократное имеет значение „имеющий обыкновение что-либо делать“.

Суффикс его -дак (-дэк, -дөк).

Пример:

jabāдак 'имеющий обыкновение ходить', 'неоднократно ходящий'.

Имя это известно во всех бурятских говорах,⁴ халхаском⁵ и других монгольских наречиях. Восходит к -*daγ = мо. -daγ.

С -hāṅ < *ahāṅ образует praeteritum usus.

§ 130. Praeteritum usus.

Форма эта выражает действие, которое было в обычае совершать прежде.

¹ ХБГ, § 160.

² Castrén, § 128.

³ ККМ, S. 35.

⁴ ХБГ, § 164; Castrén, § 138; Орлов, § 107; Подгорбунский, op. cit., p. 90.

⁵ ККМ, S. 30.

Пример:

jabdaḡḡam 'я имел обыкновение ходить',
 jabdaḡḡaiṣ,
 jabdaḡḡaṅ и т. д.

Форма эта распространена в хоринском говоре,¹ в халхаском наречии² и т. д.

Nomen descriptionis.

§ 131. Это отглагольное имя является всегда качественным или количественным определением и может быть переводимо „такой, что...“, „до того, что...“.

Суффикс его -ма (-мё, -мõ).

Примеры: тёнјертё хурёмё саḡаṅ ёргõк 'белая ставка, которая может достигнуть неба'; мина хаяжа уралдама херенсё 'крыльцо, на котором можно бегать взапуски стегая (коня) плетью'; хоḡтõмõ арса 'водка от которой можно опьянеть', гаṅ гемё халун 'жара такая, что можно сказать засуха'; дёргёмё халун 'палящий зной' и т. д. Восходит к *-*ta* = мо. *-ta*.

Форма эта имеется и в хоринском говоре,³ в халхаском⁴ и др. наречиях.

Nomen acturi.

§ 132. Форма эта уже не принадлежит к живым и сохранилась лишь в некоторых омертвельх образованиях. Значение ее „такой, который может, способен сделать то-то и то-то“.

Суффикс ее -мәр (-мёр).

Пример: ёдёмёр 'тот, кто может много съесть', 'обжора', ж-алдямәр 'такой, который может потерять своего хозяина' (ругательство) и т. д.

Форма эта более распространена в хоринском⁵ и некоторых других бурятских говорах,⁶ также в халхаском (-мәр или -мәр)⁷ и т. д. Восходит к *-*mar* = мо. *-mar*.

Nomen exacti.

§ 133. Nomen exacti, имеющее значение имени, испытавшего на себе действие, засвидетельствовано лишь в немногих случаях.

Суффикс его -мәл.

¹ ХБГ, § 157.

² ККМ, S. 35.

³ ХБГ, § 180.

⁴ ККМ, S. 37.

⁵ ХБГ, § 180.

⁶ Ср. Castrén, § 138.

⁷ ККМ, S. 38.

Восходит к $-*mal$ = мо. *mal*.

Пример: зур^ам^ал 'разрисованный'.

Форма эта известна в хоринском¹ и других говорах,² в халхаском³ наречии и т. д.

Nomen status.

§ 134. Так называю я глагольное имя, имеющее значение причастия прошедшего времени страдательного залога, напр., „поставленный“. Форма эта чрезвычайно распространена в аларском говоре.

Суффикс ее $-atē$ ($-etē$ и т. д.).

Примеры: там^гар дар^атē 'к которому приложена печать', у^јатē 'при-
вязанный', һүл^гатē 'посаженный', хөмрүлөтē 'опрокинутый' и т. д.

Форма эта хорошо известна в ойратских говорах, ср. дэрб. Астр. ölgātā 'повешенный', в халхаском ср. хētē 'инкрустированный' и т. д. В прежних исследованиях бурятских говоров она не упоминается. Восходит она к *nomen imperfecti* $-ā$ < $-*ya$ + суфф. $-tē$ < $-*tai$.

Nomen cupiditatis.

§ 135. Мною сохранено здесь это название, присвоенное одной халхаской форме,⁴ хотя в аларском говоре она имеет несколько иное значение, чем там. Форма эта имеет значение „нечто, что подходит, годно для того-то и того-то“, „нечто, что питает склонность к тому-то“.

Суффикс $-maḡā$ ($-meḡē$).

Пример: һамаḡā^і һең 'корова, которую можно донть'.

Форма эта имеется и в хоринском.⁵

Nomen possibilitatis.

§ 136. Имя это имеет значение „такой, который может...“. Употребляется только с отрицанием $үбē$ и значит в таком случае „такой, который не может...“.

Суффикс его $-šā$ ($-šē$).

Пример: шөлжөршө $үбē$ шөрөң „непоколебимый престол“.

Форма эта имеется и в хоринском⁶ и очень распространена в халхаском.⁷

Восходит $-šā$ к $-*si$ = мо. $-si$.

¹ ХБГ, стр. CVII.

² Ср. Орлов, § 38.

³ ККМ, S. 38.

⁴ ККМ, S. 39.

⁵ ХБГ, стр. CVIII.

⁶ ХБГ, стр. CXI.

⁷ ККМ, S. 40.

Nomen actionis.

§ 137. Имя это имеет значение „такой, которого следует сделать“.
Суффикс его -лтэ (-лтэ).

Примеры: јаба́лтэ 'нужно итти', һу́лтэ со́л 'дом, в котором следует жить'.

Соответствующая отрицательная форма образуется при помощи суфф. -л или -лтэ (-лтэ и т. д.) с у́беⁱ, напр., јаба́л у́беⁱ 'без хождения', јаба́лтэ у́беⁱ газа́р 'местность, куда не следует ходить' и т. д.

Форма эта распространена в хоринском говоре,¹ в халхаском² и других наречиях.

Восходит -лтэ к -*l+-суфф. -*tai.

§ 138. Все именные формы принимают в качестве отрицания у́бе. В отрицательном спряжении в изъявительных формах, образованных от именных, мы поэтому тоже встретимся с этим у́беⁱ (см. § 147).

ИЗЪЯВИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ³

§ 139. Praesens imperfecti.

Форма эта выражает действие, совершаемое, если угодно, вне времени. Она очень часто встречается, напр., в языке эпических произведений, где глаголом в этой форме выражается действие, которое в эпоху, о которой идет речь, действительно совершалось в настоящем времени (praesens historicum).

Суффиксом является -на (-не, -но). Личные показатели: -п (~-м), -ш, -бдэ (~-мдэ), -т. Личным показателем третьего лица мн. ч. является часто, но не обязательно, тоже -т.

Пример:

јаба́нап (~ јаба́нам) 'я иду',
јаба́наш,
јаба́на,
јаба́набдэ (~ јаба́намдэ),
јаба́нат,
јаба́на(т).

В хоринском и других бурятских говорах соответствует то же самое.⁴ Также образуется эта форма и в халхаском.⁵ Соответствующие, по значению, формы письменного языка -*туй* и -*нат*. Восходит -на к -*na.

¹ ХБГ, стр. CVI.

² ККМ, S. 40.

³ Изъявительные *par excellence*, никогда не употребляемые в качестве определенных или подлежащих, но только как *verbum finitum*.

⁴ ХБГ, § 150; Castrén, § 140; Орлов, § 105; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 72.

⁵ ККМ, S. 15.

§ 140. Когда требуется выразить, что действие происходит именно в тот момент, когда об этом говорится, что действие еще продолжается и не кончилось, что оно относится ни к прошлому, ни к будущему, но именно к настоящему, тогда употребляется описательный синтаксический оборот: глагол в форме деепричастия соединительного (*converbum imperfecti*) и при нем форма настоящего времени вспомогательного глагола $\bar{b}\bar{a}^1$.

Пример:

- јабажа $\bar{b}\bar{a}$ нап 'я иду',
 „ $\bar{b}\bar{a}$ наш,
 „ $\bar{b}\bar{a}$ на,
 „ $\bar{b}\bar{a}$ набдѣ,
 „ $\bar{b}\bar{a}$ нат,
 „ $\bar{b}\bar{a}$ на(т).

Глагольная форма $\bar{b}\bar{a}$ на при этом часто как бы сливается с деепричастной формой глагола и получается:

- јабажанап (~ јабажанам),
 јабажанаш,
 јабажанā и т. д.

Получается нечто вроде особого форманта $\bar{j}\bar{a}\bar{n}\bar{a}$, как в ойратских говорах, ср. в дэрбетском $\bar{s}\bar{u}\bar{c}\bar{a}\bar{n}\bar{a}\bar{w}$ 'я сижу'. Такая конструкция очень распространена во всех бурятских говорах,¹ в халхаском² и др. наречиях, где заменяет отсутствующую отдельную форму, которая означала бы, что действие происходит именно сейчас.

Аналогично этой форме настоящего времени образуются формы:

- $\bar{j}\bar{a}\bar{n}\bar{a}\bar{n}$ < $^*j\bar{i}$ *bayıysan*,
 $\bar{j}\bar{a}\bar{n}\bar{a}\bar{k}$ < $^*j\bar{i}$ *bayidaγ*,
 $\bar{j}\bar{a}\bar{n}\bar{a}$ < $^*j\bar{i}$ *bayıya*.

§ 141. Praeteritum praesentis.

Форма эта выражает действие, совершившееся только что.

По происхождению своему это сложная форма, в состав которой входит суффикс *praesentis imperfecti* -на и -наң < $^*a\bar{n}\bar{a}\bar{n}$ (nomen perfecti от а- 'быть').

Примеры: $\bar{e}\bar{l}\bar{g}\bar{e}\bar{n}\bar{e}\bar{n}\bar{e}\bar{n}$ 'послал' (только что), 'посылает' в следующем контексте — $\bar{b}\bar{a}\bar{b}\bar{a}\bar{t}\bar{n}\bar{a}$ $\bar{t}\bar{a}\bar{n}\bar{a}$ $\bar{j}\bar{e}\bar{r}\bar{x}\bar{e}$ геже уржа $\bar{e}\bar{l}\bar{g}\bar{e}\bar{n}\bar{e}\bar{n}\bar{e}\bar{n}$ геже хелёбѣ 'он сказал: ваш отец посылает (послал) [сказать], чтобы вы пришли';

¹ ХБГ, § 136; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 73.

² ККМ, S. 16.

хебтѣнн̄аң 'лег'; бунн̄аң 'спустился'; жабанн̄аң 'шел' ('идет'). В зависимости от контекста эта форма может переводиться настоящим или прошедшим временем. Она может быть поэтому названа *praeteritum praesentis*. Все же, в ее отношении к формам прошедшего времени, ибо она всегда выражает действие уже совершившееся.

Как известно, *-наң* < **аһаң* может присоединяться только к именным формам и это доказывает, что суфф. *-на* по происхождению своему именной. На это указывает и отрицательная форма *-набоп* и т. д. (см. § 147).

§ 142. *Praesens perfecti*.

Эта форма выражает действие совершенное, совершенность которого не подлежит никакому сомнению. Поэтому она может переводиться „как известно, произошло то-то и то-то“.

Часто этой формой выражается действие, которое говорящим мыслится, как уже совершившийся факт. Так напр., собираясь уходить, могут сказать: „ну, я пошел!“, хотя говорящий еще не ушел. То, что он через несколько секунд будет уже ушедшим, для него не подлежит сомнению. По сообщению Г. Д. Санжеева, эта форма может иногда выражать опасения перед возможностью совершения действия.

Суффикс *-л̄а* (~ *-л̄е*).

Пример:

жабал̄ап 'я пошел',
жабал̄аш,
жабал̄а,
жабал̄абд̄е,
жабал̄ат,
жабал̄а.

Суффикс *-л̄а* восходит к **lai* ~ *luγai* = мо. *luγa*. Форма эта чрезвычайно распространена в халхаском.¹ В хоринском говоре она отсутствует, но имеется в других бурятских говорах.³

§ 143. *Praeteritum II*.

Этой формой выражается действие, совершенное в недавнем прошлом, причем действие краткое, длившееся недолго.

Образуется при помощи суфф. *-ба* (*-б̄е*, *-б̄о*).

Пример:

ошоб̄оп 'я ушел' (только что),
ошоб̄ош,
ошоб̄о,

¹ ККМ, S. 17.

² ХБГ, § 153.

³ Castrén, § 116; Орлов, § 105; Подгорбуинский, *op. cit.*, p. 81.

ошоббдѣ,
ошобот,
ошобот(т).

Распространена в хоринском и других бурятских говорах,¹ в халхаском² и т. д. Восходит -ба к *-*ba* = мо. *-ba* ~ *-bai*.

§ 144. Futurum II.

Форма эта выражает действие, которое будет совершено в неопределенном будущем, и имеет сплосшь да рядом значение вынужденного огласия на совершение действия.

Суффиксом является -ужа (-ужё) с личными показателями.

Пример:

јабужап 'ужо как-нибудь пойду',
јабужаш,
јабужа,
јабужабдѣ (~ јабужамдѣ),
јабужат,
јабужа.

Довольно часто форма эта принимает частицу -л, ср. јабужалта 'вы ужо придете когда-нибудь'.

Форма эта известна также в хоринском.³ В халхаском, где она встречается очень редко, она имеет значение *dubitativi* (форма опасения „как бы не пришел“).⁴ Восходит к *-*ɣujai* = мо. *-ɣujai* (*dubitativus*).

ФОРМА ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

§ 145. Сомнение выражается формой бѣзѣ = мо. *bui-ja* с причастием другого глагола, напр., јабха бѣзѣ 'вероятно придет', јабѣ бѣзѣ 'вероятно пошел', јѣрхѣ бѣзѣп 'вероятно я приду', бѣрхѣ бѣзѣш 'вероятно поймашь' и т. д. В хоринском бѣзѣ уже слилось с причастной формой, к которой оно относится и получился как бы суффикс -абзѣ.⁵ Аналогичную аларской конструкции находим и в других говорах.⁶

§ 146. Будущее предположительное.

От этой формы наблюдается только третье лицо ед. ч. Выражает она действие, которое может совершиться.

¹ ХБГ, § 154; Орлов., § 105; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 80.

² ККМ, S. 19.

³ ХБГ, § 162.

⁴ ККМ, S. 90.

⁵ ХБГ, § 190.

⁶ Ср. *Castreñ*, § 126.

Суффикс -хай (-хой).

Пример: хур^а орх^{ой} 'дождь, пожалуй, пойдет'.

Такая форма наблюдается и в халхаском, ср. бор^о орх^{он}, т'а jawx^{ану} „вы пойдете что-ли?“ и т. д., в ойратских говорах, ср. хур орх^{ой} и т. д. Восходит к форме *poiminis futuri* с частицей сомнения **ni*.¹

§ 147. Отрицанием при изъявительных формах является *убе^і* 'нет' = мо. *ügei*, которое присоединяется непосредственно к глагольной форме, причем личные показатели присоединяются тогда к *убе^і*. В отрицательных сложных формах, происшедших от тех или иных глагольных имен и **ahañ* > -*һаң*, отрицание *убе^і* ставится между глагольным именем и -*һаң*, причем личные показатели в таких случаях присоединяются уже к -*һаң*.

Схема: 1) глагольная форма + *убе^і* + личный показатель;

2) глагольн. имя + *убе^і* + -*һаң* + личный показатель.

Отрицание *убе^і* появляется как бы в роли инфикса и является инкорпорированным.

В случаях под 1), т. е. когда *убе^і*, присоединяемое к глагольной форме, принимает личные показатели, оно в известных случаях сокращается и подвергается разным изменениям.

Показателя личного для третьего лица обоих чисел нет, и *убе^і* сохраняется в этом виде, теряя только свой начальный гласный.

С показателем первого лица *убе^і* дает в формах с задним вокализмом -*б̄о*-, т. е. -*б̄оп* в единственном числе и -*б̄обд̄е* во множественном числе, и в формах с передним вокализмом -*б̄оп* и -*б̄обд̄е*. С показателем второго лица обоих чисел *убе^і* дает -*б̄е* ~ -*б̄е^і*, т. е. -*б̄еш* и -*б̄ет* (~ -*б̄е^іш* и -*б̄ет^і*).

Получается следующего рода картина:

- 1 л. ед. ч. -*б̄оп* (-*б̄оп*),
- 2 л. ед. ч. -*б̄еш*,
- 3 л. ед. ч. -*б̄е^і*,
- 1 л. мн. ч. -*б̄обд̄е* (-*б̄обд̄е*),
- 2 л. мн. ч. -*б̄ет*,
- 3 л. мн. ч. -*б̄е^і*.

Отрицательная форма *praesentis imperfecti* (см. § 139) образуется путем наращивания -*б̄оп* и т. д. к -*на* (-*не*):

jab^аna**б̄оп** я не иду,
 jab^аna**б̄еш**,
 jab^аna**б̄е^і**,
 jab^аna**б̄обд̄е**,
 jab^аna**б̄ет**,
 jab^аna**б̄е^і**.

¹ Geserica, S. 184.

Так как $\dot{y}be^i < *ügei$ в монгольских наречиях является отрицанием только при именах, это доказывает, что $-на$ первоначально является суффиксом глагольного имени.

Praesens durativum отрицательное $-гшаб\dot{o}п$ и т. д., напр., $јабагшаб\dot{o}п$ 'я не имею обыкновения ходить'.

Praeteritum I отрицательное $-аб\dot{o}п$ и т. д., напр., $јабаб\dot{o}п$ 'я не ходил' ('я еще не ходил').

Futurum I отрицательное $-хаб\dot{o}п$, $-хабеш$ и т. д., напр., $јабхаб\dot{o}п$ 'я не пойду'.

Переходя к сложным, по происхождению, глагольным формам, возникшим из глагольного имени и $-һаң < *ahaң$, можно заметить, что $\dot{y}be^i$ и здесь оказывается инкорпорированным, оказываясь между глагольным именем и $-һаң$. При этом $\dot{y}be^i$ в первом лице обоих чисел дало $-б\dot{o}$, а во втором и третьем сохранилось как $-бе^i$. Получается следующего рода формант:

- 1 л. ед. ч. $-б\dot{o}һаң$,
- 2 л. ед. ч. $-бе^i һаңш$,
- 1 л. мн. ч. $-б\dot{o}һаңдә$,
- 2 л. мн. ч. $-бе^i һаңт$.

Plusquamperfectum отрицательное $-аб\dot{o}һаң$, $-абеш һаңш$ и т. д., напр., $јабаб\dot{o}һаң$ 'я не был ходившим', 'не ходил' (когда было то-то и то-то).

Praeteritum durativum отрицательное $-гшаб\dot{o}һаң$ и т. д. напр., $јабагшаб\dot{o}һаң$ 'я не хаживал'.

Praeteritum usus отрицательное $-даг\dot{o}һаң$, $-дагбеш һаңш$ и т. д., напр., $јадаг\dot{o}һаң$ 'я не имел обыкновения ходить'.

Perfectum futuri отрицательное $-хаб\dot{o}һаң$ и т. д., напр., $јабхаб\dot{o}һаң$ 'не ходил бы'.

Таковы отрицательные глагольные формы именного происхождения. Что касается чисто-глагольных, по происхождению, форм, напр., praesens perfecti ($-ла$), preteritum II ($-ба$), futurum II ($-ужа$), то от них отрицательных форм нет. Любопытно заметить, что, в частности, отсутствуют те отрицательные формы, которые в письменном языке имеют ese или $ülü$, и имеются только те, которые в письменном языке принимают $ügei$. Только в эпическом языке, где сохранились отрицания $ül\check{e} < *ülü$ и $eh\check{e} < *ese$, возможны такие формы, как $ül\check{e} хүсөбө$ 'не достиг'.

УСЛОВНЫЕ ФОРМЫ

§ 148. Conditionalis I.

Форма эта соответствует условному наклонению. Переводится словами „если совершится то-то и то-то“.

Образуется при помощи суффикса -ба́л (-бе́л, -бо́л). В качестве личных показателей принимает личные притяжательные суффиксы:

1 л. ед. ч.	-ба́лнĕ,
2 л. „ „	-ба́лшнĕ,
3 л. „ „	-ба́л,
1 л. мн. ч.	-ба́лна,
2 л. „ „	-ба́лтна,
3 л. „ „	ба́л.

Примеры: захă тобшо таһарба́л 'если оторвется пуговица воротника'; хунĕ хемдĕ оробо́л 'если достигнет человеческого роста' ('если станет взрослым'); унага́ба́л 'если свалит'; таба́ба́лшнĕ 'еслипустишь'; хортó шортó да́нда гарха́ја те́хорбе́лнĕ 'если я снаряжусь, чтобы выйти на зловердного и зловещего врага'.

В хоринском такой формы нет,¹ но в других бурятских говорах она встречается.² В халхаском соответствует ей форма на -wál.³ Восходит -ба́л к *-bala < *-ba ele и соответствует по значению письменному -basu.

§ 149. Conditionalis II.

По значению эта форма совпадает с предыдущей.

1) Образуется при помощи суфф. -hā (-hē ~ -hā, -hō) с личными показателями.

Примеры: болһомнĕ 'если я сделаюсь'; ју өгĕһāш 'если что дашь'; һарă геһĕ 'если сказать луиа'; үк'к'иң зајаң болһо 'если судьба помереть'; үхĕһĕ танāрā 'если умереть, то с вами'; ошһоһо ошш-тā 'коли уходить, то уходи'!

2) По значению совпадает с формой на -hā и т. д. форма на -āhā (-ēhā, -ōhā), напр., јаба́hā 'если пойдет', ошо́hā 'если уйдет' и т. д.

В хоринском этой форме соответствует форма на -āhā (-ēhā, -ōhā), а форма, указанная выше под 1), не засвидетельствована.⁴

Вторая форма отличается от первой тем, что -hā, во-первых, всегда сохраняет гласный ā, независимо от вокализма глагола, а во-вторых, этому суффиксу предшествует долгий гласный. Поэтому можно полагать, что формы на -āhā по происхождению своему сложные, в образовании которых участвует *ahā от глагола а- 'быть'. Что касается первого долгого ā (в -āhā), то, повидимому, это суффикс nominis imperfecti. Другими словами, формы типа јаба́hā восходят к *yabuуа asuуа.

¹ ХБГ, § 183.

² Ср. Орлов, § 106; Подгорбунский, op. cit., p. 96.

³ ККМ, S. 45.

⁴ ХБГ, § 183.

Что касается аларского суффа. -hā, то он восходит к *-suḡa, напр., jabāhā < *yabusuḡa. Суффикс *-suḡa, и в хоринском (в -āhā), и в аларском того же происхождения, что суффиксы optativi.¹

§ 150. Conditionalis III.

В аларском, кроме указанных форм conditionalis, существует еще одна. Это не есть самостоятельная форма, но синтаксическое сочетание *pominis imperfecti* с частицей хада ~ хедā.

Примеры: jabā-хадā 'если пойдет', орō-хадā 'если войдет', хелē-хедā 'если скажет'.

Соответствующей формой прошедшего времени является -hīmē хадā, напр., jabāhīmē-хедā 'если пошел'. Суффикс -hīmē восходит к суффу. *pominis perfecti* -hāñ < *ḡsan + īmē < *ḡḡma.

§ 151. Concessivus.

Concessivus или уступительная форма, как отдельная форма, отсутствует. В уступительном значении употребляется форма *pominis imperfecti* с уступительной частицей -шхē < *cigi = мо. *cu* и обычно с условной формой глагола бол- 'делаться' (болhō).

Примеры: ūlāshē болhōmñē 'хоть я и буду плакать', алāshē болhō 'хотя бы и убил', гертēshē бāḡāhā 'хоть находился бы в своей юрте'.

В этом же значении, но чаще в значении прошедшего времени, употребляется форма на -hāñshē < -ḡsan -cigi с болhō, напр., jabāhāñshē болhō 'хотя и пошел'.

В значении *concessivi* употребляется также форма conditionalis II на -hā с уступительной частицей -шхē, напр., андāлдāhāñshē 'хоть бы ты и обменял'.

§ 152. Отрицательные формы образуют из упомянутых в отделе условных conditionalis III и concessivus. Отрицание то же, что при *pomen imperfecti*, т. е. убē¹.

Примеры: jēre-бē¹-хедā 'если не придет', jēre-бē¹шхē болhō 'хотя и не придет'.

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ

§ 153. Converbum imperfecti.

Converbum imperfecti или деепричастие соединительное выражает действие, определяющее другое и подчиненное ему.

Суффиксом его является -жā (-жē, -жō), -шā (-шē, -шō).

Примеры: jabāжā 'идя', бошшō < *бодшō 'вставая' и т. д.

С частицей -л < *ele* имеет значение более продолжительного действия, напр., hūжāl бāñā 'живет все'.

¹ Ср. ККМ, S. 105.

Деепричастие это принадлежит к наиболее распространенным и участвует, между прочим, в некоторых синтаксических оборотах, заменяющих отсутствующие отдельные глагольные формы, напр., *јабажа баина* 'идет' ('идя есть'). Слияясь с некоторыми формами вспомогательного глагола **байи*- 'быть', деепричастие это входит в состав таких форм, как:

- жāнā (Praesens imperfecti),
- жāбāt < **ји байад*,
- жāжā < **ји байји*,
- жāсрā < **ји байитара ~ atala* и т. д.

В хоринском соответствует ему -жи,¹ то же и в других бурятских говорах,² в халхаском -цї³ и т. д. Восходит к **-ји* = мо. **ји*.

Форма эта очень часто играет роль *verbi finiti*, встречаясь в предложениях, где никаких других глагольных форм нет. В таких случаях она имеет всегда значение третьего лица прошедшего времени и в точности соответствует халхаскому *praeteritum imperfecti* на -цї⁴ и мо. -*јицхи* < **ји-цхи*.

§ 154. Converbum perfecti.

Converbum perfecti или разделительное деепричастие выражает действие, предшествующее другому и законченное, напр., 'уйдя'.

Суффиксом является -āt (-ēt, -ōт, -ōт).

Примеры: *јабāt* 'пошедши', *ошōт* 'уйдя', *јерēt* 'придя', *өгōт* 'давши' и т. д. В других бурятских говорах, в халхаском и т. д. соответствует то же.⁵ Восходит к **-γад* = мо. -*γад*.

§ 155. Converbum modale.

Деепричастие это всегда определяет качество другого и имеет значение русского деепричастия настоящего времени.

Суффикс -ң. Положительная форма встречается сравнительно редко и можно поставить вопрос, является ли эта форма живой, так как она засвидетельствована мною всего несколько раз от глагола а- 'быть', напр., *аң һужā* 'существуя, живя' и некоторых других, напр., *јабаң* 'ходя', ср. еще омертвелое образование *удешелен* 'вечером' (< **üdesi-le-n*). Отрицательная форма с *убэ*¹ встречается зато очень часто. При этом отрицание *убэ* обычно является в форме *instrumentalis*, напр., *алаңбейер* 'не убивая', *хараңбейер* 'не видя'. Под влиянием б звук н (> ң) суффикса дает часто м, напр., *харамбейер* 'не видя', *харамбэ*¹ *јабап* 'я ходил, не видя' ('ходил и не видел').

¹ ХБГ, § 169.

² *Castrén*, § 134; Орлов, § 106; Подгорбунский, *op. cit.*, p. 100.

³ ККМ, S. 46.

⁴ ККМ, S. 18.

⁵ ХБГ, § 170; *Castrén*, § 135; Орлов, l. c.; Подгорбунский, l. c.; ККМ, S. 47.

Форма эта так же редка и в хоринском,¹ но засвидетельствована и в селенгинском² и других говорах.³ Довольно редка эта форма и в халхаском.⁴ Восходит -ң к *-n = мо. -n.

То обстоятельство, что деепричастие это принимает отрицание үбē¹, показывает, что оно именного происхождения.

§ 156. Converbium terminale.

Эта деепричастная форма переводится словами „до тех пор, как...“, „так, что...“, „пока происходило то-то и то-то“.

Образуется при помощи суфф. -сәр (-сёр, -сөр), который часто и даже обычно теряет свой конечный р, т. е. суффиксом в таком случае является -сә (-сё, -сё).

Примеры: јаба́сәр 'пока пойду', 'до тех пор, как пойду', гарсә 'так, что вышел'.

Обычно форма эта принимает суффиксы личного или безличного притяжания, напр., јабса́рин 'пока он шел', тисёр јаса́рин 'пока делал так и что делал', јаба́сара 'пока пойдет' и т. д. С притяжением суффиксом является всегда -сәр и теряет свой р только в случаях, когда нет притяжания.

Восходит -сәр к *-tara = мо. -tala. В большинстве бурятских говоров соответствует -тәр(а).⁵ В халхаском наиболее обычным является суфф. -т'ал,⁶ но в северной Халхе, к северу от Уланбатора до советской границы и до Селенги на запад чаще наблюдается суфф. -т'ар.

Суфф. *-tala ~ *-tara дал в аларском -сәр. Но от глагола а- 'быть' сохранилась форма на -дәл, ср. адәл в бодот адәл 'пока пребывал встав', үзэ-бэ¹-дәл < *üjege ügei atala 'пока еще не увидел'. Этот суффикс восходит к *-tala. Ему соответствует в некоторых бурятских говорах -дәл,⁷ а в халхаском по Рамstedту -дәл ~ -дәл.⁸ Повидимому, раньше существовало в языке чередование *-tala ~ *-tara. Эти чередующиеся формы дали:

1) *-tala > мо. -tala, халх. -дәл, аларск. -дәл в адәл;

2) *-tara > халх. -т'ар, общепурятск. -тәр и аларск. -сәр.

Подгорбунский отделяет упоминаемую у него тоже форму на -сәр от формы на -тәр и возводит -сәр к -мсәр.⁹ Такое разграничение этих

¹ ХБГ, § 176.

² Castrén, § 134.

³ Ср. Bálint, op. cit., p. 224; Орлов, § 106; Подгорбунский, op. cit., p. 102.

⁴ ККМ, S. 49.

⁵ ХБГ, § 171; Castrén, § 134; Орлов, § 106; Подгорбунский, op. cit., p. 107.

⁶ ККМ, S. 50.

⁷ Подгорбунский, op. cit., p. 107.

⁸ ККМ, I. с.

⁹ Op. cit., p. 106.

форм находит себе оправдание безусловно в том, что $-cār < *tara$ является единственным примером развития $*t > c$. С другой стороны, однако, значение форм на $-cār$ совершенно не то, что значение форм на $-mcār$. Главное же то, что форма на $-mcār$ продолжит в ряде говоров существовать на ряду с формой на $-cār$ со свойственным ей значением, а это указывает уже на то, что $-cār$ восходит во всяком случае не к $-mcār$.

§ 157. Converbum finale.

Converbum finale или конечное деепричастие играет роль супина и имеет значение „для того, чтобы“.

Суффикс $-xāja$ ($-xējē$, $-xōjō$, $-xējō$).

Примеры: $jaβxāja$ ‘чтобы пойти’, $alaxāja$ ‘чтобы убить’, $ēdēxējē$ ‘чтобы съесть’, $orxōjō$ ‘чтобы войти’, $ēk'k'ējō$ ‘чтобы дать’.

Восходит $-xāja$ к форме дательного падежа на $*-a$ от имени будущего времени (nomen futuri) = мо. $-χui-a$ (напр., $olχui-a berke$)¹ и только по значению соответствует мо. $-ra$ (деепричастию конечному).

В хоринском этой форме соответствует форма на $-xā$ или $-xāja$,² то же и в других бурятских говорах.³ В халхаском соответствует суффикс $-xā$.⁴

На ряду с этой формой *converbi finalis* существует еще форма на $-xār$ (чаще с безличным притяжением, т. е. $-xārā$), напр., $jaβxār$ ‘чтобы итти’, $darxārā$ ‘чтобы подавить’, $ēdхерē jērēbē$ ‘пришел, чтобы съесть’ и т. д.

Эта форма восходит к форме *instrumentalis* от *nomen futuri* (= мо. $-χu-ber$) и тоже распространена во всех бурятских говорах.⁵ В отличие от предыдущей формы на $-xāja$ эта выражает в то же время уверенность в том, что являющееся целью действие, действительно, будет совершено.

§ 158. Converbum successivum.

Converbum successivum или последовательное деепричастие выражает действие, после которого в тот же момент наступает другое. Оно переводится словами „лишь только произошло то-то и то-то, как“... Часто принимает личные притяжания.

Суффикс $-xālār$ ($-xēlēr$, $-xōlār$).

Примеры: $jaβxālār$ ‘лишь только пошел’, $jērхлērīn$ ‘лишь только пришел’, $xōjōr бергēнē орхōлār$ ‘лишь только обе невестки вошли’.

Восходит $-xālār$ к форме *instrumentalis* на $-ār$ от формы *comitativi* на $*-luγa$ от имени будущего времени (nomen futuri), т. е. к $*-χu-luγa-βar$.⁶

¹ Ср. ККМ, S. 113.

² ХБГ, § 179.

³ Castrén, § 136.

⁴ ККМ, S. 51.

⁵ Ср. ХБГ, § 179.

⁶ Ср. ККМ, S. 114.

В хоринском этому суффиксу соответствует -хларā (с безличным притяжением).¹ В халхаском соответствует тоже -хлār.²

По смыслу этой форме, до некоторой степени, соответствует синтаксический оборот *converbum modale* +гeһāй, напр., *јабаң гeһāй* 'лишь только пошел, как оказалось, что...', *хараң гeһāй* 'лишь только посмотрел, как оказалось, что...' и т. д.

§ 159. *Converbum contemporale*.

Converbum contemporale или деепричастие предварительное по значению близко к предыдущему. Оно выражает действие, которое предшествует другому, и после которого наступает действие, выражаемое окончательной глагольной формой. Оно может переводиться словами „когда произошло то-то и то-то, тогда“...

Суффикс -мсār (реже -мсār).

Примеры: *јаба́мсār* ~ *јаба́мсār* 'когда пошел...', *оро́мсār* 'когда вошел'.

Восходит -мсār к форме творительного падежа деепричастия на *-таҕса = мо. -таҕса. Из -мсār, когда форма перестала сознаваться как форма *instrumentalis*, получилось -мсār.

Наряду с этой формой имеем другую, с этим же значением, образуемую при помощи суффикса -мслār (-мслёр). Эта форма восходит к форме творительного падежа от *comitativ'a* на *-луҕа от *-таҕса, т. е. к *-таҕса -луҕа-βar.

Пример: *оро́мслārин* 'как только он вошел'.

Эта форма обычно употребляется с притяжением третьего лица.

В хоринском соответствует -мсār,³ распространенное также в селенгинском. Согласно Орлову, в балагайском говоре (неясно, что он подразумевает под ним) наблюдается уже -мһār.⁴ Суффикс -мсār имеется и в халхаском.⁵

§ 160. *Converbum abtemporale*.

Converbum abtemporale или деепричастие продолжительное выражает действие, с момента наступления которого и в течение совершения которого происходит действие, выражаемое окончательной глагольной формой, напр., „с тех пор, как произошло то-то и то-то“..., „тем временем, как происходило то-то и то-то“...

Суффикс -һār (-һёр, -һөр, -һөр).

Примеры: *јаба́һār* 'тем временем, как шел', 'с тех пор, как шел', 'пока продолжал идти'; *гарһār* 'с тех пор, как вышел' и т. д.

¹ ХБГ, § 175.

² ККМ, S. 52.

³ ХБГ, § 172.

⁴ Орлов, § 106.

⁵ ККМ, S. 53.

Восходит *-hār* к *nomen perfecti*, являясь формой творительного падежа, каковой является и письменное *-γsaγar*.

В хоринском говоре соответствует то же.¹ Форма эта распространена, повидимому, во всех бурятских говорах², а также в халхаском³ и в других наречиях.

Когда требуется выразить действие, продолжающееся очень долго, в аларском употребляется конструкция глагольная основа *-t- converbium abtemporale*, напр., *jabā jabāhār* 'между тем, как шел он и шел...', *ošo ošoḥōr* 'между тем, как отправлялся и отправлялся...', *xūrē xūrēhēr* 'тем временем, как достигал он и достигал...'

§ 161. *Converbium momentanei*.

Эта форма выражает очень краткое, мгновенное действие. Между прочим, может быть переводима словами 'слегка сделав то-то и то-то'. Самостоятельно не употребляется, но всегда с гежэ 'говоря'.

Суффикс *-gāt* (*-gēt*, *-gōt*).

Примеры: *арбагāt гежэ* 'внезапно ерошась', *мешэгēt гежэ* 'усмехаясь', *өндөгēt гежэ* 'внезапно (или слегка) поддавшись вверх' и т. д.

В хоринском соответствует форма на *-āt* или *-āt* и т. д. с гежэ.⁴ В халхаском -с *хйц* (напр., *гаг'ас хйц*, *уххус хйц* и т. д.). Восходит *-gāt* к **-γas*.

Кроме этой формы засвидетельствована еще другая, на *-ūt*, в общем не очень распространенная. Мною наблюдалась эта форма только от глагола *jabā-* 'ходить', напр., *jabūt*, *jabūt дундā* в значении 'в скором времени, немедленно'.

Форма на *-ūt* наблюдается и в хоринском и, судя по примерам, приводимым Рудневым, тоже только от глагола *jabā-*.⁵

§ 162. *Converbium prolocutivum*.

Converbium prolocutivum или деепричастие заменное переводится словами „чем делать то-то и то-то, лучше“...

Суффикс *-hār* (*-hēr*, *-hōr*).

Примеры: *харбаhār* 'чем стрелять', *алаhār* 'чем убить', *хелеhār* 'чем говорить'.

Форма на *-hār* в этом же значении имеется и в хоринском говоре.⁶ В халхаском и говора восточной Монголии соответствует *-hār*.⁷ По мнению Рамстедта *-hār* восходит к **-hā ar*, т. е. форма *converbium modale* и *instrumentalis* от *nomen futuri* глагола *a-* 'быть'.⁸ Со своей стороны я пред-

¹ ХБГ, § 173.

² Подгорбунский, *op. cit.*, p. 104; ср. *Castrén*, § 135.

³ ККМ, S. 54.

⁴ ХБГ, § 181.

⁵ ХБГ, l. c.

⁶ ХБГ, § 177.

⁷ *Mat.*, стр. 225; ср., однако, ККМ, S. 110.

⁸ ККМ, S. 110.

лагаю другое объяснение, а именно -*ḥxār instrumentalis* от **ḥxān*, которое является одной из форм *converbi modalis* в халхаском, ср. там *edžēleḥxē tōrse* 'рожденный владеть'.

Вместо этой формы в аларском часто употребляется форма *ablativi* от имени будущего времени на -*xā* < -*xāhā*, напр., *jabxā* < *jabxāhā* 'чем итти'.

§ 163. *Converbum intentionis*.

Так называю я деепричастную форму, засвидетельствованную всего только от глагола *jadā* 'не быть в состоянии'. По русски ее можно было бы назвать деепричастием усиления.

Суффиксом является -*aḥ*. Всегда следует геже.

Пример: *jadāḥ geje* 'едва, едва'.

Соответствий в других говорах найти не удалось.

§ 164. Деепричастие образа действия.

Так названа Рудневым хоринская форма на -*mḡāšā*, отвечающая на вопрос „каким образом?“¹

В аларском это деепричастие образуется при помощи суфф. -*mḡā*, -*mḡāⁱ* или -*mḡāⁱšā*, напр., *jabāmḡā* или *jabāmḡāⁱšā* 'идя' (напр., „говорю идя“).

Вопреки утверждению Руднева, эта форма в аларском очень распространена.²

Деепричастие это не что иное, как *poen cupiditatis*, о котором шла речь выше (см. § 135). Суффикс -*mḡāⁱšā* восходит к **-maḡai-ša*, где **-ša* суффикс старого *quantitavi*.

§ 165. Из деепричастий отрицательные формы образует только *converbum modale*, отрицанием при котором является *ūbēⁱ*, о чем уже говорилось выше (см. § 155). Остальные деепричастные формы с отрицанием не встречаются, и взамен них употребляются описательные обороты. Таково, напр., сочетание *converbum modale* с *ūbēⁱ* и *adāla* < **atala*, ср. *harām-bēⁱ-dele* 'пока не видел', 'тем временем, как не видел', *harābēⁱ-dele* 'даже не видел', 'раз не видел, то...' и т. д.

ЧАСТИЦЫ

§ 166. Бурятская речь вообще и речь аларских бурят в частности изобилует различными частицами. Частицы, не являющиеся самостоятельными словами, придают тем словам, к которым они относятся, разные мелкие оттенки — сомнения, подтверждения, подкрепления и т. д. Таковы *dā*, -*l* и т. д. Очень часто они употребляются без особой надобности и превращаются в так называемые „пустые слова“.³ Вообще можно заметить, что многие лица в своей речи такими частицами злоупотребляют.

¹ ХБГ, § 178.

² Ср. Санжеев, ЗКВ III, стр. 466.

³ Ср. Мат., стр. 226; ХБГ, § 194.

ЧАСТИЦЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

§ 167. Частица бӯ.

Частица бӯ подтверждения 'ведь' наблюдается при глагольных формах. Обычно она встречается в сопровождении частицы да. Особенно часто эти обе частицы наблюдаются при формах praeteriti I, напр., хелѣбӯ-да 'сказал ведь'.

Частице этой в хоринском соответствует гӯ.¹ Восходит она к *гӯ: г здесь дал в аларском б точно также как в *ügei > үбѣ¹ 'нет'. На подобиего рода частицу обратил внимание и Подгорбунский, но только значение ее осталось им невыясненным (ср. у него мінатаб 'имеет бич').²

§ 168. Частица да.

С частицей да нам пришлось уже встретиться неоднократно, ср. јѣр-да 'приди-же!', јабашаба-да 'пошел ведь' и т. д.

Частица эта имеется и в хоринском³ и других говорах, а также в халхаском и т. д.

§ 169. Частица -л ~ -л̄.

С частицей -л ~ -л̄ мы тоже уже встречались неоднократно, ср. јаба-налбѣ 'я иду', јѣрѣл 'пришел ведь', һужал ба̄на 'все живет' ('все сидит').

§ 170. Частица хеја.

Частица эта принадлежит к наиболее распространенным частицам подтверждения. Находясь при глагольных формах, она показателю личные присоединяет к себе, оказываясь между глагольной формой и личным показателем.

Примеры: асарба-хејап 'я принес кажется', јѣрбѣ-хејап 'я кажется пришел'. Часто она соединяется с име < *yaγuta*, напр., јѣрбѣ-хејимш 'как будто, ты пришел'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

§ 171. Частица -і.

Частица -і присоединяется всегда к той или иной форме, когда требуется выразить вопрос. Она соответствует по значению русскому „ли“. Присоединяясь к глагольной форме, она личные показатели принимает на себя, напр., јабх̄'иш 'ты пойдешь?', болх̄'иш 'ты станешь?' и т. д.

Когда частица эта присоединяется к форме, оканчивающейся на долгий гласный, то между ней и долгим гласным возникает ј. При этом долгота гласного частицы исчезает, напр., јабајѣш 'ты ходил?', јѣрѣјѣш 'ты пришел?', гертѣјѣ 'в своем доме?' ('дома-ли?') и т. д.

¹ ХБГ, § 189.

² Op. cit., p. 113.

³ ХБГ, § 193.

Частице этой соответствует в ойратских говорах и в говорах восточной Монголии -і.¹ В халхаском же наречии имеется другая частица вопроса, а именно -ū (-ū̄).

В хоринском говоре частицей вопроса является -гү,² распространенная и в некоторых других говорах.³ Частица -і, кроме аларского говора, наблюдается и в некоторых других, так напр., о ней говорит Подгорбунский, не указывающий только говора, в котором она ему встретилась.⁴

§ 172. Частица ал.

Частица эта, сообщающая оттенок вопроса, чрезвычайно распространена. По моим наблюдениям она встречается только при глаголах. Она точно так же личные показатели присоединяет к себе.

Пример: хурет јербалш 'ты прибыл?'

Частица эта встречается и в хоринском говоре.⁵

§ 173. Частица -п.

Частица эта наблюдается только в тех случаях, когда вопрос уже выражается каким-нибудь вопросительным словом, напр., 'где', 'куда', 'когда' и т. д., и, как и остальные вопросительные частицы, помещается между глагольной формой и личным показателем.

Примеры: јаҗап 'что случилось?', јаҗапш 'что с тобою случилось?', ха́ша ошо́п 'куда пошел?' и т. д.

Для форм первого лица эта частица не употребляется.

Если форма оканчивается на ң, то ң + п дают м.

Суффикс этот восходит к **bui* == мо. *bui* и наблюдается также в халхаском, ср. хае'ч'иц јаwaw 'куда пошел?'. Может быть, было бы правильнее суффикс -п назвать „предикативным суффиксом при вопросе“.

ОТРИЦАНИЕ

§ 174. Об отрицаниях при глаголе ба (бе и т. д.) при повелительных формах и үбе¹ при именных и изъявительных, а также некоторых деепричастных уже говорилось на своем месте.

§ 175. Отрицание үлө.

Отрицание это принадлежит к редким и наблюдается только в эпическом языке. Встречается только при изъявительных и деепричастных формах.

В письменном монгольском языке соответствует *ülü*, в дагурском үл. В унгинском говоре үлө несколько более распространено, чем в аларском.

¹ Мат., стр. 225.

² ХБГ, § 186.

³ Ср. Castrén, § 184.

⁴ Op. cit., p. 86.

⁵ ХБГ, § 185.

ВОПРОС С ОТРИЦАНИЕМ

§ 176. Вопросительная и в то же время отрицательная форма, напр., 'ты не видел?', образуется путем механического прибавления к той или иной форме вопросительной и отрицательной частиц. При этом вопросительные частицы всегда присоединяются к отрицанию, которое таким образом оказывается между глагольной формой и вопросительной частицей. Что касается личного показателя, то он присоединяется в таких случаях к вопросительной частице.

Примеры: *јабабејеш* 'ты не ходил?', *јеребејеш* 'ты не пришел?', *хелегшеһембџеп* 'ведь я говорил' < 'не говаривал-ли я?' и т. д.
